сетевой научный журнал ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

RESEARCH RESULT

Том 4 | № 2
Volume 4 | 2018

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Сайт журнала:
rrsociology.ru
сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ
RESEARCH RESULT

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ
SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.
включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ
Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017
Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

Том 4, №2. 2018

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Издается с 2014 г.
ISSN 2409-1634

Volume 4, № 2. 2018

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL
First published online: 2014
ISSN 2409-1634

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: ***Шаповалова И. С.***, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: ***Лебедев С. Д.,*** кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: ***Кисиленко А. В.,*** старший преподаватель кафедры социологии и организации работы с молодежью Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: ***Ляшенко И. В.,*** кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Институт межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдирайымова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Болотин И. С., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и управления персоналом ФГБОУ ВПО «МАТИ – Российский государственный технологический университет имени К.Э. Циолковского», Россия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневский Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мартинович В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Российской академии наук, Россия.

Островская Е.А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Стоянов Ю., доктор социологических наук, профессор, Болгария.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Тихонов А. В., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра Социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук, Россия.

Тощенко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цвиткович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Чупров В. И., доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук, Россия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российского Университета Дружбы Народов, Россия.

EDITOR-IN-CHIEF: ***Inna Shapovalova,*** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: ***Sergey Lebedev,*** Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

EXECUTIVE SECRETARY: ***Anastasey Kisilenko,*** Senior lecturer, the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Management, Belgorod State National Research University.

ENGLISH TEXT EDITOR: ***Igor V. Lyashenko***, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdiraiymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a leading researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ivan Bolotin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Human Resource management, Moscow Aviation Technology named after K. E. Tsiolkovsky MATI, Russia.

Vladimir Chuprov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Research Scientist of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Елена Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Yury Stoyanov, Doctor of Sociology, Professor, Bulgaria.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Alexander Tikhonov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Center of Sociology of Management and Social Technologies Institute Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85. Журнал выходит 4 раза в год

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»
Publisher: Belgorod State National Research University
Address of publisher: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia
Publication frequency: 4 /year

© Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018
© Belgorod State National Research University, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Беляев В.А. Эволюция терроризма и экстремизма в Республике Татарстан **3**

Вангородская С.А. Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) **13**

Ли Ма, Альдуайс Ахмед. Исследование стилей обучения и их возможного влияния на успеваемость студентов университета в Глазго **27**

Яницкий О.Н. Четвертая научно-техническая революция, глобализация и институты **45**

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Ермолаева Ю.В. Мобильные приложения в управлении отходами: всемирные и российские тренды **58**

Максименко А. А., Шаповалова И. С. Молодежь и российская армия: будет ли положительный вектор во взаимодействии? **70**

Трифунович В.С. Согласование и образование: некоторые тенденции реформы образования в Республике Сербия **88**

CONTENTS

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

Vladimir A. Belyaev. Evolution of terrorism and extremism шn the Republic of Tatarstan **3**

Svetlana A. Vangorodskaya. The factors of self-preservation behavior of the population in the region (based on empirical studies) **13**

Ma Li, Ahmed Alduais. A study on learning styles and their possible effect on academic performance among university students in Glasgow **27**

Oleg Yanitsky. The fourth scientific and technicak revolution, glovalization and institutions **45**

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Yulia V. Ermolaeva. Mobile applications in waste management: global and Russian trends **58**

A. Maksimenko, I. Shapovalova. Youth and the Russian Army: will there be a positive vector in interaction? **70**

Vesna S. Trifunovic. The harmonization and education: some tendencies of the educational reform in the Republic of Serbia **88**

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES AND PROCESSES

УДК 316.35 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-1**

Беляев В.А.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

Казанский научно-исследовательский технический университет –
КАИ им. А.Н. Туполева,
ул. Карла Маркса, 10, Казань, 420111, Россия
kai@kai.ru

Статья поступила 3 апреля 2018 г.; Принята 3 июня 2018 г.; Опубликована 30 июня 2018 г.

Аннотация. В статье раскрыты четыре этапа институционализации проявлений экстремизма и терроризма в РТ (межэтнический конфликт конца 1980-х годов; радикализация татарского движения и кризисы легитимности власти начала 1990-х годов; стабилизация 2000-х годов с рождением экстремизма футбольных фанатов; конфликт квазирелигиозных террористов и ФСБ в 2010-х годах). Выделены восемь источников квазирелигиозного терроризма и экстремизма. С целью анализа распространенности питательной среды данных негативных феноменов был проведен опрос молодежи Татарстана, показавший преобладание осуждения любого экстремизма. Вместе с тем молодежь видит опасность ряда социальных сетей как канала распространения экстремизма и мобилизации радикалов. Отказ от экстремизма не равнозначен социальной пассивности, в молодежной среде преобладает социальный активизм, отказ от смирения с бесправием и превалирование законных и демократических каналов борьбы с несправедливостью. Религиозный экстремизм, несмотря на громкие акции, не стал популярным среди молодежи, у него слишком тонкая мобилизационная база. В то же время другая форма экстремизма – этнический и языковой радикализм, из-за неуклюжей политики властей РТ в сфере образования, стал нарастать с обеих сторон (среди татар и русских). В силу этого весьма значительный сегмент молодежи считает межэтнические отношения в республике напряженными и даже конфликтными. При этом проявления межнациональной и межрелигиозной нетерпимости в реальной жизни молодые люди видят редко, в отличие от интернета, где треть опрошенных встречает их часто и даже постоянно, причем у 4,1% респондентов реакция на такую «встречу» благожелательная, что представляется весьма опасным. В статье предложены и десять путей противодействия экстремизму и терроризму в Республике Татарстан.

Ключевые слова: институционализация экстремизма и терроризма; источники квазирелигиозного терроризма и экстремизма; социальные сети как канал мобилизации радикалов; религиозный, этнический и языковой радикализм.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Динамика реальных и условных поколений в информационном, полиэтноконфессиональном обществе (на материале Республики Татарстан)» № 17-06-00474.

Vladimir A. Belyaev

EVOLUTION OF TERRORISM AND EXTREMISM IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Kazan Research Technical University – KAI named after A.N. Tupolev
10 Karl Marx St., Kazan, 420111, Russia
kai@kai.ru

Received 3 April 2018; Accepted 3 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. The article covers four periods of institutionalization of extremism and terrorism in Tatarstan (from inter-ethnic conflict at the end of 1980-s, across radicalization of Tatar ethno-political movement and legitimacy crises at the beginning of 1990-s and birth of football fans' extremism in 2000s to the conflict between quasi-religious terrorism and FSB in 2010s). The author elicits eight sources of quasi-religious extremism and terrorism. For the purpose of analysis of social roots of these negative phenomena there was conducted a youth opinion poll. The poll shows the prevalence of condemnation of any extremism. The rejection of extremism is not equivalent to social passivity. In the youth environment, we can see the relevance of social activism, rejection of humility with lack of rights and prevalence of legitimate and democratic channels to combat injustice. Religious extremism, in spite of clamorous actions, has not become popular with young people, as it has a too thin mobilization base. At the same time, another form of extremism – ethnic and linguistic radicalism, resulting from awkward policy of the authorities of the Republic of Tatarstan in the sphere of education – began to grow on both sides (among the Tatars and Russians). Because of this, a very significant segment of the youth considers inter-ethnic relations in the republic tense and even conflict. Young people rarely see the manifestations of inter-ethnic and interreligious intolerance in real life, unlike the Internet, where one third of respondents encounter them frequently and even constantly, and 4.1% of the respondents have a favorable reaction to such "encounters", which seems very dangerous. The article proposes ten ways to counter extremism and terrorism in the Republic of Tatarstan.

Keywords: extremism-terrorism`s institutionalization; sources of quasi-religious extremism and terrorism; social networks as a channel of radicals` mobilization; religious, ethnic and linguistic radicalism.

Введение (Introduction). Нарастание экстремизма и террористических проявлений в России в целом и в Республике Татарстан, в частности, делает злободневным их научный анализ в целях выявления их социальных корней, источников и каналов распространения для минимизации питательной среды и иных условий и факторов рождения экстремизма и терроризма.

В то же время чаще всего работы, посвященные противодействию терроризму и экстремизму, носят или сугубо практический, прикладной характер, или же чисто юридический и даже политологический, зачастую они отражают лишь заграничный опыт борьбы с экстремизмом. При этом западные исследователи весьма долгое время воспринимали экстремизм и терроризм как нечто далекое от их стран и лишь в последние годы начали обращаться к опыту своих государств. Однако источники экстремизма на Западе больше коренятся в неограниченной миграции, в конфликте постмодернистской и традиционалистской культур, в несоответствии законодательства этих стран задачам своевременного, адекватного

и неотвратимого наказания за экстремистские деяния. Не всегда четко проводится граница между экстремизмом и терроризмом, и, наоборот, в ряде случаев экстремизмом считается любая внесистемная оппозиционная деятельность, если даже она требует лишь пересмотра законов, или даже жестикуляция отдельного человека (например, малолетнего ребенка), признанная неполиткорректной, вызывающей или двусмысленной (Coolsaet, 2012; Pickering, 2014; Schmid, 2014; Trilling, 2012; Thomas, 2012; Posluszna, 2015; Kumar, 2012; Christmann, 2012; Тушкова, 2018).

В России постмодернистская идеология еще не стала мэйнстримом, поэтому главные факторы современного экстремизма и терроризма, с которыми страна столкнулась раньше, чем Запад, коренятся в социально-экономической неустроенности самих россиян и приезжих из ближнего зарубежья. Имеются пробелы и в законотворческом оформлении путей борьбы с экстремизмом и терроризмом, на что указывают исследователи (Петрищев, 2013; Бааль, 2012; Косов, Панин, 2014; Грачев, Сорокин, Азимов, 2015). В то же время реальность такова, что невозможно искоренить и даже минимизировать эти делинквентные проявления без исключения их социальных корней, для чего в данной работе проведено и социологическое исследование предмета.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Проведенный анализ показывает укорененность и определенную институционализацию проявлений экстремизма и терроризма в Республике Татарстан (РТ), прошедших такие этапы, в каждом из которых, наряду с новыми трендами, действовали и группы предшествующих этапов.

1. Татарский и русский радикализм в конце 1980-х гг. распространялся в сфере межэтнических отношений. Татарский выразился в сепаратистской и этнонационалистической деятельности Всетатарского общественного центра (ВТОЦ). Одним из основателей ВТОЦ явилось движение «Саф ислам» («чистый ислам»), еще не порвавшее полностью с традиционным для татар ханафитским мазхабом. Русский радикализм был представлен «Русским собранием», быстро исчезнувшим из-за отсутствия массовой поддержки и пассионарных лидеров, а также благодаря деятельности Многонационального движения «Согласие».

2. В 1990-е гг. произошла радикализация татарского этнополитического движения в лице как ВТОЦ, так и партий-движений «Иттифак», «Суверенитет», «Азатлык», «Милли меджлис» с их требованиями этнонационального государства Татарстан, выхода из состава РФ, создания моноэтнических неконституционных «органов госвласти». Эти организации провоцировали кризисы легитимности власти в республике. В это же время появлялись отдельные русские радикалы в виде сторонников Русского национального союза (РНС). Вместе с тем заключение властями РТ Договора с руководством РФ привело к снижению уровня сепаратистских требований и к падению популярности экстремистов, избравших объектом своей атаки уже не только Московский, но и Казанский Кремль. Однако именно в этот период в обвиняемые в спонсировании терроризма Катар и Саудовскую Аравию, а также в Египет и Турцию, на религиозную учебу были посланы сотни молодых людей, открыто проповедовались нетрадиционные религиозные взгляды в ряде мечетей Казани, Набережных Челнов и более мелких поселений, в отдельных татаро-турецких лицеях.

3. В 2000-е гг. власти РТ смогли нейтрализовать политизированных светских экстремистов. Прошел ряд судебных процессов, на которых татарские и русские экстремисты получили реальные сроки. В это же время начал «бродить» русский фашизм в среде футбольных болельщиков, часть которых пользуется нацистской символикой, вернулись в РТ и сотни обогащенных квазиидеологией ваххабизма проповедников – как татарских, так и турецких, среднеазиатских и кавказских.

4. В 2010-е гг. в РТ усилилась жесткая борьба против ваххабизма, террористами был сожжен ряд православных церквей, совершены покушение на муфтия РТ И. Файзова и убийство нач. учебного отдела ДУМ РТ В. Якупова. В этот период социологи, исламоведы и политологи забили в колокола, ФСБ начала активно бороться с террористическим подпольем, что стало ее успехом в деле борьбы с экстремизмом.

Поднимающийся ныне с обеих сторон в республике языковой радикализм (Trilling, 2012) – это повторный поворот к опасности этнического экстремизма от религиозного, что необходимо понимать в поиске взаимоприемлемого компромисса в преподавании языков в школе.

Однако сами источники квазирелигиозного терроризма и экстремизма сохранились. Каковы же они?

Первым является деятельность идеологов ваххабизма и терроризма. Для приехавших с «учебы» экстремистов ценность человеческой жизни стоит на последнем месте, а опыта толерантности нет совсем. Сюда же относятся вернувшиеся с «газавата», войн с «неверными» и отбывшие свой тюремный срок боевики-квазимусульмане.

Вторым – соединение радикальной части остатков татарского этнополитического движения с ваххабитами. Первое из них («Азатлык») обучает способам организации пикетов, митингов и шествий, «пробивания» разрешений на них через госорганы, вторые – массовую базу участников этих демонстраций с антиконституционными лозунгами. Очень настораживает и тесное сотрудничество ряда светских оппозиционеров (даже в группе «Общественные активисты» и местном «Яблоке») с такими экстремистами, ибо это дает дополнительные возможности для радикализации части общества. Есть люди с образованием, не реализовавшиеся в своей профессиональной сфере или на общественном поприще, часть из которых способна возглавить экстремистские группы и даже их идеологически обслуживать. Дело в том, что разрабатывают и проводят в жизнь экстремистские доктрины люди, сознательно заинтересованные в собственном продвижении к власти.

Третьим источником является наличие широкой социальной опоры в лице маргиналов, выходцев из сел, просто потерявшихся в Городе, не способных одолеть социальную дистанцию между статусами крестьянина и горожанина и утративших в Городе с его социальной анонимностью и требованиями к квалификации, которых у бывших сельчан не может быть, социальный контроль со стороны прежней деревенской общины. Для них в 1980-е-1990-е гг. простейшим способом мобилизации, коммуникации, самореализации, возвращения уважения и самоуважения, консолидации выходцев из одного села, района являлось этнополитическое движение, а ныне – ваххабитские «уммы» вокруг отдельных мечетей, дающих им не только работу и пропитание, но и утешение, сатисфакцию, повышение социального статуса, выход из люмпенизированного положения.

Четвертый источник представляет собой бурный рост числа мигрантов из Средней Азии, выходцев с Кавказа, тоже исповедующих ваххабизм и очень недовольных, что руководство РТ начало чистить от экстремистов приходы, уммы и само духовенство. Они также потеряны в Городе и по тем же причинам объединяются в экстремистские секты.

Пятым источником и важным каналом приобщения к ваххабизму, псевдорелигиозного «обращения», миссионерской работы с неофитами нетрадиционных толков ислама стали тюремные камеры и колонии, где ваххабиты активно заняты рекрутированием новых сторонников экстремизма.

Шестым источником распространения фрустрации в обществе, ведущей к его радикализации является либеральная (монетаристская) социоэкономическая политика, погружающая миллионы людей в маргинальное состояние, люмпенизирую-

щая население и вызывающая «передаваемую по поколениям депривацию». Такая политика противоречит и социальной сущности государства и не позволяет выйти из кризиса путем внедрения неокейнсианской модели, способной создать крупный средний слой и ликвидировать разительные социальные контрасты, нищету многих. Именно чувство социальной несправедливости существующей социоэкономической модели и питает экстремизм и выбор радикальных квазиидеологий, ссылающихся на «социальную справедливость и равенство начального ислама».

Седьмой причиной распространения идеологии ваххабизма является недостаточная активность противодействия со стороны татар-мусульман с традиционными для данного этноса верованиями, со стороны ДУМ РТ и интеллигенции. Подлинная интеллигенция не опускается до религиозного экстремизма, тем более в поликонфессиональной стране. Однако в среде социальной группы интеллигенции появилось довольно много людей, лишенных рефлексии, образованности, порядочности, сострадания, толерантности (Pickering, 2014).

Восьмое – это несформировавшиеся или неустойчивые взгляды молодого поколения, склонного к тому же к максимализму и «черно-белому» восприятию реальности. Для определения степени опасности экстремизма и терроризма в Республике Татарстан и борьбы с ними необходимо выяснить истоки, причины, предпосылки и степень распространенности радикальных взглядов среди молодежи и предложить меры их профилактики, предотвращения и купирования. Для этого выяснения под руководством автора данной статьи было осуществлено конкретное исследование, базирующееся на методах наблюдения, анализа документов, включая СМИ, а также на массовом опросе, проведенном в ноябре 2017 г. среди молодежи РТ в рамках гранта для изучения потенциальной мобилизационной базы экстремизма[1]. Выявление наличия среди молодежи радикальных и экстремистских взглядов было одной из задач этого исследования. Всего была принята к анализу 1.241 заполненная электронная анкета. Анкета заполнялась жителями Татарстана в возрасте 16-29 лет, из них 50,8% респондентов женского пола и 49,2% мужского, что примерно соответствует гендерной структуре молодого населения РТ. Эйджеистский (возрастной) состав опрошенных полностью соответствует требуемому. Вместе с тем особое внимание в исследовании уделялось не той категории, которая еще учится в школе и не имеет устоявшихся социополитических и этноконфессиональных взглядов, зато активно, почти поголовно пользуется информационно-сетевыми технологиями (в возрасте 16-17 лет опрошенных оказалось всего 8,4% от выборочной совокупности), и не той категории, которая, закончив ВУЗ, сформировав устойчивое мировоззрение и начав работать, все же не всегда использует социальные сети для выражения последнего (категория 23-29-летних составила 23,9% от всех респондентов). Акцент в опросе делался на категории 18-22-летних в силу их активности в задействовании информационно-сетевых технологий и открытости в артикуляции своих мнений по этноконфессиональным проблемам. Такой возрастной разброс объясняется также и провалом в рождаемости в РТ в последние годы горбачевской перестройки и первой половины ельцинских реформ (1988-1994 годы). Поэтому особый интерес к возрасту 18-22 года не только детерминирован задачами исследования, но и отражает возрастную структуру данного поколения. В целом, структура опрошенных по уровню образования и по сферам занятости также аналогична составу молодежи РТ в целом.

[1] В статье использованы данные массового опроса молодежи РТ, проведенного в рамках научного проекта № 17-46-160490 «Роль информационно-сетевых технологий в формировании этноконфессиональной толерантности/интолерантности молодого поколения Республики Татарстан», выполняемого при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Правительства Республики Татарстан.

По национальности распределение респондентов таково: 522 выбрали национальность «русский/ая», 508 – «татарин/ка», что в общем соответствует дуальному этническому составу населения РТ. Встречаются представители всех основных национальностей, населяющих РТ, однако ряд респондентов подчеркнул смешанный характер своего происхождения (указав сразу две национальности или «полинациональность») или назвал такие, что национальностью в строгом смысле не являются («РФ», «землянин» и пр.) и даже отказался отвечать на данный вопрос.

При анализе ответов на вопрос о национальности супруга/и (в случае наличия брака) мы видим большую долю тех, кто сам состоит в миксированном браке, что подчеркивает отсутствие не только антагонизма между основными национальностями, но и четких этнических границ и социально-этнических дистанций (семейной сегрегации) в рамках браков в РТ.

По месту жительства респонденты распределились следующим образом: 69,9% из них живут в г. Казани (мегаполисе, постоянно вбирающим молодежь со всей республики); в обоих «средних» по численности городах (Набережных Челнах и Нижнекамске) проживает, соответственно, 6% и 0,9%; остальные – в малых городах и деревнях, где доля молодежи сокращается из-за воздействия миграции из них.

Многих смутила формулировка вопроса «Как Вы относитесь к людям, готовым пожертвовать своей жизнью ради идеи (например, патриотической или религиозной)?», поэтому ответы так разделились: одни акцентировали внимание на патриотическом подвиге, другие – на неприемлемости религиозного фанатизма: 18,9% выбрали ответ «Я сам мог бы поступить так в некоторых случаях», 21,8% – «Для меня это недопустимо, но я отношусь к таким людям положительно», а 16,5% осудили это. Остальные предпочли не высказываться прямо. Видимо, такой вопрос в дальнейшем исследовании подлежит расчленению на два. Собственно, основные конфессии также четко разводят патриотизм (с геройством) и религиозную нетерпимость.

С точки зрения каналов распространения экстремистских взглядов представляет значимость проблема понимания респондентами опасности ряда социальных сетей, которыми опоясана молодежь (96,2% ежедневно выходят в интернет, а начали пользоваться им более 5 лет назад 63,8%, причем более 2/3 опрошенных проводят в нем ежедневно 1-3 или 5-7 часов; с этими оценками согласуются данные и иных исследований (Thomas, 2012)). Так, на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что Интернет и социальные сети несут в себе определенные угрозы для общества?» (можно было выбрать не более двух ответов) выбрали ответ «Да, они негативно влияют на психику молодежи, провоцируют рост самоубийств, терроризма» 17,5% опрошенных, «Да, они способствуют подрыву стабильности в обществе, способствуют массовым беспорядкам» − 8,6%. Сугубо социальный вред отметили 38,5% (вариант «Да, они отрывают человека от реальной жизни»). В то же время не видят серьезных угроз в распространении Интернета и социальных сетей 44,5%. Значит, имеется гораздо больше молодых людей, не замечающих проблем и опасностей от групп и общения в «личке», чем тех, кто предвидит угрозу распространения через Интернет терроризма и экстремизма.

О предполагаемых респондентами способах защиты своих прав можно судить по ответам на вопрос «В случае нарушения Ваших прав, что Вы, скорее всего, предпримете?», позволявший выбрать не более трех вариантов. Здесь доля «пассивистов»-фаталистов невысокая (ответили «Ничего, так как уверен в безуспешности каких-либо действий» 15,1% респондентов). Действовать через органы власти собирается большинство: через правоохранительные органы – 49,3%, через исполнительные органы власти – 27,6%, через суды – 17,8%. Тем самым большинство стоит за легальные каналы защиты своих прав.

Вместе с тем, опрошенные выбирают и иные каналы борьбы с попранием своих прав: как более активистские «Буду участвовать в акциях протеста» (4,4%, но именно эти акции могут быть как законными, так и противоправными), так и чисто незаконные «лазейки» «Буду использовать личные связи и вознаграждения» (12,5%) и социально-активистские «Постараюсь привлечь внимание общественности (обращение в СМИ, общественные организации, соцсети)» (13,7%). Очевидно преобладание активизма, отказ от смирения с бесправием и превалирование законных и демократических каналов борьбы с социальным злом.

Задавались в анкете вопросы, которые выводят на распространенность религиозного экстремизма. Собственно, самих верующих среди опрошенных молодых людей оказалось большинство: твердо верующих (т.е. веруют и соблюдают обряды и обычаи), как обычно, немного – 8,0%, а иных верующих (которые не соблюдающих все обряды) – 47,7%. Кроме того, имеются колеблющиеся молодые люди (13,0%), неверующие, но уважающие чувства тех, кто верует (20,0%), и воинствующие безбожники (требующие борьбы с религией – 6,3%). Эти данные согласуются с иными нашими исследованиями молодежи Татарстана (Posluszna, 2015). В любом случае, традиционные конфессии отвергают фанатизм, но одновременно псевдорелигиозный экстремизм существует именно в среде тех, кто считает себя твердо верующим. С точки зрения конфессий, обе основные были представлены одинаково, как и в жизни (по 32,5 % опрошенных), остальные – или не верят, или верят в «своего Бога» и т.п. Рекрутация в свою конфессию преобладает традиционная (разрешалось дать несколько ответов; «эту религию исповедуют в моей семье» – 60,4%; «это религия моего народа» – 39,9%). Реже встречается индивидуальный, самостоятельный выбор («эта религия больше всего соответствует моим убеждениям» – 20,6%; «об этой религии я больше всего читал и слышал» – 20,6%). Однако дома воспитаны в религиозном духе лишь 7,5%. Библию читали 29,6%, а Коран – 19,3% респондентов. Регулярно читает религиозные книги, религиозные сайты всего по 21 человеку (1,7%). Столько же посещают храм, мечеть или религиозные собрания раз в неделю и чаще.

Выбор религии, твердая вера иногда детерминируют взаимоотношения с иноконфессиональными людьми. Брак своих ближайших родственников с человеком иной веры считают нежелательным 9,4%, еще 22,1% предпочли бы человека своей веры, но возражать бы против выбора не стали. Остальные фактически разводят понятия брака и религии полностью.

В целом можно сделать вывод о том, что религиозные экстремисты вовсе не попали в выборку, что свидетельствует как об их непопулярности, так и хорошей законспирированности, но главное – о том, что у них слишком тонкая мобилизационная база среди молодежи.

Другой формой экстремизма является этнический и языковой радикализм. Среди опрошенных 53,2% ощущают свою принадлежность к определенной национальности со своими обычаями, традициями и языком, а 15,8% – сразу к нескольким национальностям, в то время как не чувствуют принадлежности к какой-либо национальности – 30,9%. Задумываются о своей национальности почти 60%.

Почти 70% считают, что их роднит с людьми своей национальности именно язык (можно было выбрать несколько ответов), тогда как родная земля и природа – 37,2%, обряды и обычаи – 28,4%, национальная литература, искусство – 22,8%, а вот религия – меньше (19,9%), особенности быта (пища, одежда и пр. – 17,9%), общая страна (16,6%, сравните с менее популярными ответами!), черты характера (15,0%), исторические судьбы, прошлое (9,9%), внешний облик (6,2%), «ничего не роднит» – это отметили 7%.

Представляется весьма показательным для оценки степени напряженности отношений и социальной дистанции между этносами ответ на вопрос «Насколько Вам

хотелось бы видеть представителя другой национальности (татарина для русских, русского для татар) в роли…?» и далее следует перечень социальных позиций. В отношении должности руководителя республики большинство (51,4%) относится к его национальности безразлично и лишь 15,1% очень бы этого не хотело. Такие высокие цифры неприятия объясняются расхождением взглядов на национальные проблемы между этой категорией и большинством населения, опасением потерять свой статус в случае занятия данного поста человеком инонациональным. Можно сказать, что такое неприятие не относится к оценке национальности иных социальных позиций (друга, соседа, коллеги по работе), однако названное неприятие несколько выше «президентского» в оценке национальности супруга/и и мужа/жены ребенка респондента. Собственно, авторские опросы студентов во времена СССР показывали как такие же цифры, так и аналогичную их иерархию.

В 2017 г. проходил пик весьма острых общественных дискуссий по преподаванию русского и татарского языков в школах РТ. Поэтому и был включен в анкету вопрос «Как Вы относитесь к проблеме преподавания татарского языка в учебных заведениях Татарстана?». Только 14,3% опрошенной молодежи убеждены, что «Татарский язык должен обязательно изучаться всеми учащимися, независимо от их национальности в равном объеме с русским языком», т.е. должна, по их мнению, сохраниться ситуация, вызывавшая недовольство городских татар и русских; ныне эту позицию можно назвать радикальной, не учитывающей интересы большинства. Более компромиссную позицию «Татарский язык должен быть обязательным для всех, но в меньшем объеме, чем русский язык» разделяют 19,3% респондентов. Другой компромисс (видимо, и выбранный властями всех уровней) предлагают 18,3%, считающие, что «Татарский язык должны изучать татары в обязательном порядке, а другие национальности – по желанию, факультативно». Более радикальная позиция у тех, кто утверждает, что «Татарский язык должен изучаться только по желанию, факультативно, независимо от национальности учащихся», таковых 39,7%, некоторые из опрошенных еще более негативно относились к принятой до 2017 г. практике.

И, наконец, в анкете были и более прямые вопросы по проблеме экстремизма. Так, абсолютное большинство (54,0%) считают межнациональные и межрелигиозные отношения в Татарстане «в целом спокойными, дружественными», однако имеются и иные оценки: 21,3% считают эти отношения нейтральными, тогда как 8,6% убеждены, что отношения напряженные, а 1,9% назвали их конфликтными. Некоторые отметили, что причиной напряженности является преподавание татарского языка. В этом срезе и надо искать источники экстремизма с обеих сторон.

На вопрос «Встречались ли Вы когда-либо с проявлением межнациональной или межрелигиозной нетерпимости в реальной жизни?» 48,7% ответили отрицательно, однако 41,3% – что «Иногда приходится сталкиваться с подобного рода нетерпимостью, но не часто», а вот 8,9% встречались «достаточно часто». Это говорит о некоторых трениях, причем ряд респондентов назвал источником нетерпимости не русских и татар, а представителей иных национальностей. В интернете же целых 32,0% встречают такие проявления часто, постоянно и 37,7% – встречают иногда (совсем не видели такого 29,1% респондентов). Надо отметить, что у 4,1% опрошенных реакция на такую «встречу» благожелательная, «с пониманием, сам(а) иногда так поступаю», что весьма опасно.

Так что и Интернет в целом, и конкретно молодежная аудитория, не закаленная в идейных дискуссиях, могут стать источником экстремизма.

Заключение (Conclusions). Исходя из приведенной типологии источников экстремизма и терроризма, можно предложить и пути противодействия им. Это:

1) серьезное «профилактирование» (силами правоохранительных органов) всех приезжих из горячих точек и из-за границы (как иммигрантов, гастарбайтеров, так и учившихся там, не говоря уже о воевавших или сидевших в Гуантанамо) и актива футбольных болельщиков, а также предупреждение деятелей «Азатлыка», «Яблока», «Парнаса», «Общественных активистов» о недопустимости сотрудничества с псевдорелигиозными экстремистами; отказ от «симметричной реакции» на экстремизм разного толка путем выявления главной и наиболее массовидной опасности;

2) включение в борьбу с проповедями ваххабизма всех членов ДУМ РТ и СМИ республики для создания атмосферы нетерпимости даже к экстремистским высказываниям; закрытие экстремистских групп и сообществ сепаратистской, националистической и псевдорелигиозной направленности в социальных сетях (прежде всего, в самой популярной сети «вКонтакте»);

3) сокращение миграции из зараженных ваххабизмом и нацизмом стран и регионов, особенно учитывая рост миграции с Украины, среди приезжих с которой пока не наблюдается проявлений экстремизма (хотя и их деятельность надо контролировать, поскольку возможны засылки «спящих» экстремистов из «Правого сектора» и пр.);

4) совершенствование оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов для предотвращения терактов;

5) изменение условий содержания экстремистов в рамках пенитенциарной системы, их полная изоляция, с целью полного пресечения возможностей вербовки неофитов, квазирелигиозного прозелитизма внутри названной системы;

6) активизация деятельности Российского исламского университета в Казани в плане подготовки не только высшего эшелона кадров мусульманского духовенства, но и его среднего звена, мусульманских журналистов, экономистов, лингвистов, дипломатов;

7) не сокращение, а расширение преподавания в светских ВУЗах гуманитарных дисциплин (философии, культурологии, социологии, политологии, истории), полный отказ от «заочного» прохождения данных дисциплин (т.е. от «самостоятельной работы студентов»), возврат к еженедельному преподаванию данных курсов (68 часов занятий по каждому из них, а не 17 или 34 в каждом ВУЗе); введение в ежегодные отчеты профессорско-преподавательского состава вопросов профилактики экстремизма и терроризма с учетом их в балльной системе; анализ учебных пособий и учебников, распространяемых в школах и ВУЗах, на предмет исключения из них сюжетов, способных усиливать межэтническую и межрелигиозную напряженность и экстремизм;

8) проведение в каждом ВУЗе при участии АН РТ репрезентативных массовых опросов по выяснению распространенности радикальных идей в области национальных, конфессиональных и политических отношений; организация научных конференций по данным вопросам с приглашением правоохранителей и публикация полученных итогов и материалов;

9) организация фокус-групп молодежи для выяснения степени зараженности субкультурных объединений радикальными идеями;

10) изменение социоэкономической политики в русле неокейнсианства, отказ от монетаризма.

В целом борьба с вытравливанием источников экстремизма и терроризма предстоит тяжелая и долгая, но вполне осуществимая. И такая борьба потребует меньше затрат, чем ее отсутствие. Профилактика всегда дешевле и эффективнее, чем хирургия.

Список литературы

1. Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2012. 42 с.

2. Грачев С.И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия. Н. Новгород: Институт ФСБ России, 2015. 164 с.

3. Косов Г.В., Панин В.Н. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция. М.: Миракль, 2014. 192 с.

4. Калимуллина Э.Р., Беляев В.А. Информационно-сетевые и этноконфессиональные факторы миграции молодежи из малого города // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4.

5. Мингазова А.М., Беляев В.А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 4.

6. Петрищев В.Е. Что такое терроризм, или Введение в террорологию. М.: КРАСАНД, 2013. 464 с.

7. Тушкова Ю.В. Государственная политика по противодействию экстремизму в Великобритании: дис... канд. полит. наук. Казань, 2018. 203 с.

8. Christmann K. Preventing Religious Radicalisation and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence. Huddersfield: Youth Justice Board for England and Wales, 2012. 76 p.

9. Coolsaet R. Jihadi Terrorism and the Radicalisation Challenge: European and American Experiences. 2nd edition. Serrey: Ashgate Publishing Company, 2012. 344 p.

10. Kumar D. Islamophobia and the Politics of Empire. Chicago: Haymarket Books, 2012. 220 p.

11. Maximova O., Belyaev V., Laukart-Gorbacheva O. Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies // Journal of Social Studies Education Research. 2017. Vol 8, № 2.

12. Pickering R. Terrorism, extremism, radicalisation and the offender management system in England and Wales in Prisons // Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalisation and Reform / Ed. A. Silke. L.; N.Y.: Routledge, 2014. 312 p.

13. Posluszna E. Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security. Oxford: Butterworth-Heinemann, 2015. 278 p.

14. Schmid A. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? Hague: ICCT, 2014. 31 p.

15. Trilling D. Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right. L.; N.Y.: Verso Books, 2012. 234 p.

16. Thomas P. Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent. L.: Bloomsbury Academic, 2012. 192 p.

References

1. Baal, N.B. (2012), “Political extremism of the Russian youth and technologies of its overcoming”, Abstract of PhD dissertation, N. Novgorod, Russia. *(In Russian).*

2. Grachev, S.I., Sorokin, M. N. and Azimov, R. A. (2015), *Terrorizm: kontsepty, ideologiya, problemi protivodejstviya* [Terrorism: concepts, ideology, problems of counteraction], The Institute of FSB of Russia, N. Novgorod, Russia. *(In Russian).*

3. Kosov, G.V. and Panin, V. N. (2014), *Politizatsiya religioznogo faktora v kontexte regional`noj bezopasnosti: severokavkazskaya proektsiya* [Politization of the religious factor in the context of regional security: the North Caucasian projection], Mirakl`, Moscow, Russia. *(In Russian).*

4. Kalimullina, E.R. and Belyaev, V. A. (2017), “Information-network and ethnoconfessional factors of migration of the youth from a small city”, *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4. *(In Russian).*

5. Mingazova, A.M. and Belyaev, V. A. (2017), “Variants of ethnoconfessional identity and tolerance among students”, *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 4. *(In Russian).*

6. Petrishchev, V.E. (2013), *Chto takoye terrorism, ili vvedeniye v terrorologiyu* [What is terrorism, or Introduction to Terrorism], KRASAND, Moscow, Russia. *(In Russian).*

7. Tushkova, Yu.V. (2018), “State policy on countermeasures to extremism in Great Britain”, Ph.D. Thesis, Kazan, Russia. *(In Russian).*

8. Christmann, K. (2012), *Preventing Religious Radicalisation and Violent Extremism. A Systematic Review of the Research Evidence*, Youth Justice Board for England and Wales, Huddersfield, UK.

9. Coolsaet, R. (2012), *Jihadi Terrorism and the Radicalisation Challenge: European and American Experiences*, 2nd edition, Ashgate Publishing Company, Serrey, England.

10. Kumar, D. (2012), *Islamophobia and the Politics of Empire*, Haymarket, Books Chicago, UK.

11. Maximova, O., Belyaev, V. and Laukart-Gorbacheva, O. (2017), "Transformation of The System of Bilingual Education in The Republic of Tatarstan: Crossover Ethnolinguistic Controversies", *Journal of Social Studies Education Research*, Vol 8, no 2.

12. Pickering, R. (2014), *Terrorism, extremism, radicalisation and the offender management system in England and Wales in Prisons*, in Silke, A. (ed.) Terrorism and Extremism: Critical Issues in Management, Radicalisation and Reform, Routledge, London, N.Y., UK.

13. Posluszna, E. (2015), *Environmental and Animal Rights Extremism, Terrorism, and National Security*, Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

14. Schmid, A. (2014), *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?*, ICCT, Hague, Netherlands.

15. Trilling, D. (2012), *Bloody Nasty People: The Rise of Britain's Far Right*, Verso Books, London, N.Y., UK.

16. Thomas, P. (2012), *Responding to the Threat of Violent Extremism. Failing to Prevent*, Bloomsbury Academic, London, UK.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Беляев Владимир Александрович, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента КНИТУ-КАИ им. А.Н.Туполева, д-р полит. наук, профессор.

Vladimir Alexandrovich Belyaev, Director of Department of Sociology, Political Sciences and Management, KNITU-KAI named after A.N. Tupolev, Doctor of Political Sciences, Professor.

УДК 314.172 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2**

Вангородская С.А.

ФАКТОРЫ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
Vangorodskaya@bsu.edu.ru

Статья поступила 2 апреля 2018 г.; Принята 4 июня 2018 г.; Опубликована 30 июня 2018 г.

Аннотация. В статье представлены результаты социологических исследований, проведенных с целью верификации социально-политических, социально-экономических, инфраструктурных и социально-психологических групп факторов формирования моделей самосохранительного поведения жителей российских регионов. Выявлена прямая корреляция между степенью удовлетворенности политической ситуацией в стране и приоритетом собственной активности в отношении сохранения здоровья. Отмечена высокая значимость рекреационных ресурсов в формировании установок на поддержание и укрепление своего здоровья. В качестве установления значений связей социальных и социально-экономических факторов с самосохранительным поведением использованы квоты благосостояния, брачного статуса, возраста, а также образовательного уровня респондентов. Выявлен приоритет активных форм самосохранительного поведения у респондентов, имеющих более высокие позиции по всем квотам. Содержание социально-психологических факторов рассмотрено посредством выявления самосохранительных мотивов и установок населения. По результатам исследования установок на идеальную, ожидаемую и желаемую продолжительность жизни выявлены ряд тенденций и закономерностей, существующих в массовом сознании жителей региона. Отмечено наличие противоречий между установками на высокие сроки ожидаемой продолжительности жизни и несформированностью поведенческих паттернов, ответственных за сохранение и укрепление здоровья. Сделан вывод о необходимости формирования соответствующих установок в отношении своего здоровья, позволяющих рассматривать его не столько как «данность», сколько как актив, а поведение в отношении здоровья как деятельность по накоплению и расходованию соответствующего капитала здоровья.

Ключевые слова: самосохранительное поведение; здоровье; самосохранительные установки; социальные риски; образ жизни; население региона; самоорганизация; качество жизни.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ» на 2017 год, проект № 28.7195.2017/БЧ «Риски и тренды самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации».

Svetlana Vangorodskaya

THE FACTORS OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR OF THE POPULATION IN THE REGION (BASED ON EMPIRICAL STUDIES)

Belgorod State National Research University
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia
Vangorodskaya@bsu.edu.ru

Received 2 April 2018; Accepted 4 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. The article presents the results of sociological research conducted to verify the socio-political, socio-economic, infrastructure and socio-psychological groups of factors of developing models of self-preservation behavior of residents of Russian regions. The study reveals a direct correlation between the degree of satisfaction with the political situation in the country and the priority of people's own activity in relation to health. The author notes the high importance of recreational resources in the formation of attitudes to maintain and strengthen people's health. To establish the values of social and socio-economic factors with self-preservation behavior, the author uses the quotas of welfare, marital status, age, as well as the educational level of respondents. The priority of active forms of self-preservation behavior among respondents with higher positions in all quotas is revealed. The content of socio-psychological factors is considered by identifying self-preservation motives and attitudes of the population. According to the results of the study of attitudes to ideal, expected and desired life expectancy, a number of trends and patterns that exist in the mass consciousness of the inhabitants of the region are revealed. The existence of contradictions between the settings for high life expectancy and the lack of formation of behavioral patterns responsible for the preservation and promotion of health is noted. It is concluded that it is necessary to form appropriate attitudes towards people's health, allowing to consider it not so much as a "given", as an asset, and behavior in relation to health as an activity of accumulation and expenditure of the relevant health capital.

Keywords: self-preservation behavior; health; self-preservation settings; social risks; lifestyle; population of the region; self-organization; quality of life

Acknowledgments: The research was carried out within the framework of the state task of the National Research University "BelGU" for 2017, project №. 28.7195.2017 / BCh "Risks and trends of self-preservation behavior of the population of the central regions of the Russian Federation".

Введение (Introduction). В последние десятилетия наблюдается неуклонный рост внимания научного сообщества и субъектов управления различного уровня к изучению проблем сохранения и укрепления здоровья населения. Негативные тенденции, связанные с ухудшением показателей здоровья населения России обусловлены не только и не столько социально-экономическими трансформациями последних лет, нарастанием процессов социальной напряженности в обществе, ухудшением экологической обстановки и реформированием системы здравоохранении. Одной из причин подобного положения дел является несформированность поведенческих паттернов, отвечающих за сохранение здоровья и увеличение сроков активной жизни. Исходя из этого, трансформация существующих моделей самосохранительного поведения может стать одной из форм укрепления здоровья и увеличения продолжительности жизни населения России.

Теоретический обзор (Theoretical review). Введение в научный оборот отече-

ственной социологии термина «самосохранительное поведение» относится к 80-м гг. XX века. Концепция самосохранительного поведения, предложенная А. И. Антоновым, инициировала повышение исследовательского интереса к изучению поведенческих факторов, оказывающих влияние на состояние индивидуального здоровья. При этом большая часть отечественных исследователей, продолживших изучение данного социального феномена с позиций концепции диспозиционной регуляции социального поведения В. А. Ядова (Вялов, 2011: 8; Журавлева, 2006; Шилова, 2012: 19-20), взяли за основу сформулированное А. И. Антоновым определение самосохранительного поведения как системы действий и отношений, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на установку продления срока жизни в пределах этого цикла (Антонов, 1998: 313).

Несмотря на определенную понятийную полифонию, вызванную осознанием полидетерминированности самосохранительного поведения, во всех приведенных определениях подчеркивается приоритет активной деятельности индивида в отношении своего здоровья. В этой связи, вполне закономерным выглядит тот факт, что в ряде исследований последних лет в качестве синонимичных дефиниции «самосохранительное поведение» используются такие понятия, как «здравоохранительное поведение» (Волкова, 2006: 22-25), «здоровьесберегающее поведение» (Зелионко, 2016; Поздеева, 2008: 4; Шабунова, Шухатович, Корчагина, 2013: 123-132; Яковлева, 2013: 70-79), «поведение, связанное со здоровьем» (Иванова, Рассказова, 2015: 105-130).

Обобщая существующие теоретические подходы, можно дать рассматриваемому понятию следующее определение. Самосохранительное поведение – это сознательная деятельность индивида, направленная на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию объективно существующих угроз и субъективно осознаваемых рисков.

Методология и методы (Methodology and methods). С 2012 года Центром социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета проводятся ежегодные замеры разного формата, направленные на верификацию факторов самосохранительного поведения жителей российских регионов. С 2017 года исследования проводятся в рамках научного проекта, связанного с изучением рисков и трендов самосохранительного поведения населения центральных регионов Российской Федерации (Shapovalova, 2017; Shapovalova, Vangorodskaya, 2017). Первое крупномасштабное исследование было проведено в 2012-2013 годах посредством социологического опроса (анкетирования) взрослого населения Белгородской области (N=800). Признаками квотирования стали: пол, возраст, тип поселения.

Основной целью проводимых исследований стала оценка репрезентации социально-политических, социально-экономических, инфраструктурных и социально-психологических групп факторов формирования моделей самосохранительного поведения жителей российского региона. В рамках проведенных опросов удалось получить предварительную информацию по выделенным в факторную модель факторам здоровьесбережения.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

Социально-политические факторы. Большинство опрошенных жителей региона в той или иной степени удовлетворены политической ситуацией в стране и на территории проведения исследований (24.3% – полностью удовлетворены, 61.3% – скорее удовлетворены, чем нет). Корреляционный анализ показал предварительную связь между локусом внешнего и внутреннего контроля и полюсом оценки политической ситуации. Среди жителей, в той или иной степени удовлетворенных политической

ситуацией в стране, чаще встречается указание на приоритет собственной активности и собственной роли в вопросе поддержания и сохранения своего здоровья, ответственности за результаты своего отношения к нему. Респонденты, выразившие неудовлетворенность существующей политической ситуацией, склонны скорее ожидать помощи извне, одновременно передавая ответственность за свое состояние (в том числе, состояние здоровья) внешним факторам и независящим от них обстоятельствам.

Одновременно с этим, абсолютное большинство опрошенных продемонстрировали незнание акцентов ведущих партий и отдельных политических лидеров относительно реформ здравоохранения, отметив внимание к здоровью нации только со стороны российского политического лидера – президента В. В. Путина. Не смогли жители региона указать и тех представителей органов власти и учреждений системы здравоохранения, которые бы уделяли внимание проблемам здоровьесбережения на федеральном и региональном уровнях. При этом, 74.8% респондентов, опрошенных в рамках проведения интервью, оценили фактор включения в предвыборную программу кандидатов вопросов улучшения ситуации в сфере здравоохранения и здоровьесбережения нации как один из ведущих. Конечно, отсутствие в понимании жителей региона устойчивой связи между вниманием властей к насущным проблемам системы здравоохранения и ее желательности, может служить косвенным подтверждением низкого приоритета ценности здоровья в диспозициях населения, но, одновременно с этим, исследовательский ход с привлечением внимания жителей к данному аспекту политической сферы показал высокий интерес к данной области. Таким образом, можно предположить, что самосохранительные установки и действия, направленные на поддержание и укрепление здоровья, могут быть опосредованы и скорректированы посредством изменения социально-политических факторов.

Социально-экономические факторы. В качестве предварительной оценки влияния социально-экономических факторов на самосохранительное поведение были рассмотрены потребительские возможности жителей региона. Распределение респондентов, принимавших участие в опросе, позволило разделить их на 3 основные потребительские группы: «благополучные» (достаток выше среднего и средний) – 32.1 % опрошенных; «ниже среднего» – это, к сожалению, почти половина респондентов (49.9 %); и «пограничная» группа (представленная людьми, чьи доходы позволяют им с трудом сводить концы с концами или выводят их за черту бедности) – это 18 % опрошенных (табл. 1).

Таблица 1

Потребительские возможности населения Белгородской области

Table 1

Consumer opportunities of the population of the Belgorod region

Какое из перечисленных утверждений наиболее точно описывают Ваше материальное состояние?	%
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	8.7
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывают у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	23.4
Денег достаточно для приобретения основных продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать "на потом"	49.9
Денег хватает на приобретение продуктов питания	15.1
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится "влезать" в долги	2.9

Анализ основных сопряжений и корреляций позволил констатировать, что по мере увеличения благосостояния опрошенных, увеличивается и их интерес к своему здоровью, происходит рост его значения в рейтинге ценностных диспозиций. Одновременно с этим, все большее значение приобретают в индивидуальном сознании самостоятельность и личная ответственность за состояние своего здоровья. В свою очередь, чем ниже уровень дохода, тем реже встречается в ответах респондентов указание на наличие внутреннего локуса контроля, тем чаще, как в количественном, так и в качественном отображении (при проведении интервью), звучат обвинения в отношении «внешних сил» – президента страны, руководителей региона, представителей учреждений системы здравоохранения.

Стоит отметить, что группа респондентов, относящаяся к потребительской категории «благополучные», чаще других демонстрирует превентивные традиции относительно состояния своего здоровья, выбирая повышенное внимание к нему, независимо от текущего материального и физического состояния.

Значимость социально-экономических факторов в воспроизводстве определенных моделей самосохранительного поведения заставляет всерьез задуматься о перспективах эволюции самосохранительных форм поведения в России. Невысокая степень вероятности наступления «экономического чуда» и, как следствия, увеличения группы «благополучных» в материальном отношении жителей (которая в Белгородском регионе явно больше среднестатистического регионального показателя по РФ), заставляет усомниться в возможности коренного перелома ситуации в вопросах существенной трансформации моделей самосохранительного поведения.

Эти выводы совпадают с результатами ряда зарубежных исследований, авторы которых акцентировали внимание на выявлении взаимосвязи между показателями здоровья и характеристиками окружающей среды. Так, по мнению ряда зарубежных исследователей, именно неопределенность социально-экономических, климатических, антропогенных и иных характеристик внешней среды создает систему рисков и приводит к ориентации индивидов на постановку преимущественно краткосрочных задач в отношении своего здоровья (Bechmann, Beck, 1997; Carlson, 2001).

Инфраструктурные факторы. Опрошенные жители весьма высоко оценили наличие рекреационных ресурсов в регионах своего проживания и учреждений здравоохранения, подчеркнув их значимость в обеспечении не только практического влияния на возможность поддержания и коррекции своего здоровья, но в формировании установок, «моды» на здоровый образ жизни, особенно для молодого поколения.

Наряду с этим, большинством жителей (по установленным сопряжениям, это экономические группы с доходом «ниже среднего» и «пограничная», хотя и 35% группы «благополучных» также отметили эти факты) указали на невысокую доступность таких учреждений и ресурсов для себя, подчеркнув их коммерческий статус и категорию цен на услуги. Группа лиц, имеющих большие экономические и потребительские возможности («благополучные») подчеркнула отсутствие желаемого качества (на это указали 37.8% всех опрошенных и 84.2% данной группы) в предоставлении рекреационных и здравоохранительных услуг на региональном уровне.

Однако, абсолютное большинство респондентов указали на значимость инфраструктуры в формировании самосохранительных установок, поддержания здоровья на должном уровне (94.6%), не высказав, однако, надежды на улучшение ситуации с качеством данных услуг в регионе (68.7% считают, что ситуация в ближайшем будущем не изменится).

Социальные и социально-психологические факторы. В последние годы большое признание среди представителей мирового сообщества получили научные разработки, исследующие воздействие социальных

факторов на состояние индивидуального здоровья. Одна из них, разработанная F. Diderichsen, T. Evans и M. Whitehead (Diderichsen, Evans, Whitehead, 2001), легла в основу модели социальных детерминант, разработанной в 2008 г. ВОЗ для оценки различий в состоянии здоровья населения Европейского региона (Closing the gap in a generation …, 2008).

В качестве установления значений связей социальных факторов и самосохранительных установок в проведенных исследованиях были использованы квоты брачного статуса, возраста, территории проживания, а также образовательного уровня респондентов.

Относительно брачного статуса респонденты распределились практически на две равнозначные группы: состоящие в браке и не имеющиеся такого статуса в настоящее время. Данные сопряжений позволили сделать вывод о том, что несколько более выраженные самосохранительные установки наблюдаются у респондентов, состоящих в браке, хотя четко выраженных корреляций в данном вопросе не обнаружено. К тому же, нельзя не учитывать более значимый, на наш взгляд, фактор возрастной группы: так, не состоящие в брачном союзе респонденты, как правило, относятся к возрастной категории молодежи, для которой характерна динамичность установок, обусловленная приоритетом более актуальных для данного возраста социализационных ценностей.

Приоритет самосохранительных форм поведения отмечен у респондентов, имеющих высшее образование: для них характерна установка на внутренний локус контроля и выбор факторов, поддающихся влиянию со стороны самого индивида. Их определение своего желаемого возраста жизни более чем на 7% в среднем выше, чем у сельского жителя. В беседе с интервьюерами представители данной группы также чаще подчеркивали значимость инфраструктурных факторов (в связи с их наличием и большей доступностью в городской среде). Большую осведомленность проявили жители региона и в оценке социально-политических реформ и позиций ведущих партий. Корреляций же, показывающих разницу между работниками различных сфер занятости, в ходе опросов обнаружено не было.

Существенную разницу в отношении к своему здоровью показывают представители различных возрастных групп (Morgan, 2010; Mossey, Shapiro, 1982). В частности, критично оценивают состояние своего здоровья пенсионеры, менее критично – молодежь, что объясняется спецификой возраста, связанной, в том числе, с разностью установок в отношении к жизни и смерти.

Содержание социально-психологических факторов рассматривается в рамках проведенных исследований посредством выявления самосохранительных мотивов и установок населения. Полученные результаты нашли отражение в ряде публикаций автора (Вангородская, 2011, 2017; Shapovalova, Vangorodskaya, Bubyreva, 2014) и позволили сделать следующие предварительные выводы.

Выявление самосохранительных установок население региона (которое традиционно включает получение ответов респондентов на вопрос об идеальных, желаемых и ожидаемых сроках жизни) продемонстрировало ряд тенденций и закономерностей, существующих в массовом сознании жителей региона. Во-первых, результаты исследования показали, что сроки идеальной жизни значительно превышают сроки желаемой и, тем более ожидаемой, продолжительности жизни. Так, из общего числа опрошенных 2/3 (63.8 %) в качестве идеальной продолжительности жизни указали на возраст от 80 до 100 лет, в то время как отвечая на вопрос, призванный выявить индивидуальную потребность респондентов в продолжительности собственной жизни («Если бы у вас была возможность выбора, то какое число лет жизни вы предпочли бы для себя при самых благоприятных условиях?»), более половины опрошенных указали на возраст в диапазоне от

70 до 90 лет, т.е. на 10 лет меньше идеального. Результаты ответов респондентов на вопрос об ожидаемой продолжительности жизни представлены в таблице 2.

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни населения Белгородской области в зависимости от пола, возраста и уровня образованности (лет)

Table 2

Life expectancy of the population of the Belgorod region depending on gender, age, and level of education (years)

Образование	Мужчины			Женщины		
	18-24 года	35-44 года	65 лет и старше	18-24 года	35-44 года	65 лет и старше
Среднее	77	72	82	81	75	84
Среднее профессиональное	79	80	83	80	79	83
Высшее	78	81	83	82	78	83
Второе высшее	95	81	90	88	81	93

Анализ полученных данных позволил сделать выводы о существующих тенденциях следующего характера: во-первых, чем старше респонденты, тем дольше они предполагают прожить; во-вторых, увеличение границ жизни наблюдается с повышением уровня образованности; в-третьих, для женщин средней возрастной группы (35-44 года) характерна устойчивая тенденция к снижению прогноза жизненной границы, по отношению к другим возрастным группам их образовательной когорты. Объяснение первых двух тенденций может заключаться, в первом случае, приближением к жизненному рубежу и естественным желанием отодвинуть его границы, а во втором – более активной позицией и склонностью к интеллектуальной деятельности. Третья тенденция заслуживает дополнительного внимания и, возможно, междисциплинарного изучения выделенной гендерной субкультуры.

Проведенное исследование в очередной раз указало на наличие противоречий между установками на высокие сроки ожидаемой продолжительности жизни и несформированностью поведенческих паттернов, ответственных за сохранение и укрепление здоровья. Данная закономерность наиболее ярко проявилась при ответах на вопрос о факторах, влияющих на состояние здоровья человека. Более половины опрошенных в числе основных назвали экологический фактор (57.9%), наследственность (46.8%) и качество получаемых медицинских услуг (35.5%). Значимость усилий самого человека как детерминанты состояния здоровья оказалась лишь на пятом месте и была признана менее 1/3 респондентов (30.5%).

Аналогичные результаты были получены при ответе на вопрос об основных причинах низкой продолжительности жизни в России, которая в 2017 году составила в России 70.2 года для представителей обоих полов (Андреев, Кваша, Харькова, 2014). Наибольшее число респондентов в качестве основных причин назвали неблагоприятную экологическую обстановку в месте проживания и низкий уровень медицинского обслуживания, платную медицину (45.4% и 39% соответственно), в то время, как на такие причины, как «безответственное отношение людей к своему здоровью» и «отсутствие у россиян традиции заботиться о своем здоровье» указали лишь 28.9% и 17.7% опрошенных соответственно (рис. 1).

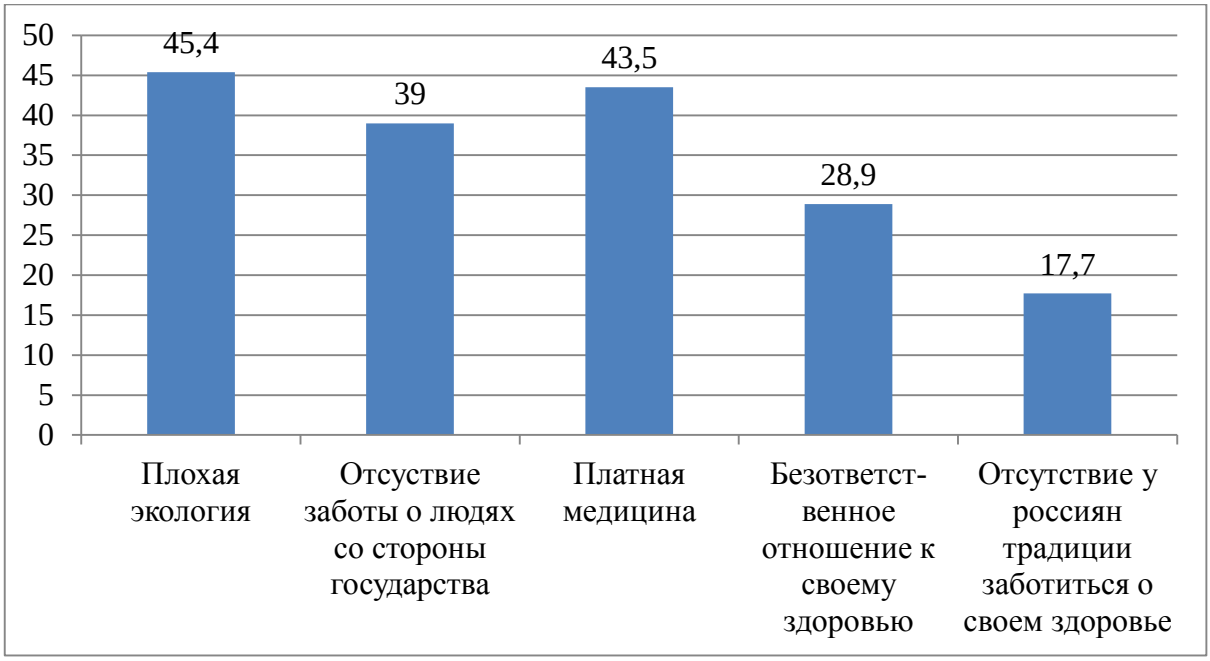


Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Каковы, на Ваш взгляд, причины низкой продолжительности жизни в России?», %
Fig. 1. Distribution of answers to the question «What, in Your opinion, are the reasons for low life expectancy in Russia?», %

В этой связи нельзя не согласиться с Г. В. Антоновым, которые, основываясь на результатах аналогичных исследований, приходит к выводу, что эти данные «отражают лишь распространённое среди подавляющего большинства населения современной России заблуждение, согласно которому о здоровье человека должен проявлять заботу кто угодно (государство, работодатель, система здравоохранения и т.д.), только не сам его обладатель» (Антонов, 2013: 133-153).

Исходя из этого, вполне закономерным можно считать выявленное в ходе исследования намерение значительной части опрошенных предпринимать активные действия в отношении своего здоровья только в случае возникновения серьезного заболевания или неэффективности самолечения. Так, при ответе на вопрос «Что Вы делаете, когда заболеете?», только 39.9% респондентов ответили, что обращаются в муниципальную поликлинику (больницу). 23.8% опрошенных заявили, что предпочитают лечиться самостоятельно, а 40.5% выбрали вариант ответа «начинаю лечиться сам, а если улучшений нет, обращаюсь к врачу» (рис. 2).

В числе субъективных факторов, влияющих на отношение человека к своему здоровья, важнейшее место отводится мотивации самосохранительного поведения. Именно мотивация в сфере здоровья во многом предопределяет формирование соответствующих установок в отношении здоровья, интерес к нему, а также выбор форм и инструментов ведения здорового (или нездорового) образа жизни.

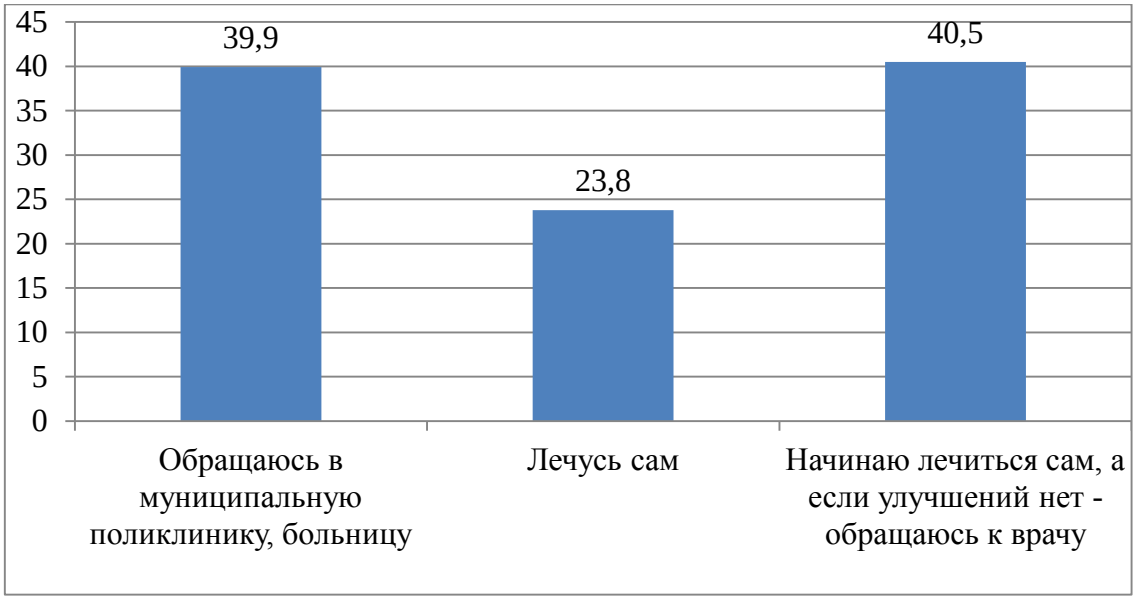


Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вы делаете, когда заболеете?», %
Fig. 2. Distribution of answers to the question «What do you do when you get sick?», %

По мнению И. В. Журавлевой, структура мотивов деятельности в сфере здоровья характеризует субъективную сторону отношения к здоровью и может быть представлена двумя основными ориентациями: ориентацией на хорошее здоровье как самоцель и ориентацией на здоровье как средство успешной работы, карьеры, достижения каких-либо целей (Журавлева, 2006: 40).

Отвечая на вопрос «Какие из причин заставляют Вас стремиться прожить как можно дольше?», респонденты на первое место поставили возможность «увидеть и испытать в жизни как можно больше» (этот вариант выбрали 55.7% из числа опрошенных), а второе и третье места поделили между собой варианты ответов «не хочется расставаться со своими родными и близкими» (34.9%) и «хочется увидеть, какое положение в обществе займут мои дети» (28.7%).

Аналогичная закономерность была выявлена при анализе ответов на вопрос «Что заставляет Вас заниматься своим здоровьем?». Наибольшее число опрошенных (48.26%) ответили, что хотят хорошо себя чувствовать, чтобы полнее наслаждаться жизнью, а на втором и четвертом местах по числу выборов оказались варианты ответов «Хочу быть здоровым (-ой), чтобы родить здоровых детей (31.27%) и «Хочу долго жить, чтобы вырастить всех своих детей» (25.61%).

Таким образом, можно говорить о взаимной детерминации самосохранительного и репродуктивного поведения (выявленной еще в ходе исследований А. И. Кузьмина, проведенных на Урале в 1985-1993 гг.), при которой наличие детей и внуков является стимулом для активной деятельности по сохранению своего здоровья, а хорошее здоровье позволяет полнее реализовать свои репродуктивные установки на определённое число детей.

Стоит обратить внимание на еще один парадоксальный момент. Десятилетия культивирования в массовом сознании приоритета общественного над частным привели в тому, что и в менталитете жителей современной России превалирует понятие жертвенности, гипертрофированного чувства заботы о близких в сочетании с пренебрежительным отношением к собственному здоровью.

Доказательством этого могут служить результаты опроса, проведенного Левада-Центром в августе 2015 года. Отвечая на вопрос о своих страхах, 41% из числа опрошенных признались, что испытывают постоянный страх болезни близких и детей,

при том что страх заболеть самому испытывают всего 20% респондентов (Страхи россиян…, 2015).

Исходя из этого, вполне логичным выглядит нежелание 47.4% жителей Белгородской области прикладывать сознательные усилия для увеличения продолжительности жизни, мотивируя это нежеланием быть в старости обузой своим родным и близким.

В этой связи существенный интерес представляют рассуждения А. Щюца о мотивах человеческого поведения, как поведения, основанного на заранее составленном проекте. По словам А. Щюца, «любое проектирование состоит в предвосхищении будущего поведения с помощью фантазии… Я должен представить себе состояние дел, на достижение которого направлено мое будущее действие, прежде, чем смогу сделать первый шаг для его достижения. Образно говоря, я должен иметь некую идею создаваемой структуры прежде, чем смогу снять с нее копии. Таким образом, я должен с помощью фантазии поместить себя в будущее время, когда дело сделано» (Щюц, 2004: 22).

И здесь нельзя не согласиться с мнением А. А. Корнешова, который связывает невысокую желаемую продолжительность жизни россиян с малопривлекательным образом старости (который ассоциируется в сознании населения с немощью и болезнями), а также низким социальным статусом стариков в российском обществе и ослаблением межпоколенных связей в семье (Корнешов, 2010: 40). Следствием этого становится ощущение ненужности пожилых людей, и как следствие, запуск в их сознании программы «самоликвидации», призванной избавить детей и внуков от дополнительных «хлопот».

Эту же позицию развивает в своих трудах А. И. Субетто, который пишет о существовании в индивидуальном сознании «синдрома конечной жизни», под которым понимается «неосознанно самопрограммируемая интеллектом продолжительность жизни» (Суббето, 2016: 42), когда в ситуации резкого сокращения физической и интеллектуальной активности, происходит сокращение «плато жизни» и наступление преждевременной смерти.

Заключение (Conclusions). Результаты проведенных исследований позволяют сделать вывод о том, что социально-политические, социально-экономические, инфраструктурные и социально-психологические факторы играют значительную роль в формировании основных моделей самосохранительного поведения населения российских регионов. Признавая их вклад в структуру и динамику самосохранительного поведения, необходимо, вместе с тем, констатировать ограниченность возможностей измерения удельного веса каждого из данных факторов в формировании поведенческих паттернов в отношении здоровья. Причиной этого можно считать, в одной стороны, многогранность самого понятия «самосохранительное поведение», а с другой – ограниченность инструментария, используемого при проведении исследований и не позволяющего говорить об универсальности и объективности полученных выводов.

Вместе с тем, проведенные исследования показали, что убежденность значительной части населения российских регионов в главенствующей роли внешних факторов (экологии, наследственности, политики государства и состояния системы здравоохранения) в детерминации состояния здоровья населения, нивелируют значимость личной ответственности за его сохранение и укрепление. Реализация сложившихся на сегодняшний день установок на сохранение здоровья и продление сроков полноценной жизни находится в противоречии с поведенческой активностью, направленной фактически на разрушение здоровья и сокращение продолжительности жизни. В этих условиях усилия государства и общества должны быть направлены на устранение данного противоречия и формирование соответствующих установок в отношении

своего здоровья, позволяющих рассматривать его не столько как «данность», сколько как актив, а поведение в отношении здоровья как деятельность по накоплению и расходованию соответствующего капитала здоровья.

Одной из гипотез, расширяющих сферу познания данного социального феномена и требующих подтверждения в ходе дальнейших исследований, может стать предположение о том, что модели самосохранительного поведения, сложившиеся на основе сознательной мотивации, оказываются менее устойчивыми, нежели те, которые являются результатом воздействия исторических традиций и социальных норм. Это создает предпосылки для дальнейших исследований самосохранительного поведения не только как социокультурного феномена, но, в первую очередь, как эффективного инструмента поддержания и укрепления индивидуального и общественного здоровья населения российских регионов.

Список литературы

1. Андреев Е., Кваша Е., Харькова Т. Продолжительность жизни в России: восстановительный рост // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня «Население и общество». 2014. 1-14 декабря. № 621-622. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0621/demoscope621.pdf (дата обращения: 14.03.2018).

2. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Издательский дом «Nota Bene», 1998. 313 с.

3. Антонов Г.В. Демографические установки населения и факторы их формирования // Научный диалог. История. Социология. Экономика. 2013. № 1(13). С. 133-153.

4. Вангородская С.А. Коллективные установки в системе детерминант самосохранительного поведения населения России // Регион: Экономика и социология. 2011. № 4. С. 15-20.

5. Вангородская С.А. Соотношение самосохранительных установок и поведенческой активности населения в сфере здоровья // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2017. № 3 (252). Вып. 39. С. 37-41.

6. Волкова М.Б. Особенности здравоохранительного поведения в современной России // Глобализация и социальные изменения в современной России: тезисы докладов и выступлений на Всероссийском социологическом конгрессе, Москва, 03-05 сентября 2006 г. В 16-ти т. М.: Изд. Дом «Альфа-М». Т. 14. С. 22-25.

7. Вялов И.С. Особенности формирования и управления самосохранительным поведением студентов (на примере студентов Российского университета дружбы народов): автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2011. 15 с.

8. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. М.: Наука, 2006. 238 с.

9. Зелионко А.В. Обоснование организационно-профилактических мероприятий по совершенствованию системы формирования здоровьесберегающего поведения и улучшения качества жизни населения. дис. … канд. мед. наук. СПб., 2016. 193 с.

10. Корнешов А.А. Современный образ жизни населения, как фактор разрушения демографического потенциала России: автореф. дис. … д-ра экон. наук. М., 2010. 45 с.

11. Поздеева, Т.В. Научное обоснование концепции и организационной модели формирования здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи: автореф. дис. … д-ра мед. наук. М., 2008. 47 с.

12. Рассказова Е.И., Иванова Т. Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105-130.

13. Страхи россиян: Пресс-выпуск от 18 августа 2015 г. // Левада-Центр: Аналитический центр Юлия Левады: сайт. URL: http://www.levada.ru/2015/08/18/strahi-rossiyan-3/ (дата обращения: 03.03.2018).

14. Субетто А.И. Жизнь как единство творчества, здоровья и гармонии человека и общества // Личность. Общество. Образование. Качество жизни и образование: стратегии и инновационных практики. Материалы XIX Международной науч.-практ. конф. Т. II. СПб.: ЛОИРО, 2016. 265 с.

15. Шабунова А.А., Шухатович В.Р., Корчагина П.С. Здоровьесберегающая активность как фактор здоровья: гендерный аспект // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2013. № 3 (27). С. 123-132.

16. Шилова Л.С. Самосохранительное поведение пациентов в условиях модернизации первичной медицинской помощи: автореф. дис. … канд. социол. наук. М., 2012. 26 с.

17. Щюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. 1056 с.

18. Яковлева Н.В. Здоровьесберегающее поведение человека: социально-психологический дискурс // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: электронный научный журнал Рязанского государственного медицинского университета им. акад. И.П. Павлова. 2013. № 3. С. 70-79.

19. Bechmann G., Beck S. Zur gesellschaftlichen Wahrnehmung des anthropogenen Klimawandels und seiner möglichen Folgen // Kopfmüller J., Coenen R. Risiko Klima. Der Treibhauseffekt als Herausforderung für Wissenschaft und Politik. Campus Verlag: Frankfurt: New York, 1997. Pp. 75-118.

20. Carlson R. Risk behavior and self-rated health in Russia // 7 Epidemiol Community Health. 2001. Vol. 55. Pp. 806-817.

21. Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final report of the Commission on Social Determinants of Health World Health Organization (Geneva, 2008). URL: http://www.searo.who.int/LinkFiles/SDH_SDH_FinalReport.pdf (дата обращения: 21.04.2018).

22. Diderichsen F., Evans T., Whitehead M. The Social Basis of Disparities in Health / Ed. by M. Whitehead, T. Evans, F. Diderichsen, A. Bhuiya, M. Wirth Challenging Inequities in Health: From Ethics to Action. New York: Oxford University Press, 2001. Pp. 13-23.

23. Morgan A. Social capital as a health asset for young people's health and wellbeing // Journal of Child and Adolescent Psychology. 2010. No. 2. Pp. 19-42.

24. Mossey J.M., Shapiro E. Self-Rated Health: a Predictor of Mortality Among the Elderly // American J. of Public Health. 1982. No. 72. Pp. 800-808.

25. Shapovalova I.S. The problem of the impact of genetically modified products on the quality of people's life // 4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. 2017. Book 3. Vol 3. Pp. 859-866.

26. Shapovalova I., Vangorodskaya S., Bubyreva J. Self-safe attitudes of the population of Russia (on the results of empirical study) // SGEM Conference on Social Sciences and Arts. Conference proceedings. Vol. 1. Albena, Bulgaria, 2014. Pp. 745-751.

27. Shapovalova I., Vangorodskaya S. Mortality of Russia's Working-Age Population from the Main Classes of Death Causes in 1990-2014 // Man in India. 2017. No. 97 (21). Pp. 497-507.

28. Sorensen A.B. Toward a Sounder Basis for Class Analysis // British Journal of Sociology. 2000. Vol. 105, No. 6. Pp. 21-29.

References

1. Andreev, E., Kvasha, E. and Kharkiv, T. (2014), *Prodolzhitel'nost' zhizni v Rossii: vosstanovitel'nyj rost* [Life expectancy in Russia: restorative growth] // Demoscope Weekly. Electronic version of the Bulletin "Population and society". December 1-14, 621-622 [Online], available at: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0621/demoscope621.pdf (Accessed 14 April 2018). *(In Russian).*

2. Antonov, A.I. (1998), *Mikrosotsiologija sem'i (metodologija issledovanija struktur i protsessov)* [Microsociology of the family (methodology of research of structures and processes)], Nota Bene, Moscow, Russia. *(In Russian).*

3. Antonov, G.V. (2013), "Demographic attitudes of the population and factors of their formation", *Scientific dialogue. History. Sociology. Economy*, 1 (13), 133-153. *(In Russian).*

4. Vangorodskaya, S.A. (2011), "Collective attitudes and a system of determinants of self-preservation behavior of the population of Russia", *Region: Economics and sociology*, 4, 15-20. *(In Russian).*

5. Vangorodskaya, S.A. (2017), "Correlation of self-preservation attitudes and behavioral activity of the population in the field of health", *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Ser. Philosophy. Sociology. Righ*, 3 (252), 37-41. *(In Russian).*

6. Volkova, M.B. (2006), "Health behaviour in modern Russia", *Theses of reports and speeches at the all-Russian sociological* Congress "*Globalization and social change in modern Russia*", Moscow, Russia, 03-05 September 2006, 22-25. *(In Russian).*

7. Yavelov, I.S. (2011), "Features of formation and management of self-preservation behavior of students (on the example of students of the Russian University of Peoples' Friendship)", Abstract of PhD thesis, Moscow, Russia. *(In Russian).*

8. Zhuravleva, I.V. (2006), *Otnoshenie k zdorov'ju individa i obshhestva* [Attitude to the health of the individual and society], Science, Moscow, Russia. *(In Russian).*

9. Zelinko, V.A. (2016), "Substantiation of organizational and preventive measures on improving system of forming health-saving behavior and improving the quality of life of the population", PhD thesis, Saint-Petersburg, Russia. *(In Russian).*

10. Korneshov, A.A. (2010), "Modern way of life of the population as a factor of destruction of demographic potential of Russia", Abstract of D. Sc. dissertation, Moscow, Russia. *(In Russian).*

11. Pozdeeva, T.V. (2008), "Scientific substantiation of the concept and organizational model of formation of health-saving behavior of students", Abstract of D. Sc. dissertation, Moscow, Russia. *(In Russian).*

12. Rasskazova, E.I. and Ivanova T.Yu. (2015), "Motivational models of health-related behavior: the problem of "gap" between intention and action", *Psychology. Journal of Higher school of Economics*, 12 (1), 105-130. *(In Russian).*

13. "*Fears of Russians: Press release*" (2015), Levada Center, Yuri Levada Analytical center, website [Online], available at: http://www.levada.ru/2015/08/18/strahi-rossiyan-3/ (Accessed 03 April 2018). *(In Russian).*

14. Subetto, A. I. (2016), "Life as a unity of creativity, health and harmony of man and society", *Personality. Society. Education. Quality of life and education: strategies and innovative practices, Materials of XIX International scientific.-pract. conf.*, Saint-Petersburg, Russia, 265 p. *(In Russian).*

15. Shabunova, A. A. and Shuchatowitz, V. R. and Korchagin, P. S. (2013), "Health-promoting activity as a determinant of health: gender dimension", *The Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 3 (27), 123-132. *(In Russian).*

16. Shilova, L. S. (2012), "Self-Preservation behavior of patients in the conditions of primary care modernization", Abstract of PhD thesis, Moscow, Russia. *(In Russian).*

17. Schütz, A. (2004), *Izbrannoe: Mir, svetyaishchiysya smyslom* [Favorites: the World glowing with sense], Russian political encyclopedia, Moscow, Russia. *(In Russian).*

18. Yakovleva, N. B. (2013), "Health-saving human behavior: social and psychological discourse", *Personality in a changing world: health, adaptation, development: electronic scientific journal of Ryazan state medical University. Akad. I. P. Pavlova*, 3, 70-79. *(In Russian).*

19. Bechmann, G. and Beck, S. (1997), "Zur gesellschaftlichen Wahrnehmung des anthropogenen Klimawandels und seiner möglichen Folgen", in Kopfmüller, J., Coenen, R. and Risiko, Klima (ed.), *Der Treibhauseffekt als Herausforderung für Wissenschaft und Politik,* Campus Verlag, Frankfurt, New York, 75-118.

20. Carlson, R. (2001), "Risk behavior and self-rated health in Russia", *7 Epidemiol Community Health*, 55, 806-817.

21. *Closing the gap in a generation: health equity through action on the social determinants of health. Final report of the Commission on Social Determinants of Health World Health Organization* (2008), Geneva, Switzerland [Online], available at: http://www.searo.who.int/LinkFiles/SDH_SDH_FinalReport.pdf (Accessed 21 April 2018).

22. Diderichsen, F., Evans, T. and Whitehead, M. (2001), "The Social Basis of Disparities in Health", in Whitehead, M., Evans, T., Diderichsen, F. Bhuiya, A., and Wirth, M. (ed.), *Challenging Inequities in Health: From Ethics to Action*, Oxford University Press, New York, 13-23.

23. Morgan, A. (2010), "Social capital as a health asset for young people's health and wellbeing", *Journal of Child and Adolescent Psychology*, 2, 19-42.

24. Mossey, J. M. and Shapiro, E. (1982), "Self-Rated Health: a Predictor of Mortality Among the El-derly", *American J. of Public Health*, 72, 800-808.

25. Shapovalova, I. S. (2017), "The problem of the impact of genetically modified products on the quality of people's life", *4th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM*, 3 (3), 859-866.

26. Shapovalova, I., Vangorodskaya, S. and Bubyreva, J. (2014), "Self-safe attitudes of the population of Russia (on the results of empirical study)", *SGEM Conference on Social Sciences and Arts. Conference proceedings*, Albena, Bulgaria, 1, 745-751.

27. Shapovalova, I. and Vangorodskaya, S. (2017), "Mortality of Russia's Working-Age Population from the Main Classes of Death Causes in 1990-2014", *Man in India*, 97 (21), 497-507.

28. Sorensen, A.B. (2000), "Toward a Sounder Basis for Class Analysis", *British Journal of Sociology*, 105 (6), 21-29.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Вангородская Светлана Анатольевна, доцент кафедры социальных технологий, кандидат социологических наук, доцент.

Svetlana Anatolievna Vangorodskaya, Associate Professor of the Department of Social Technologies, Candidate of Social Sciences, Associate Professor.

УДК 316.334:37 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-3**

Ma Li[1], Ahmed Alduais[2]

A STUDY ON LEARNING STYLES AND THEIR POSSIBLE EFFECT ON ACADEMIC PERFORMANCE AMONG UNIVERSITY STUDENTS IN GLASGOW

[1)] XUE Bang Education
Academic Research and Development Centre, K12 Department
Beijing, P.R. China, No. 19 Xinjiekou Wai St., 100875, Beijing, P.R.China
liangmuchengmiki@163.com

[2)] Institute of International & Comparative Education
Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU)
Beijing, P.R. China
ibnalduais@gmail.com

Received 16 April 2018; Accepted 3 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. *Purposes:* To explore the preference of various learning styles of university students, the possible impact of different learning styles on academic performance, and the possible variables which may influence students' academic performance in Glasgow, the UK. *Methods:* A case exploratory study approach where 40 university students (16 females and 24 males) both British and international ones with the age range (18-35) participated with filling in a self-completion questionnaire by convenience sampling. *Results:* The findings indicated that kinaesthetic learning style was males' learning style preference while females preferred using visual learning style; additionally, international students preferred using visual learning style whereas kinaesthetic learning style was British students' preference with learning style. Moreover, different learning styles affected academic performance due to different subjects. Kinaesthetic learning style had a better academic performance for engineering students, while visual learning style performed better for educational students. In terms of variables, age, gender and personality all might influence academic performance. *Conclusions:* Learning styles seem to be impacted by major of study, gender, personality, behavioural and experimental research may result into more credible evidences about the impact of learning styles on academic performance and also the possible differences between existing learning style and learning style preference as shown in our presented model (diagram 1).

Keywords: learning style; learning preference; academic performance; auditory learners; visual learners; kinaesthetic learners; VAK theory.

Ли Ма[1]
Альдуайс Ахмед[2]

ИССЛЕДОВАНИЕ СТИЛЕЙ ОБУЧЕНИЯ И ИХ ВОЗМОЖНОГО ВЛИЯНИЯ НА УСПЕВАЕМОСТЬ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА В ГЛАЗГО

[1)] XUE Bang Education
Академический Научно-исследовательский центр, Кафедра К12
Пекин, КНР, No. 19 Xinjiekou Wai St., 100875, Beijing, P.R.China
liangmuchengmiki@163.com

[2)] Институт Международного и сравнительного образования
Факультет образования, Пекинский Педагогический Университет
Пекин, КНР, No. 19 Xinjiekou Wai St., 100875, Beijing, P.R.China
ibnalduais@gmail.com

Статья поступила 16 апреля 2018 г.; Принята 4 июня 2018 г.; Опубликована 30 июня 2018 г.

Аннотация. *Цели:* изучить предпочтения различных стилей обучения студентов университетов, возможное влияние различных стилей обучения на успеваемость, а также возможные переменные, которые могут повлиять на успеваемость студентов в Глазго, Великобритания. *Методы:* экспериментальное исследование, в котором приняли участие 40 студентов университетов (16 женщин и 24 мужчины), как британских, так и международных, с возрастным диапазоном (18-35 лет), заполнив анкету для самостоятельного заполнения путем удобной выборки. *Результаты:* полученные данные показывают, что кинестетический стиль обучения предпочитают мужчины, в то время как женщины предпочитают использовать визуальный стиль обучения; кроме того, иностранные студенты предпочитают использовать визуальный стиль обучения, в то время как кинестетический стиль обучения предпочтителен для британских студентов. Кроме того, разные стили обучения повлияли на академическую успеваемость из-за разных предметов. Кинестетический стиль обучения имел более высокую академическую успеваемость для студентов-инженеров, тогда как стиль визуального обучения лучше для студентов образовательных учреждений. С точки зрения переменных, возраст, пол и личность могут влиять на успеваемость. *Выводы:* на стили обучения, по-видимому, влияют основные исследования, гендерные, личностные, поведенческие и экспериментальные исследования могут привести к более достоверным доказательствам влияния стилей обучения на академическую успеваемость, а также к возможным различиям между существующим стилем обучения и предпочтением стиля обучения, как показано в нашей представленной модели (Диаграмма 1).

Ключевые слова: стиль обучения; предпочтение обучения; успеваемость; аудиалы; визуалы; кинестетики; теория ВАК.

Introduction. Learning styles should be matched to teaching styles and vice versa. In other words, there must be an integration between learning theories and teaching methodology – matching learning styles for the former and teaching styles for the latter! In this sense, Alduais (2012a) stated '…learners learn what is learnable and teachers teach what is teachable' (p. 116). Alduais (ibid) proposed that using different types of aids (i.e. visual aids, audio aids, audio visual aids, action aids and multimedia aids) can be introduced as one solution

to match the different learning styles by learners. Similarly, Alduais, (2012b) went on with this argument between matching teaching styles and learning styles where he assumed 'everyone's (i.e. teachers) method is entirely different from everyone's strategy' – referring to teaching strategies; and 'every learner's ability of understanding is also entirely different from another learner's ability of understanding' (p. 489). Further, (Alduais, 2013) listed at least ten advantages for the use of technology during teaching among which attracting yet maintaining learners' attention. He mentioned an example where (any) presented information for the learners is first presented to be heard (i.e. audio aids) and then visualised (i.e. visual aids), (pp. 5-6).

Over the past decades, learning style has become the significant main concern in the majority of sectors of education (Corbett and Smith, 1984: 212). Learning style is an important field of educational area (Shabani, 2012). Learning style as a particular pattern relates to different individuals' methods of acquiring information, learning strategies and learning preference (Esfandabad, 2010; Geisert and Dunn, 1991: 291). According to Geisert and Dunn (1991: 291), different individuals could be influenced by various elements of learning styles which could have positive and negative effect on academic performance. More effective academic performance is contributed on types of learning styles (SIMS and Sims, 1995). Different learning styles could produce different levels academic performance (Komarraju et al, 2011). There could be a relationship between learning style and academic performance (Vermunt, 2005: 205). Therefore, the influence of various types of learning styles on academic achievement is necessary to be understood. There are many learning styles that have been identified by different researchers. For instance, seventy-one learning style models were presented by Coffield, Moseley, Hall, and Ecclestone (2004). One of these learning style models is the VAK theory. Learning Modality Model which is referred to VAK theory was originated by Barbe Swassing in 1979 and it basically assumes that learning takes places at three modalities visual, auditory and kinaesthetic (hereafter VAK) (Harrington-Atkinson, 2017 and Childress, 2003). The following diagram is an illustration for this model based on reading from (Harrington-Atkinson, 2017 and Childress, 2003). This model is an attempt to interpret the operation of this model.

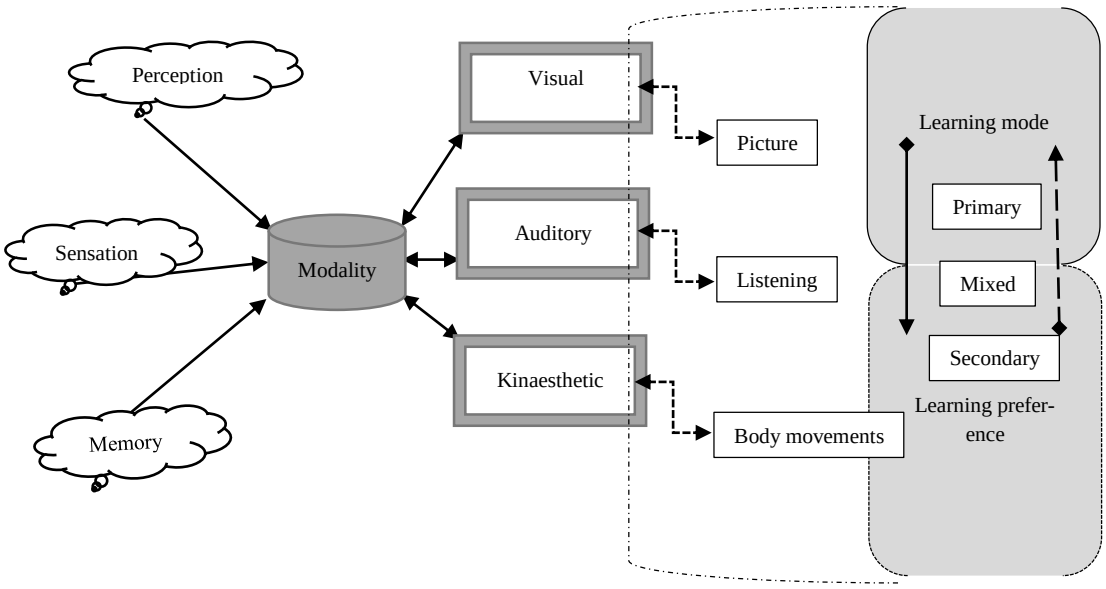


Fig. 1. VAK theory and learning modalities proposed model

Several studies reported that there is no enough evidence indicating a significant effect on learners' performance based on individualisation of learning (e.g. Pashler, MacDaniel, Rohrer, and Bjork, 2008; Scott, 2010; Rohrer & Pashler, 2010). On the other hand, some reported researches indicated empirical evidence supporting the effect of individualised learning based on learning styles (e.g. Fleming, 1995) – supporting the VAKR model, and (Manolis, Burns, Assudani, and Chinta, 2013) – supporting Kolb's model.

Given this, a major conflict among researchers worldwide is not the explanation of learning styles or if they do really exist; it is rather about finding enough evidence affecting learning when considering these learning styles regardless of the followed mode. Over the last few decades, a number of studies worldwide have explored various impacts of learning styles for students toward academic performance (Ozgur et al, 2012; Felder and Silverman, 1988; Koh and Chua, 2012; Phantharakphong, 2012; Umar and Hui, 2012). However, the majority previous studies has been mainly focused on some elements which influence students' academic performance, very few studies were focus on the relation between learning styles and academic performance. Thus, the following review is an account of this issues which are presented as per illustrated in the diagram below.

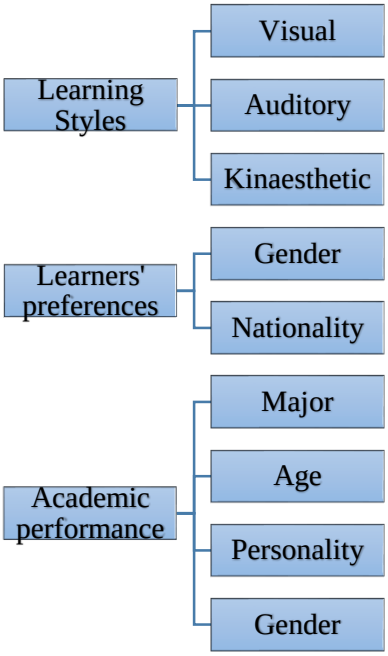


Fig. 2. Conceptual framework

To start with learning styles and as we introduced earlier with reference to the VAK theory, a learning style could be categorised into three main types: auditory, visual and kinaesthetic learning styles (Yildirim et al, 2007: 76; (Esfandabad, 2010; Geisert and Dunn, 1991; Felder and Silverman, 1988: 676). Different individuals could use different learning styles. Some students tend to be auditory learners, some are likely to be visual learners and others might use kinaesthetic learners (Willingham, 2005; Wehrwein et al, 2007). Auditory learners are likely to be good at hearing, including podcast, internal dialogue and external sounds; visual learners might be do well in seeing and reading diagrams, pictures, charts, symbols and so on; kinaesthetic learners tend to like to build models, do experiments in the lab, physical activities and so on (Surjono, 2011; Slater and Vsoh, 1993; Oflal, 2012).

As for learners' preferences, some previous studies showed that individuals have own learning style preferences such as visual learn-

ing style, auditory learning style and kinaesthetic learning style. Students' learning style preference might be related to gender and nationality as reported by (Wehrwein et al, 2007; Honigsfeld, and Dunn, 2003; Ramburuth, and McCormick, 2001). Gender as a significant element influences the students' choice of different learning styles. There is a significant contrast between males and females. Honigsfeld and Dunn (2003) argued that males prefer using kinaesthetic learning style; whereas, females prefer choosing auditory learning styles. Moreover, nationality is also an element affects choice of students' learning style. Ramburuth, and McCormick (2001) pointed out that auditory learning style is an Australian students' preference while international students have no specific learning styles, it is so because preferences of international students are limited by social and cultural environment, pressure of study and tuition.

In this regard, many previous studies showed that both gender and nationality influence the students' learning style preference, and there are many limitations. One study was only focused on high school students while current research will investigate university students, university students might have a significant different result (Honigsfeld, and Dunn, 2003). Another study was only concentrated on undergraduate physiology students, the result may not be suitable in every subject, in addition, it sampled 86 students including 66 males and 20 females in Michigan State University, the sample size of different gender were not balanced, it should be added more females (Wehrwein et al, 2007). One of previous studies sampled 78 university students who learned English language course (Ramburuth, and McCormick, 2001). It could be hypothesised that Australian students whose first language is English, and they preferred auditory learning style due to the high level of listening skills, while international students whose English level are lower than native speakers, they may not find a suitable learning style so far, but because it sampled in Australia, it might not be applied in Glasgow but could provide a research orientation for current research.

The last part of this introduction is the effect of learning styles on academic performance. Different learning styles could lead to different effects towards academic performance (Ozgur et al, 2012; Felder and Silverman, 1988; Koh and Chua, 2012; Phantharakphong, 2012; Umar and Hui, 2012). Compared with visual learners and auditory learners, most engineering students prefer using kinaesthetic learning style and achieve a better performance (Felder and Silverman, 1988). It might be because mechanical engineering students need to build models and do laboratory experiments as assignments frequently (Felder and Silverman, 1988; Koh and Chua, 2012). Phantharakphong (2012) argued that auditory and visual students as high achievers perform much better on English course than kinaesthetic students, which only account for approximately 6%. Additionally, Umar and Hui (2012) pointed out that visual students achieve higher performance than auditory and kinaesthetic students on computer course. It might be because computer course relates to visualization techniques (Umar and Hui, 2012). Some courses require specific learning skills, therefore students with preference for those learning style may perform better.

Many previous studies showed that various academic performances are influenced by different types of learners (Ozgur et al, 2012; Felder and Silverman, 1988; Koh and Chua, 2012; Phantharakphong, 2012; Umar and Hui, 2012). For instance, some studies were only focused on one particular subject such as engineering, English and computer courses (Felder and Silverman, 1988; Koh and Chua, 2012). It should be added more subjects to investigate, because different subjects may request different learning styles to achieve high performance (Felder and Silverman, 1988; Koh and Chua, 2012). Furthermore, some previous study sampled in the countries like Thailand and Malaysia which could not be applied in Glasgow (Phantharakphong, 2012) However, these previous studies were focused on university students which the age is suitable for current research. Although previous studies have limitations to current research, this will provide a research guidance to this research.

Moreover, a number of previous studies also have discussed variables which influence university students' academic performance, including students' age, personality and gender. The age of students is one of the significant variables which affect students' academic performance (Reid, 1987: 95; Salamonson and Andrew, 2006). Reid (1987: 95) demonstrates that older students and young students who select the learning styles have different academic performance. Salamonson and Andrew (2006) pointed out that although some students use the same learning style, the majority of older students gain higher scores than the young students. Similarly, personality is considered to be one of the most important variables influencing students' academic performance (Wehrwein et al, 2007; Slater et al, 2007; Laidra, 2007: 129-135; Komarraju et al, 2011: 474); This research shows that individuals who are extroversion including openness, agreeableness and conscientiousness could achieve a higher score than neuroticism individuals. It might be hypothesised that openness high achievers are likely to have strong curiosity to be eager for further understanding; agreeableness individuals might because they have a positive attitude of cooperation which could improve academic performance; and conscientiousness students are likely to focus more on learning strategies and have a strong ethical attitude to approach assignments and exams (Komarraju et al, 2011: 474). Also, gender, as a variable might affect students' academic performance. Males and females tend to have different academic achievement (Ghazvini and Khajehpour, 2011; Fin and Ishak, 2012; Honigsfeld and Dunn, 2003). Ghazvini and Khajehpour (2011) pointed out that although some males and females use the same learning style due to the difference of some other elements including motivation, attitude, time-management, concentration, ability to select main points, the academic achievements could be different. For instance, females could be good at time-management and use self-testing well than males, and females could achieve a higher score than males.

That said, very few previous studies were focused on the university students in Glasgow; the ages of respondents of some previous studies are not suitable in current research (Reid, 1987: 95; Salamonson and Andrew, 2006; Wehrwein et al, 2007; Slater et al, 2007; Laidra, 2007: 129-135; Komarraju et al, 2011: 474); Some findings might be outdated, for example, Reid's work was published in 1987, some findings might be out of date (1987: 95). Another limitation is that the sample size of students is not balanced. For example, Komarraju et al (2011) sampled 308 undergraduate college students and approximately 80% freshmen and sophomores are participated whereas only 20% junior and senior students are investigated in this previous study. Thus the methodology may not be applied to current research, more junior and senior students should be added. In addition, academic record of different majors which investigated are not average score, in previous study, students may have different academic grades due to various majors, students who achieve a lower score might because they are not good at this major (Komarraju et al, 2011). Therefore, these previous studies might not be appropriate in Glasgow but could provide an orientation for current research. To conclude, three themes about effect of learning styles on academic performance have been discussed in this literature review. These previous studies about impact of learning styles which influences on students' academic performance are only focus on one particular subject and different countries which will not apply for this research. In addition, variables which affect students' academic performance is rarely focused on university students, sample size is not balanced and average score which examined is not from the same major. However, these previous studies provide valuable research orientation to current research. This research will attempt to bridge to gap.

The purpose of this research is to explore the impact of learning styles on academic performance among university students in Glasgow. This research is mainly focusing on the students' preference of various learning styles and the effects of different learning styles on

academic performance. In addition, variables which influence university students' academic performance including age, gender and personality will be considered in this research.

1. What learning styles do university students prefer using in Glasgow?
2. What effects of different learning styles have on academic performance?
3. What are the main variables which influence university students' academic performance?

Methodology and methods. *Sample.* Probability sampling might be more effective to this research but it is impossible to access the whole population in all the university students in Glasgow due to time and resource constraints (Saunders et al, 2012). Considering convenience, a non-probabilities sampling technique was implemented in this research. The following diagram illustrates the sampling framework including: theoretical population, study population, sampling frame, and the sample.

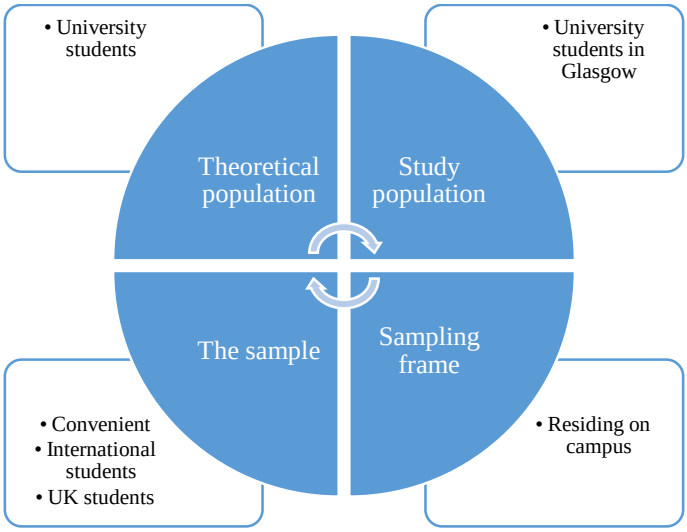


Fig. 3. Sampling framework

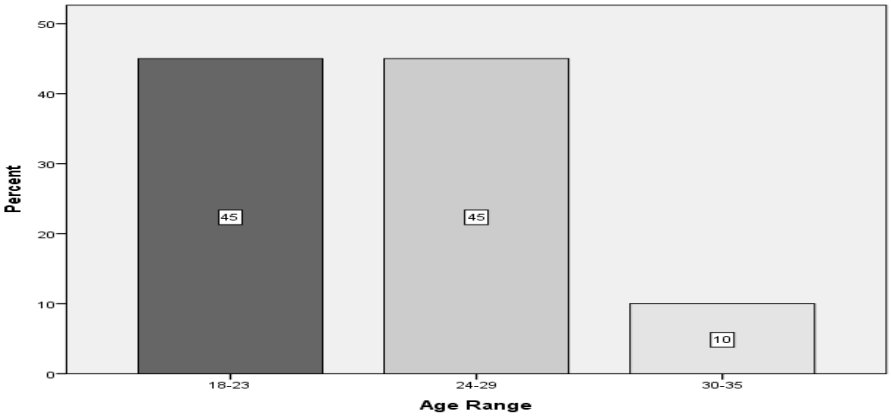


Fig. 4. Percentages of participants divided by age range

Fig. 5. Percentages of participants divided by gender

Therefore, this research selected participants conveniently, and classified by age and gender. Figure 1 shows that the research's sample size was 40 participants in total, the numbers of males and females are 24 and 16 respectively, the age group between 18 and 23 are almost the same with the age group between 24 and 29, and both these two groups totally account for 87.5% among the whole age group. However, only 4 participants were investigated in 30-35 age group.

According to Golafshani (Golafshani, 2003: 603), validity for quantitative study requires statistical generalization in order to explore more situations and wider groups. Although sample size might not represent all the situations and may not generalize findings widely, we consider this study as a pilot study towards larger sample studies at one hand, and towards behavioural and experimental studies, on the other hand.

Measures. This study is implemented as an exploratory research, and the aim of this research is to examine students' preference of various learning styles, different learning styles effects on academic performance and variables including age, gender and personality which influence students' academic performance. In order to investigate effects of learning styles of university students in Glasgow, using survey strategy for this research will be suitable (Vermunt, 2005: 234). Both quantitative and qualitative data were collected by the researcher-made questionnaire, because questionnaire is an efficient and wide way to collect quantitative data and qualitative data within the survey strategy (Saunders et al, 2012: 417).

In order to collect quantity data, self-completion questionnaire (can be found in Appendix 1) through face to face was designed. There are totally twelve questions (the full questionnaire can be found in Appendix 1) including eleven categorical questions for testing gender, learning style preference of individuals, individuals' personality with multiple choice questions, and two numerical questions about age and students' average score range. Such as "What range of your average score you have currently in Glasgow?". The questionnaire was completed by respondents (males and females) who are all over 18 years old of universities and Glasgow International College in Glasgow.

For the purpose of this study, only two types of construct validity were evidenced, namely, face validity and content validity. This was motivated by the fact that some participants who did not answer all questions might feel confused and uncertain and even uncomfortable due to some questions were made ambiguous and less confidential. Therefore, 2 tutors and 3 classmates in Glasgow International College piloted and detected these questions. After piloting, a sensitive question about asking age directly was changed to multiple-choice which were given a range of age.

In terms of collecting qualitative data, an open question was used on the last section of the questionnaire to explore other different elements which influence academic performance except learning style (Bryman, 2008).

Design. A non-experimental design was used in this study which can be depicted in a notional form as follows:

N O

where:

N= non-equivalent assignment of the participants and group

O= learning styles questionnaire

Procedures. The questionnaires were given out in Glasgow on 25 June in 2014, and data was collected between 25 June and 4 July in 2014, by face-to-face. Because the first researcher was studying at Glasgow International College, she selected 23 students randomly at this college, 17 students were collected at Glasgow University including 11 British students.

Ethical consideration is an essential aspect during the application of research (Saunders et al, 2012: 208). In this research, both quantitative and qualitative data were collected in a confidential and anonymous way, the questionnaire retains participants' anonymity. Participants had right to withdraw if they felt uncomfortable (Boyle et al, 2003: 282). In addition, participants agreed to fill the informed form and informed consent were obtained by every participant (letter of consent can be found in Appendix 2). Such ethical and sensitive issues including confidentiality and privacy could be avoided in this method in order to provide a secure environment and guarantee the participants who gave the data confidentially and anonymously.

The threat of reliability and validity had considered in this research (Saunders et al, 2012: 193). During the progress of data collection, some problems were prevented the progress of collecting data due to some reliability threats. For example, the researcher asked a student to complete the questionnaire at the lunch time in the Fraser Building at Glasgow University, but this student rejected due to this student was in a hurry to class and did not have sufficient time to complete the questionnaire. Therefore, this research chose to collect data at weekend because the majority of people would have sufficient time to finish the questionnaire. Furthermore, this research selected several secure place including library of Glasgow University, Fraser Building at Glasgow University, campus of Glasgow University to conduct. In addition, the questionnaire for some participants took them away and filled in own time, it could gain a true answer from respondents to avoid adversely influence the way of participants perform.

Research Results and Discussion.

Three questions were raised in this paper. They included:

1. What learning styles do university students prefer using in Glasgow?
2. What effects of different learning styles have on academic performance?
3. What are the main variables which influence university students' academic performance?

The collected data is presented to answer these questions by order. The researchers used SPSS 21 Version to analyse the collected data. For the purposes of this study, only descriptive statistical tools were used to analyse the collected data.

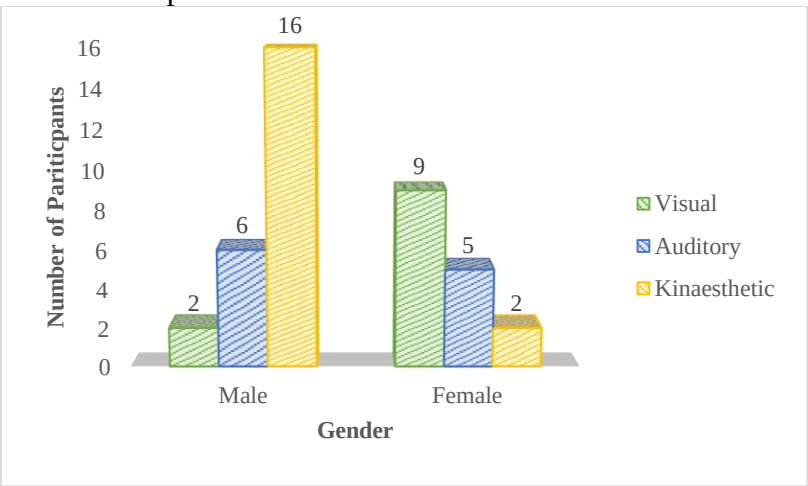


Fig. 6. Learning styles preferences divided by gender

Figure (6) and with reference to the questionnaire, three multiple-choice questions were asked about which learning styles individuals prefer by giving some specific examples related to visual, auditory and kinaesthetic learning styles. As shown in Figure 2, males preferred using kinaesthetic learning style which accounted for more than a half (16,67%) while there were only 2 out of 24 (8%) participants selected visual learning style. In summary, kinaesthetic learning styles preference are much more than visual and auditory learning style among males. In contract, as can be seen from Figure 3, female students preferred choosing visual learning style and auditory learning style both much more than kinaesthetic learning style. The most females liked using visual learning style which made up more than a half (56%) while kinaesthetic learning style only accounted for 13%. The most interesting finding was that auditory learning style account for 31% which was the second preference for females. In conclusion, visual learning style was females' preferential choice. In conclusion, as can been seen, kinaesthetic learning style is males' first preference while females preferred using visual learning style. There was an interesting finding was that auditory learning style was both males and females second preference, but females used auditory learning style more than males.

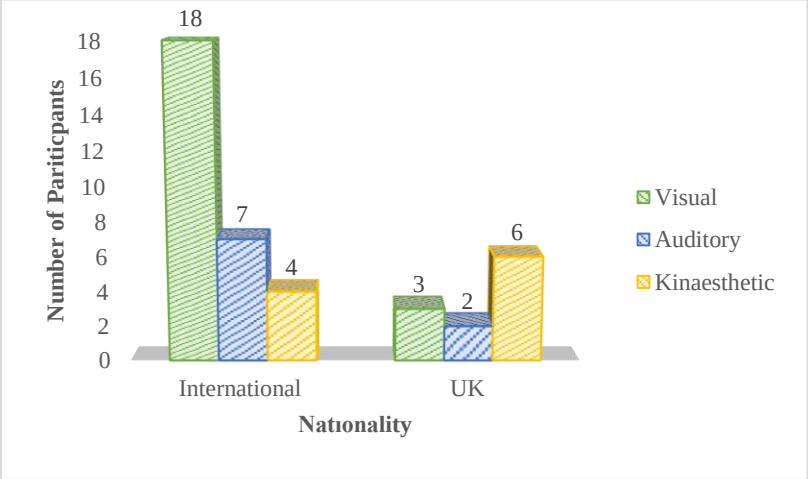


Fig. 7. Learning styles compared between international and UK students

This research was divided into two types of nationalities: international students and British students. There are 29 international students and 11 British students respectively. As can be seen from Figure (7), international students preferred using visual learning style than British students. Obviously, 18 out of 29 selected visual learning style which account for 62% while very few British students (27%) chose visual learning style. In summary, visual learning style was international students' preference. Moreover, Figure (8) provides that preference of auditory learning style among university students, it can be seen that, international students preferred using auditory learning style which accounted for approximately 24%. Compared with international students, there were only 2 chose auditory learning style which make up 18% among the British students. Surprisingly, it was found that international students used auditory learning style more than British students. Finally, as shown in this figure, only 14% (4 students) International students preferred using kinaesthetic learning style while the British students made up more than a half (54%). In summary, the result of this bar chart showed that the British students preferred using kinaesthetic learning style than international students. In summary, these three figures showed that international students preferred using visual learning style, while very few international students used kinaesthetic learning style among 29 respondents. For British students, there are totally 11 respondents in this research investigation, it still can be seen that British students regarded kinaesthetic learning style as the first preference.

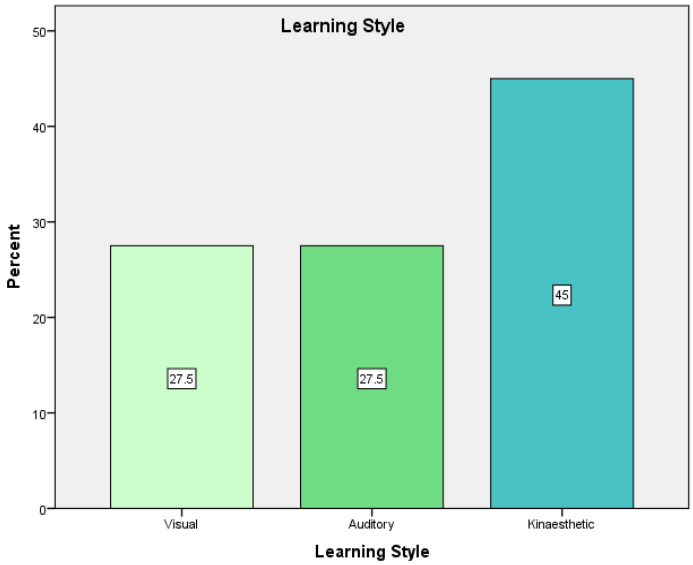


Fig. 8. Percentages of learning styles when they are calculated by gender for all the participants

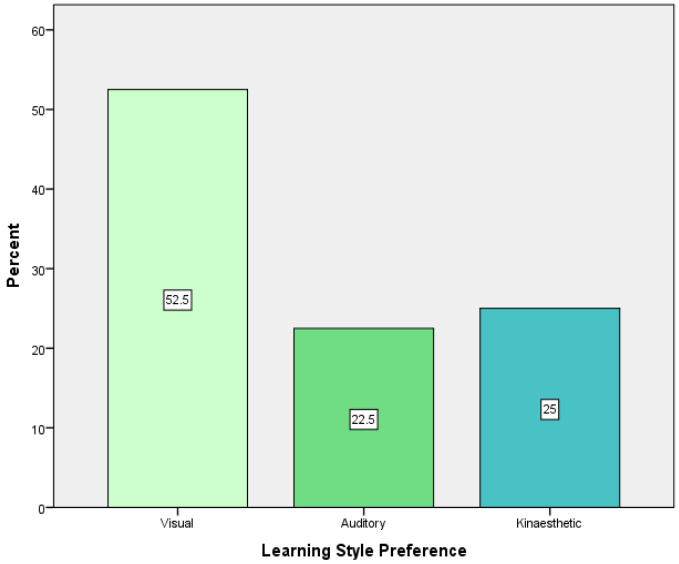


Fig. 9. Percentages of learning styles when they are calculated by nationality and learning style type for all the participants

Figures 5-6 present the possible impact of different variables on the output of learning styles when calculated using different bases. For instance, in Figure (5) the percentages among the three learning styles for the 40 participants were calculated based on gender and it showed kinaesthetic learning as the number one preferred learning style with (45%) as compared to only (27.5) for each visual and auditory learning styles. On the other hand, when the calculation are reversed based on the learning style type and nationality, visual learning style is the number one with over (52%) followed by the kinaesthetic learning style but with significant different between the two – only (25%) of students are within this learning style. For one reason or another which beyond the scope of this paper, learning styles preferences seem to be impacted by predefined variables and this could be attributed to the used measure in this study (a researcher-made questionnaire).

In this regard, the effects of different learning styles on academic performance was asked "What subject do you study" by multiple-choice by self-report of respondents, and these findings also related with the multiple-choice were asked about what learning styles

students prefer using by some examples about visual, auditory and kinaesthetic learning styles. There are 40 respondents participated in this research, however, current research was mainly focus on 30 students (75%) which were studying Engineering and Education. The 10 left students had a wide range subjects, therefore, they were excluded in this section.

Table 1

Average score of different learning styles by two subjects

Subject	Learning style	No. of participants	Mean (Average score)
Engineering	Visual	3	52.7~56.7
	Auditory	4	54~58
	Kinaesthetic	10	62.1~66.1
Education	Visual	7	66~70
	Auditory	3	56~60
	Kinaesthetic	3	51~55

As can be seen from Table (1), engineering students with kinaesthetic learning styles have a higher score (62.1~66.1), while the mean of visual and auditory learning styles are similar which were both less than 60. Educational students with a higher score (66~70) preferred using visual learning style.

Table 2

Average score of academic performance by age and gender

Variables	No. of participants	Mean (Average score)
Age	40	
18-23 year	18	55.1~59.1
24-29 year	18	63.3~67.3
30-35 year	4	56.0~60.0
Gender	40	
Male	24	60.4~64.4
Female	16	56.9~60.9

Variables including age, gender and personality were asked about “What is your age range?”, “What is your gender?” and three questions about exploring individuals’ personality through some specific example options. Table (2) shows 24-29 age group achieved a high average score range (63.3~67.3) compared with the other two age groups. 18-23 age group and 30-35 age group have a very similar average score around 55~60, and the mean of the youngest group slightly lower than the old group. Additionally, males’ average score range (60.4~64.4) was more than females’ (56.9~60.9). In summary, the two older age groups had a better academic performance than the youngest age group. Males had a better academic performance than females.

This research was divided into two major types of personality: Extroversion and Introversion. As can be seen from Table (2), 23 respondents out of 40 were participants who was the high average score range groups (62.8~66.8) due to extroversion personality, while there were 17 participants who were introverted achieved a lower average score range (53.6~57.6). The results of this study indicate that extroverted students performed much better than introverted students.

Table 3

Average score of academic performance by individuals’ personality

Variable	No. of participants	Mean (Average score)
Personality	40	
Extroversion	23	62.8~66.8
Introversion	17	53.6~57.6

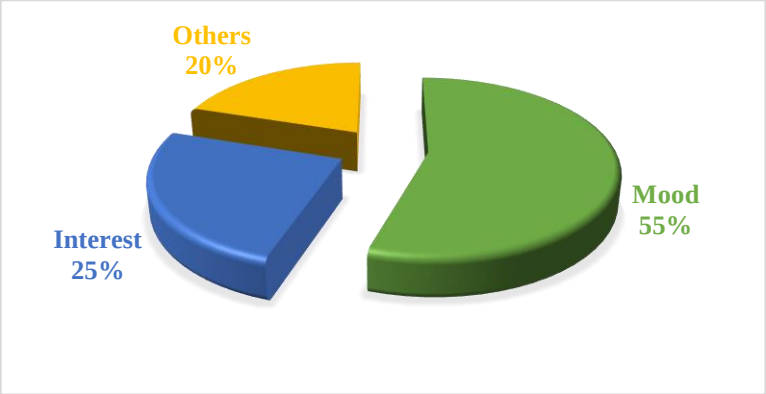


Fig. 10. Percentages of responses for what other factors could affect academic performance

Participants were asked about other elements affect students' academic performance by using an open question, and there are 92.5% (37 out of 40) answered this question. As Figure (10) shown, there was an interesting finding was that there were 22 (44%) respondents regarded mood as an important element affected their academic achievement. Another finding can be found that 10 (36%) respondents thought interest influenced academic performance. And the rest of respondents which had different answers were difficult to find out other results. In conclusion, the result of this open question can be found that mood and interest are two important elements which influence students' academic performance.

Discussion. Since our study is not experimental so the results certainly provide answers to our raised questions. These answers are in agreement and disagreement with some previous reported research.

First, the students were found that males prefer using kinaesthetic learning style whereas females like choosing visual learning style in Glasgow. The result of males' learning style preference was kinaesthetic which is similar to that Honigsfeld and Dunn (2003)'s study undertaken in Michigan State University. This fit with some previous studies conducted by Honigsfeld and Dunn (2003) and Ramburuth and McCormick (2001). However, this finding was unexpected and suggests that females' learning style preference was visual learning style in Glasgow rather than auditory learning style. This may be because the majority of female respondents' major was education in current research, visual learning style is more suitable for educational students. Furthermore, this result could be because the females' sample size was smaller than males' in this research, the results might be different if could find more females.

Second, another finding suggests that the British students preferred using kinaesthetic learning style while international students preferred using visual learning style in Glasgow which were different with previous study of Ramburuth and McCormick (2001)' s study. In this research, there were totally 11 British respondents and most of respondents study engineering which require kinaesthetic learning style, also the sample size was quite small in this research which was difficult to find systematic variation. However, 29 international students were participated, it might be hypothesised that the result of international students' learning style preference was visual learning style due to the most students' major were education, law, economic and psychology which these subjects required visual learning skill (Koh and Chua, 2012).

Third, kinaesthetic learning style performed much better on academic achievement (62.1~66.1) for engineering students than students who chose visual and auditory learning styles. This result is consistent with that from Felder and Silverman (1988) and Koh and Chua (2012)' studies. In addition, the research showed that this result of visual learning style achieved a better academic performance than the other two learning styles for educational

students. This result is similar to previous studies which conducted by Phantharakphong (2012) and Umar and Hui (2012). More specific, although current research mainly focused on engineering students and education students who were different with the objects (engineering, English course and computer students) of previous studies, the finding was that different learning styles affect different academic performance according to different subjects. Students who had a good academic performance due to the learning style suit their subjects, the result is similar to previous studies.

Fourth, in this research, university students in Glasgow were found that age, gender and personality might influence their academic performance, and this related to previous studies (Reid, 1987: 95; Salamonson and Andrew, 2006; Wehrwein et al, 2007; Slater et al, 2007; Laidra, 2007: 129-135). For age, the 24-29 age group and 30-35 age group had a better academic performance than 18-23 age group, this result indicated that the older age group achieved a higher score than the youngest group which is similar to previous studies. However, 24-29 age group was the highest achiever rather than the oldest age group (30-35 year) among these three age groups, this might because the sample size of 30-35 year age group was quite small. In terms of gender, one unanticipated finding was that males (60.4~64.4) performed much better on academic performance than females' academic performance (56.9~60.9). This could be the males' sample size was bigger than females'. This result was contradictory with previous studies. Therefore, this research should find more female participants and balance the sample size between males and females, it might have a significant change.

Fifth, personality as an important variable influenced students' academic performance. There was a similarity between current study and previous studies which conducted by Laidra (2007: 129-135) and Komarraju et al, (2011). This finding showed that extrovert students had a much better academic performance (62.8~66.8) than introvert students (53.6~57.6), and this finding is consistent with such study.

Conclusion. This research attempted exploring the preference of various students' learning style, the possible impact of different learning styles on academic performance, and variables which influence university students' academic performance. The findings showed that males preferred using kinaesthetic learning style while females chose visual learning styles as first preference. Additionally, auditory learning style was both males and females second preference. Also, in terms of nationality, international students preferred visual learning style while British learning style preferred using kinaesthetic learning style. Moreover, different learning styles had different academic performance due to different subjects require specific learning styles. Finally, variables such as age, gender and personality influence students' academic performance directly. In this research, there is an implication is that, in order to achieve a high mark students should select own suitable learning style according different subjects .

Limitations. Our research has some limitations. Firstly, due to this study used a non-probabilities sampling technique, the sample size was small which did not represent the whole population. Secondly, the sample was conducted only 40 participants by self-completion questionnaire, even did not include interview. Some answers may not be accurate. Lastly, due to time and resource constraints, this research was only focus on one international college and one university in Glasgow.

Future Research. Future research need to enlarge the sample size in order to gain more reliable answers and findings. Additionally, this study also need to examine more universities in Glasgow in order to make the data more reliable and accurate. The measures should also include subjective and objectives ones. In other words, even the used measure here evidenced only two types of construct validity (the minor ones: face and content validities) and none of the reliability types was measured before using this measure. Besides, the use of the words *impact*, *influence* were much more suitable with experimental and behavioural re-

search as the collected evidence here was totally subjective and cannot really yet scientifically measure the '*impact'* of something on something else. Besides, the sampling was not matched or paired which made the comparisons and drawn results weaker. All these issues should be considered for future researches on learning styles.

References

1. Alduais, A. M. (2012a), "Integration of language learning theories and aids used for Language teaching and learning: A psycholinguistic perspective", *Journal of Studies in Education*, 2 (4), 108-121.

2. Alduais, A. M. (2012b), "An account of teaching strategies which promote student-initiation", *Journal of Sociological Research*, 3 (2), 489-501.

3. Alduais, A. M. (2013), *Language and Technology Use: An introductory course for using aids to teach and learn language components and language skills*, in Seetaram, N. (ed.), Lambert Academic Publishing LAP, Saarbrucken, Germany.

4. Boyle, E. A., Duffy, T. and Dunleavy, K. (2003), "Learning styles and academic outcome: The validity and utility of Vermunt's Inventory of Learning Styles in a British higher education setting", *British Journal of Educational Psychology*, 73(2), 267-290.

5. Bryman, A. (2008), *Social Research Methods*, Oxford University Press, Oxford, UK.

6. Childress, M. (2003), *Educational Implications Of Three Models Of Learning*.

7. Coffield, F., Moseley, D., Hall, E., and Ecclestone, K. (2004), *Learning styles and pedagogy in post-16 learning: A systematic and critical review*.

8. Corbett, S. S. and Smith, W. F. (1984), "Identifying student learning styles: proceed with caution!", *The modern language journal*, 68 (3), 212-221.

9. Esfandabad, H. S. (2010), "A comparative study of learning styles among monolingual (Persian) and bilingual (Turkish-Persian) secondary school students", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 5, 2419-2422.

10. Felder, R. M. and Silverman, L. K. (1988), "Learning and teaching styles in engineering education", *Engineering education*, 78(7), 674-681.

11. Fin, L. S. and Ishak, Z. (2012), "A Priori Model of Students' Academic Achievement: The Effect of Gender as Moderator", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 65, 1092-1100.

12. Fleming, N. D. (1995), "I'm different; not dumb. Modes of presentation (VARK) in the tertiary classroom", *Research and Development in Higher Education, Proceedings of the 1995 Annual Conference of the Higher Education and Research Development Society of Australasia (HERDSA)*, Australia, July, Vol. 18, 308-313.

13. Geisert, G., and Dunn, R. (1991), "Effective use of computers: Assignments based on individual learning style", *The Clearing House*, 64 (4), 219-224.

14. Ghazvini, S. D., and Khajehpour, M. (2011), "Gender differences in factors affecting academic performance of high school students", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 15, 1040-1045.

15. Golafshani, N. (2003), Understanding Reliability and Validity in Qualitative Research. *The Qualitative Report*, 8 (4), 597-607.

16. Harrington-Atkinson, T. (2017), Barbe's VAK Learning Style, available at: http://tracyharringtonatkinson.com/barbes-vak-learning-style (Accessed 31 December 2017).

17. Honigsfeld, A., and Dunn, R. (2003), "High school male and female learning-style similarities and differences in diverse nations", *The Journal of Educational Research*, 96 (4), 195-206.

18. Koh, Y. Y., and Chua, Y. L. (2012), "The Study of Learning Styles among Mechanical Engineering Students from Different Institutions in Malaysia", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 56, 636-642.

19. Komarraju, M., Karau, S. J., Schmeck, R. R., and Avdic, A. (2011), "The Big Five personality traits, learning styles, and academic achievement", *Personality and Individual Differences*, 51 (4), 472-477.

20. Laidra, K. (2007), "The relation between learning styles: the big five personality traits and achievement motivation in higher education", *Personality and Individual Differences*, 26 (1), 129-140.

21. Manolis, C., Burns, D. J., Assudani, R., and Chinta, R. (2013), "Assessing experiential learning styles: A methodological reconstruction and validation of the Kolb Learning Style Inventory", *Learning and individual differences*, 23, 44-52.

22. Ozgur, S. D., Temel, S. and Yilmaz, A. (2012), "The effect of learning styles of preserve chemistry teachers on their perceptions of problem

solving skills and problem solving achievements", *Social and behavioral sciences*, 46 (1), 1450-1454.

23. Pashler, H., McDaniel, M., Rohrer, D., and Bjork, R. (2008), "Learning styles: Concepts and evidence", *Psychological science in the public interest*, 9 (3), 105-119.

24. Phantharakphong, P. (2012), "English learning styles of high and low performance students of the faculty of education, Khon Kaen University", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 46, 3390-3394.

25. Ramburuth, P., and McCormick, J. (2001), "Learning diversity in higher education: A comparative study of Asian international and Australian students", *Higher education*, 42 (3), 333-350.

26. Reid, J. M. (1987), "The learning style preferences of ESL students", *TESOL quarterly*, 21 (1), 87-111.

27. Rohrer, D., and Pashler, H. (2012), "Learning Styles: Where's the Evidence?", *Online Submission*, 46 (7), 634-635.

28. Salamonson, Y., and Andrew, S. (2006), "Academic performance in nursing students: influence of part-time employment, age and ethnicity", *Journal of Advanced Nursing*, 55 (3), 342-349.

29. Saunders, M., Lewis, P. and Thornhill, A. (2012), *Research Methods for Business Students*, Sixth Edition, Pearson Educated Limited, Essex, England.

30. Scott, C. (2010), "The enduring appeal of 'learning styles'", *Australian Journal of Education*, 54 (1), 5-17.

31. Shabani, M. B. (2012), "Different Learning Style Preference of Male and Female Iranian Non-academic EFL learners", *English Language Teaching, 5(9)*, 127.

32. Sims, R., and Sims, S. (1995), *The importance of learning styles: Understanding the implications for learning, course design, and education*, ABC-CLIO.

33. Slater, J. A., Lujan, H. L., and DiCarlo, S. E. (2007), "Does gender influence learning style preferences of first-year medical students?", *Advances in Physiology Education*, 31 (4), 336-342.

34. Umar, I. N., and Hui, T. H. (2012), "Learning style, metaphor and pair programming: Do they influence performance?", *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, 46, 5603-5609.

35. Vermunt, J. D. (2005), "Relations between student learning patterns and personal and contextual and academic performance", *High Education*, 49 (3), 205-234.

36. Wehrwein, E. A., Lujan, H. L., and DiCarlo, S. E. (2007), "Gender differences in learning style preferences among undergraduate physiology students", *Advances in Physiology Education*, 31 (2), 153-157.

37. Willingham, D. T. (2005), "Do visual, auditory, and kinesthetic learners need visual, auditory, and kinesthetic instruction", *American Educator*, 29 (2), 31-35.

38. Yildirim, O., Acar, A. C., Bull, S. and Sevinc, L. (2007), "Relationship between teachers' perceived leadership style, students' learning style and academic achievement: a study on high school students", *Education Psychology*, 28 (1), 73-81.

Appendix

Questionnaire

Thank you for agreeing to complete this questionnaire. The purpose is to find university students' learning styles towards academic performance in Glasgow and explore factors influencing them. Hence, please feel relax to answer these questions, and this questionnaire is totally anonymous.

Part I: Personal Information

1. What is your gender?
○ Male ○ Female

2. What is your age?
○ 18-23 ○ 24-29 ○ 30-35

3. What is your nationality?
○ British ○ Russia ○ Chinese
○ Korean ○ Japanese ○ Mexico

○ Others_____ (Please write down your own answer)

4. What best describes your current education level?
○ Undergraduate student (including foundation)
○ Postgraduate student (including pre-master)
○ PHD

Part II: Preference of students' learning styles

1. When learning a new skill you prefer:
○ watching what the teacher is doing
○ talking through with the teacher exactly what I am supposed to do
○ giving it a try and work it out as I go along by doing it

2. If you were buying a new car, you would:
○ read reviews in newspapers and magazines
○ discuss what I need with my friends
○ test-drive lots of different types

3. When you have to revise for an exam, you generally:
○ write lots of revision notes and diagrams
○ talk over my notes, alone or with other people
○ imagine making the movement or creating the formula

Part III: Variables and effects of learning styles on academic performance

1. What subject do you study?
○ Education ○ Law ○ Economic
○ Mechanical Engineering ○ others _____ (Please write down your own answer)

2. When you are taught new and fresh knowledge,
○ You feel afraid to accept new knowledge
○ You feel neutral to learn new knowledge
○ You feel curious to new knowledge and want to explore deeper understanding of it

3. When you have some learning problems, you prefer:
○ study and solve it alone
○ discuss in group and brainstorm to solve

4. When you have some difficulties you cannot solve immediately during your study, you will think:
○ It is impossible for me to do it and escape it
○ It is difficult but still have to do it
○ It is a good challenge for me to solve and want to carry on

5. What range of your average score you have currently? (in Glasgow)
○ < 40 ○ 40~45 ○ 46-50 ○ 51-55 ○ 56-60
○ 61-65 ○ 66-70 ○ 71-75 ○ 76+

6. Except learning style, what other elements affect your academic performance?
_____

Thank you!

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Ma Li, XUE Bang Education, Academic Research and Development Centre, K12 Department

Beijing, P.R. China, No. 19 Xinjiekou Wai St., 100875, Beijing, P.R.China

Ahmed Alduais, Institute of International & Comparative Education Faculty of Education, Beijing Normal University (BNU), Beijing, P.R. China

УДК 316.4; 316.32 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-4**

Яницкий О.Н.

ЧЕТВЕРТАЯ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНСТИТУТЫ

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, Москва, 117218, Россия
oleg.yanitsky@yandex.ru

Статья поступила 29 апреля 2018 г.; Принята 1 июня 2018 г.; Опубликована 30 июня 2018 г.

Аннотация. В статье рассматриваются фундаментальные сдвиги в институциональной структуре мирового сообщества в условиях научно-технической революции (далее, НТР-4) и глобализации. Ее основные характеристики: высокая мобильность ее элементов, неустойчивый и нелинейный характер динамики, сжатие социального пространства посредством времени, растущая взаимосвязь природных, технических и социальных процессов, формирующих, в конечном счете, гибридные системы, которые я называю социобиотехническими системами (далее, СБТ-системы; подробнее см. Яницкий, 2016). Выдвигаются следующие гипотезы. Первая, быстро развивающаяся сфера IT-производства не только расширяется в пространстве, но и претендует на роль создателя своей институциональной системы. Ее основное отличие – это скоростное взаимодействие множества малых и больших высокомобильных гибридных агентов и систем. Это взаимодействие порождает «серые зоны», которые я квалифицирую как социальные среды, генерирующие *ситуативные нормы и правила* (ad hoc rules), находящиеся вне существующей системы международных правил и норм. Вторая, современное информационное производство порождает облачные системы, нормы пользования которыми устанавливаются и поддерживаются этим производством (точнее, владельцем конкретного ресурса). Облачные системы позволяют оперировать огромными массивами данных, но не гарантируют 100% конфиденциальности. Третья, мобильный мир порождает мобильных индивидов, которые выстраивают свои жизненные стратегии, исходя из принципа минимакса: минимум рисков – максимум достижений, что угрожает потерей их социальной и культурной идентичности. Четвертая, интегрировать данные о поведении СБТ-систем и возможностях управления ими возможно только в условиях глубокой трансформации самого института науки и способов его связи с практикой. Только междисциплинарное знание, полученное в результате формирования института «единой науки» и интегрированного языка междисциплинарного общения, может дать потенциальную возможность не только познавать сложный социобиотехнический мир, но и управлять им.

Ключевые слова: адаптация; гибридные системы; глобализация; институты социальные; единая наука; IT-производство; облачные системы, метаболизм; серые зоны; СБТ-системы.

Oleg Yanitsky

THE FOURTH SCIENTIFIC AND TECHNICAL REVOLUTION, GLOBALIZATION AND INSTITUTIONS

Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences
24/35, bld. 5 Krzhizhanovskogo St., Moscow, 143964, Russia
oleg.yanitsky@yandex.ru

Received 29 April 2018; Accepted 1 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. The article examines fundamental changes in the institutional structure of the world community under the conditions of the scientific and technological revolution and globalization. Its main characteristics are the high mobility of its elements, the unstable and non-linear character of dynamics, the contraction of social space through time, the growing interconnection of natural, technical and social processes that ultimately form hybrid systems, which I call sociobiotechnical systems (hereinafter, SBT-systems , for more details see Yanitsky, 2016). The following hypotheses are proposed. The first, rapidly developing sphere of IT-production not only expands in space, but also pretends to be the creator of its institutional system. Its main difference is the high-speed interaction of many small and large highly mobile hybrid agents and systems. This interaction generates “gray zones”, which I qualify as social environments generating situational norms and rules (ad hoc rules) that are outside the existing system of international rules and norms. The second, modern information production generates cloud systems, whose norms of use are established and maintained by this production (more precisely, the owner of a particular resource). Cloud systems allow you to operate with huge data sets, but do not guarantee 100% confidentiality. Third, the mobile world generates mobile individuals who build their life strategies based on the minimax principle: a minimum of risks is the maximum of achievements that threatens the loss of their social and cultural identity. Fourth, it is possible to integrate data on the behavior of SBT-systems and their management capabilities only in conditions of a profound transformation of the institution of science itself and the ways of its connection with practice. Only interdisciplinary knowledge obtained as a result of the formation of the institute of “unified science” and the integrated language of interdisciplinary communication can give a potential opportunity not only to learn the complex sociobiotechnical world, but also to manage it.
Keywords: adaptation; hybrid systems; globalization; social institutions; common science; IT-production; cloud systems, metabolism; gray areas; SBT-systems.

Введение (Introduction).

Основные черты глобализации в условиях НТР-4 и поиски устойчивого мира. Современная глобализация отличается от ее предыдущих этапов как качественно, так и по ее пространственной структуре. Ее основными характеристиками являются: высокая мобильность ее элементов, неустойчивый и нелинейный характер динамики, сжатие социального пространства посредством времени, тесная взаимосвязь природных, технических и социальных структур и процессов. Эта взаимосвязь, в конечном счете, реализуется, в конечном счете, в формировании гибридных (глубоко интегрированных) систем, которые я называю СБТ-системами. Их объединяющим (интегрирующим) моментом являются *метаболические процессы*, то есть процессы взаимного влияния

и изменения с пока еще недостаточно изученными результатами. Прав был У. Бек, когда утверждал, что современная эпоха – это эпоха «побочных эффектов», часто непредсказуемых ни по своему качеству, ни по времени и месту их возникновения. Так что об «устойчивости» современного этапа глобализации пока говорить не приходится. Скорее, напротив, идет процесс ее интенсивной экспансии вширь и вглубь.

В этом контексте заимствованное из естественных наук понятие метаболизма приобретает качественно иной смысл: взаимодействие между природными и созданными человеком структурами и процессами, то есть возникает *феномен «междисциплинарного перехода»*. Естественно, этот качественный переход должен находить свое отражение в институциональных системах, регулирующих обмен между обществом, природой и технологическими системами на всех уровнях, локальном, национальном, региональном и глобальном. «Междисциплинарный переход» в равной мере относится и к повседневной практике социальных агентов, и к институциональным системам, и к системе наук, исследующих и регулирующих этот переход.

В целом можно утверждать, что в эпоху новой промышленной революции в системе глобального круговорота веществ внутри СБТ-системы происходят качественные изменения. Главным из них является антропогенные изменения потоков вещества и энергии в биосфере. Эти изменения включают: сокращение биоразнообразия; изменение естественных биогеохимических циклов; антропогенное загрязнение биосферы и изменение лика биосферы в целом; антропогенное изменение климата и расширение пространства природно-антропогенных катастроф; разрушение экосистемы мирового океана; и саморазрушение человечества из-за роста генетического груза (см. Яблоков и др., 2017).

С точки зрения социологии системных процессов и теории общества риска, в этот список нужно добавить: возрастание вероятности аварий и катастроф, порожденных созданных человеком искусственных системах: в больших городах и на их предприятиях, а также в энергетических, ресурсных и информационно-коммуникационных сетях. А также в результате борьбы, включая вооруженные конфликты и гибридные войны за доступ к дефицитным ресурсам, потребность человечества в которых будет с каждым годом возрастать. Надежда на прямое использование солнечной энергии посредством развития индустрии солнечных батарей иллюзорна, т.к. конечный объем солнечной энергии, поступающей на Землю, всегда ограничен, и он будет сокращаться вследствие загрязнения атмосферы и других факторов антропогенного происхождения.

Наконец, идеология и политика «устойчивого развития» (sustainable development) как один из принципов институциональной организации глобального сообщества, получившая широкое распространение в науке и геополитике, начиная с 1970-х гг., более не соответствует названным выше качественным изменениям. Любая устойчивость возможна только через постоянные изменения, как самой глобальной СБТ-системы, так и ее институциональной организации.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion).

«Гибридные агенты» и изменение характера социальных институтов. Наука, писал В. Вернадский более полувека назад, сначала «разлагает сложную задачу на более простые, затем, оставляя в стороне сложные задачи, разрешает более простые и тогда только возвращается к оставленной сложной» (Вернадский, 1960: 122). Однако сегодня СБТ-система любого масштаба и радиуса действия уже является гибридным, то есть сложным, агентом. Даже если он состоит из разнокачественных элементов, то его воздействие на других агентов и окружающую среду будет носить комплексный (многосторонний) и мало предсказуемый характер. Соответственно, это будет комплексное воздействие и на другие части системы.

Существующая система глобальных и национальных институтов создавалась, исходя из презумпции *стабильного и конечного мира*. Мир, конечно, постепенно изменялся, но долгое время западные идеологи и теоретики предполагали, что названная система международных и национальных институтов, созданная после окончания Второй мировой войны, будет работать неопределенно долго. Это убеждение основывалось на представлении о неизбежном распространении (завоевании?) правил и норм западной цивилизации по всему миру.

Быстро развивающаяся сфера IT-производства не только расширяется в пространстве, но и претендует на роль создателя своей институциональной системы. Ее основное отличие – это скоростное взаимодействие множества малых и больших высокомобильных гибридных агентов и систем. Это взаимодействие порождает «серые зоны», которые я квалифицирую как социальные среды, генерирующие *ситуативные нормы и правила* (ad hoc rules), находящиеся вне существующей системы международных правил и норм.

В условиях «гибридной войны» наиболее эффективным будет тот ответ на нее, который будет состоять из множества разных ответов данного субъекта: экономических, социальных, военно-технических, информационных и т.д. Причем ответов разных по своему характеру, масштабу и времени. Следующие факторы побуждают политиков и ученых к размышлению об изменении системы глобальных социальных институтов. Первый, это инверсия пространства, то есть его сжатие посредством времени. Существующие сегодня социальные институты не успевают адекватно ответить на ускоряющийся ход международных событий. Второй, это вызванные некоторым новым внешним импульсом (инновацией, аварией или катастрофой, изменением расстановки политических сил и т.д.) метаболические процессы с заранее неизвестным результатом. Третий, это разные формы реакции на факт «гибридной войны» (ответный удар, отступление, переформирование сил, мобилизация ресурсов общества для отпора и т.д.). Четвертый, и, на мой взгляд, самый главный, это изменение в самой системе социальных институтов. То есть переход от стабильных принципов и правил к их адаптации к непрерывно изменяющейся ситуации. Это означает переход от «фронтального ответа» на некоторый вызов к бесконечной последовательности временных соглашений, договоренностей, дорожных карт и т.д. Иными словами, в условиях «гибридной войны» происходит переход к мобильной системе социальных институтов и управления агентами геополитического процесса.

Основные изменения в институциональной структуре. Понятие «серой зоны». Единая институциональная система быстро деградирует, и причин тому несколько. Во-первых, число субъектов действия все время возрастает. В начале прошлого века число реально действующих агентов на глобальной арене исчислялось десятками, а основных и ведущих было всего три-четыре. Сегодня же их стало великое множество: сотни государств и их альянсов, общности, борющихся за свою независимость, частные военные компании, неопознанные вооруженные формирования, а также мощные информационно-коммуникационные системы, «переходные» правительства, непризнанные, но реально существующие республики и др.

Во-вторых, всякая новая отрасль общественного производства (сегодня таковой является информационно-коммуникационное производство) стремится навязать свои нормы и правила общественной жизни обществу. А сегодня – уже и всей планете. И она мало озабочена тем, что другие не стремятся под ее крыло или просто не готовы к столь быстрому переходу в новое качество. В результате такой экспансии возникают «социальные отходы», которые и становятся неопознанными вооруженными формированиями.

В-третьих, внутри ослабленного социального порядка возникают «серые

зоны», наполненные агентами, взаимодействие которых создает специфические правила и нормы общения, общежития или борьбы. Если такие зоны расширяются, а они действительно расширяются, поскольку открывают путь к быстрому обогащению и господству на определенной территории или в конкретной сфере власти или производства, то, в конечном счете, подобные зоны формируют теневую власть-собственность, а законная власть превращается в ее оболочку-прикрытие.

В-четвертых, в условиях НТР-4 общественная жизнь уходит в виртуальные (облачные) структуры, которые имеют тенденцию к превращению в Большого Брата, контролирующего социальные общности, организованные по территориальному принципу. Другая сторона того же процесса – это возникновение микро-агентов, которые, однако, обладают большой разрушительной силой. Я имею в виду разного рода «закладки», которые встраиваются в системы программного обеспечения и при необходимости их разрушают.

Жизнь в облачных структурах – практически не освоенная область социологии. Замечу, только что хранение данных на облаке удобно, но пользователь не имеет контроля над своими данными. Более того, контролирующие структуры или силовые органы имеют законное право получить доступ к ним без вашего ведома! И вообще – у всякого информационного ресурса есть конкретный владелец, собственник. С момента возникновения не только облачных систем, но и виртуальной сферы производства и жизни как таковой, идет жесткая борьба между их собственниками, выступающими за их закрытость, и контролирующими институтами, обеспечивающими безопасность общества в целом. И те, и другие по-своему правы: одни хотят максимальной конфиденциальности своей переписки, другие – сохранять контроль над виртуальной сферой.

В-пятых, после понятной эйфории по поводу невиданных технологических возможностей некоторые ведущие западные социологи подвергли жесткой критике эту техно-манию, увидев в ней скрытый инструмент для еще более интенсивной эксплуатации информационных ресурсов игроками глобального рынка. Крупнейший специалист по современному капиталистическому обществу С. Сассен утверждает, что хищнические структуры (formations) сегодня переодеваются в костюмы с Уолл-Стрита и прикрываются математическими алгоритмами (Sassen, 2017).

В-шестых, в этих условиях всякий выбор, то есть стратегия и тактика, становятся ситуативно-зависимыми. Именно в ситуации постоянно меняющихся условий происходит отказ от когда-то сформулированных общих институциональных норм и правил и переход к *непрерывной мобильности*, то есть к ситуативной стратегии и тактике социальных и политических действий. Соответственно и всякий выбор целей и средств их достижения становится ситуативно-зависимым. А, значит, множество макро- и микро- субъектов начинают формировать эти ситуативные нормативные структуры, рассчитанные именно на быстрые изменения. Есть риск, что растущее множество мобильных агентов подорвет сложившуюся институциональную систему, то есть мобильность как постоянная изменяемость возьмет верх над «устойчивыми» международными институтами.

В-седьмых, названные выше перемены влекут за собой изменения в основах глобальной морали и этики. Уже сегодня отчетливо виден растущий разрыв между декларациями глобальных игроков об их стремлении к общему миру и благополучию и их реальной политикой, нацеленной на доступ к дефицитным ресурсам и усилению их геополитического влияния. Промежуточной ступенью этого перехода как раз и являются бесконечные переговоры и временные соглашения, с одной стороны, и усиление пропагандистского давления на массовое сознание вероятного противника, с другой стороны. Суть новой глобальной морали – *временные нормы для быстро из-*

меняющегося миропорядка. Более того, исторически сформировавшиеся его нормы имеют тенденцию перейти в фазу их «бесконечного изменения». Есть ли предел это институциональной мобильности? По моему мнению, он есть, и он заключается в риске тотального разрушения системы общество-природа. Однако показательно, что даже многолетние международные исследования по проблеме «пределов роста» ориентированы более на внедрение технологических инноваций (для экономии энергии и др.), но не на исследование эволюции глобальных социальных институтов и их морально-этических основ (см., например, Von Weizsäcker et al., 2018).

В-восьмых, теоретики глобализации упускают из внимания то обстоятельство, что современный миропорядок зиждется на плотной и постоянно меняющейся сети информационных, ресурсных, социальных и иных связей. Этим он отличается от эволюционно сложившегося природного порядка, основанного на *непосредственном взаимодействии* веществ в биосфере (Яблоков и др., 2017). Между тем, именно в «точках» пересечения различных глобальных информационных, ресурсных и иных сетей, как показало международное исследование (The Global Risks Report, 2018), чаще всего возникают конфликты и войны (подробнее об этом исследовании см.: Yanitsky, 2018). Более того, социальные сети используются как средство дезинформации вероятного конкурента или противника. Как показало то же исследование, угроза глобальных экологических катастроф нарастает, однако интегрированные и каскадные, то есть нелинейные источники и формы глобальных рисков в этом исследовании не рассматривались.

Каков должен быть социальный порядок в условиях интегрированной глобальной СБТ-системы пока не ясно. Логичным, казалось бы, должен быть социальный порядок, основанный на общем согласии конкурирующих сторон (агентов), но такой порядок в корне противоречит логике капиталистического накопления. Даже если предположить, что глобализм как идеология и геополитика возьмет верх над всеми остальными типами человеческих сообществ, это не решит проблемы, потому что глобалистам никогда не удастся подчинить себе множество малых и средних сообществ и агентов социально-экономической активности. Остается пока предположить, что в обозримой перспективе сохранится социальный порядок, больше похожий на броуновское движение с периодически возникающими конфликтами и катастрофами. То есть превращение всей глобальной СБТ-системы в «серую зону».

Вопросы институционализации самой СБТ-системы. Это – наиболее сложный и менее всего разработанный вопрос. Пока ее институционализация идет стихийно: через быстро развивающийся рынок IT-производства и его продукции, через отдельные «продвинутые» IT-организации, которые стремятся навязать остальным игрокам свои правила и нормы, через институты, аккумулирующие информацию (облачные и другие системы), а также – посредством общения с наиболее продвинутыми индивидами и группами.

Однако, чем быстрее развивается «планетарное мышление», те более растет интерес к процессам взаимодействия наук. Благодаря реабилитации концепции биосферы интеграционные процессы в сфере познания в нашей стране получили мощный стимул к развитию. Эти процессы идут параллельно в двух направлениях: от общего к частному и от простого – к сложному. Ведь всякое «простое» является таковым только на первый взгляд. Всякая попытка разложения сложного на некоторую сумму простых элементов есть худший вариант социального редукционизма.

Но главный вопрос остается: нужно ли этот процесс институционализировать вообще? Одни утверждают, что IT-рынок все решит сам, другие настаивают на том, что этот процесс необходимо уже сегодня ввести в определенные нормативные рамки, власть настаивает на ускорении научно-технического прогресса и т.д. Од-

нако, как показал опыт непрерывной реорганизации АН СССР и потом РАН, этот бюрократический «порыв» лишь резко затормозил развитие новейших технологий в стране. Но все же если нужно, то какими должны быть инструменты этой институционализации? Только ли через систему образования, включая непрерывное переобучение? Или же *необходима некоторая общая социальная атмосфера*, стимулирующая всех к переходу «на цифру», на быстрейшее освоение новых технологий. То есть мобилизация общественного сознания с целью ускоренного развития? Однако не попадем ли мы еще раз в ловушку «перестройки и ускорения», когда только часть молодежи хочет развиваться, в то время как значительная часть населения страны ориентирована на стабильность и надеется, что хуже уже не будет?

Но даже если все согласятся с «императивом ускорения технического прогресса», откуда возьмутся кадры для перестройки весьма консервативного корпуса преподавателей средних школ, техникумов и вузов? А дорогостоящие приборы и оборудование? А «продвинутые» специалисты и наставники? И самое главное: кто возьмет на себя ответственность провести такую реорганизацию в короткие сроки с минимальными социальными потерями?

Поэтому соглашаясь с необходимостью ускорения научно-технического прогресса, я полагаю, что сложившаяся практика освоения технологических новаций останется в силе. То есть часть норм и правил междисциплинарной работы будет заимствована из западного опыта и международных документов, часть осваиваться и развиваться стихийно в процессах разработки IT-проектов и программ, а часть будет сконструирована уже существующими социальными институтами.

Рост народонаселения мира и изменение его пространственной организации. В течение последних 40 лет в докладах международного Римского клуба ученых и предпринимателей неоднократно обращалось внимание мировой научной и деловой общественности на необходимость ограничения роста народонаселения планеты и потребления ее ресурсов (Von Weizsäcker and Wijkman, 2018). Однако сегодня появился новый аспект «проблемы роста»: интенсивный рост мегаполисов и соответственно – процесс истощения периферии и хищнического использования ее ресурсов.

Как отмечает Директор Центра ситуационного анализа РА НХиГС А. Савченко (2018), мир находится на пороге кардинальных изменений. Мир испытывает растущий недостаток питьевой воды, причем именно в тех местах, где прирост населения наибольший, то есть в крупнейших городах (мегаполисах). И это – естественный процесс: население перемещается туда, где условия жизни относительно лучше, есть работа, медицинское обслуживание и другие сервисы. Так что в ряду материальных потребностей на первый план выходят витальные, то есть средства жизнеобеспечения. С этой точки зрения, интерес Китая и других стран мира к озеру Байкал понятен.

Уже сегодня в городах проживает половина населения планеты, и они продолжают расти. Такая высокая концентрация населения, производств, сервисов и инфраструктур жизнеобеспечения создают множественный эффект. Во-первых, это больший удельный расход энергии на душу населения. Во-вторых, это высокий уровень загрязнения среды обитания. В-третьих, это угроза быстрого распространения последствий рисков и катастроф (пожаров, наводнений, эпидемий и других контагиозных заболеваний). В-четвертых, это необходимость перманентного пересмотра не только самой организационной структуры мегаполиса, но и способа управления им. И, конечно, институциональная структура таких гигантских образований требует специального исследования. В научной литературе такие гиганты называют глобальными городами (Sassen, 2011). В другой статье Сассен утверждает, что современные мегаполисы западного мира дезурбанизируются, а социальный порядок в них – это лишь видимость, но не реальность (Sassen, 2017a).

Не менее сложной проблемой являются земли за пределами этих мегаполисов. Что будет там: «точечная глобализация» по Н. Покровскому (2005, 2005а), нищета и запустение, или же, напротив, превращение этих земель в гигантские монополии по производству зерновых и овощей, или же в столь же обширные «поля» для аккумулирования солнечной энергии? Если речь идет о России, то ископаемых и водных энергетических ресурсов у нее достаточно, а вот процесс опустынивания земель и человеческих поселений на них действительно идет, особенно в Восточной Сибири и н Дальнем Востоке.

Но «опустынивание» земель за пределами мегаполисов неизбежно означает отсутствие национального и международного регулирования использования ресурсов этих земель. Однако так ли это? Нет, напротив, использование этих земель рассматривается глобальными игроками как территории их доминирования. Причем неважно, такие земли возникли вследствие оттока населения малых населенных мест в мегаполисы, или же – в результате войн или природных катастроф.

Наконец, мысль о естественном или целенаправленном развитии мегаполисов опровергается самой практикой урбанизации. Вторичное заселение брошенных земель может происходить как в результате целенаправленной политики помощи населению малых населенных мест, при их сельскохозяйственном или промышленном освоении, или же, как это делалось в СССР, как мера для смягчения последствий вследствие ядерного удара по большим городам. Рассредоточение и концентрация, как в мирное, так и в военное время, есть инструмент национальной геополитики. Не следует забывать, что «голос» малых населенных мест есть инструмент демократической политики. И в США, и в Европе есть как мегаполисы, так и развитая сеть малых населенных мест.

Отходы общественного производства, рынок труда и социальный капитал. Вслед за У. Беком повторю: мы живем в век побочных эффектов, именно поэтому я поставил здесь проблему отходов на первое место. В эпоху НТР-4 мы имеем дело, как минимум, с двумя категориями отходов: материальными и социальными. Но это только на первый взгляд. Высокий электромагнитный фон в больших городах; шум, низкое качество или дефицит питьевой воды; химизация продуктов питания; систематическое нервное перенапряжение; плохой или недостаточный сон, равно как и участие в сомнительном или просто теневом бизнесе – все это, в конечном счете, снижает человеческий и социальный капитал и может привести к социальным болезням (психически расстройствам или наркомании). Медикам уже давно известен феномен *хронической усталости*, апатии или, напротив, – нервных срывов и агрессивном поведении в семье и на улице. СМИ и социальные сети полны сообщений о немотивированной агрессии, самоубийствах и других формах асоциального поведения. Поэтому я предлагаю расширить и конкретизировать понятие «отходы». Есть отходы, которые можно измерить в тоннах и кубометрах, а есть и такие, которые действую незаметно и постепенно или, напротив, «взрываются» неожиданно и страшно.

З. Бауман, К. Шваб (Bauman, 2001; Schwab, 2016) и другие западные ученые утверждают, что НТР-4 вызовет существенное сокращение потребности в живом труде и вообще – изменит положение индивида в новой институциональной системе. Эти перемены могут быть как структурными, так и функциональными, непосредственными, так и отложенными, видимыми и невидимыми. Поэтому введенное ранее З. Бауманом понятие «человеческие отходы» (human wastes) должно быть расширено и конкретизировано.

Например, уже очевидно, что «переход на цифру» существенно сократит потребность в живом труде и, следовательно, вызовет рост бедности и безработицы, что бы нам ни говорили о новых формах дистанционного труда. Ему ведь тоже надо где-то учиться, получать соответствующую

квалификацию, сертификат и т.д. А, как во всяком новом деле, обучающих кадров всегда недостаточно. Кто их будет учить? К тому же, за годы реформ население в своей массе утеряло навыки самоорганизации и стало «индивидуализированным обществом» (Bauman, 2001). Но «цифровое общество», в своей генеральной тенденции – это космополитическое общество. Его основная духовная скрепа – беспрерывное развитие новых технологий, которые универсальны и поэтому применимы всегда и везде. Там главное условие успеха – навыки работы в «цифровом формате», всеобщая мобильность, взаимозаменяемость. Поэтому одни «скрепы» в среде продвинутых молодых людей, особенно тех, кто стажировался или работал за рубежом, уже не работают – там иные ценности и другая мотивация. Если эти люди придут к власти, что тогда будет с нашей культурой и образом жизни? Приведу пример из собственного опыта. Когда я недолго работал (1992-94 гг.) в Европейском банке реконструкции и развития, то я ему был очень нужен, но только как толмач, «информант» о том, что происходит в неведомой им России. Как только они начали понимать, что к чему, я им стал не нужен, потому что по духу я был им чужой.

В современном высокорискогенном обществе гражданская оборона как форма низовой самоорганизации приобретает особое значение. Да, есть МЧС и другие службы спасения, которые являются профессиональными организациями. Но они действуют, в первую очередь, в плотно заселенных районах и в тех местах, где есть источники повышенной опасности (ГЭС и АЭС, дамбы и др.) или риски комплексной природно-техногенной катастрофы. Но и в этих районах жители должны обладать минимумом знаний и навыков для минимизации ущерба от катастрофы и помощи пострадавшим. Значение самоорганизации населения в редко заселенных районах резко в условиях чрезвычайных ситуаций возрастает (Бражников, 2018: 7).

Другая сторона той же медали. Президент РФ В. В. Путин сделал ставку на школьников и молодежь. Абсолютно верный принцип! Но кто будет учить их учителей? А это, в свою очередь, означает необходимость реструктуризации всего института воспитания и образования, включая не только пересмотр образовательных программ, но и всей образовательной инфраструктуры (электронные учебники и т.д.). И *сколько времени* потребуется на эту институциональную реформу при существующем уровне бюрократизации всей образовательной системы?

Есть еще одна проблема: что будет со средним и старшим поколениями? Уже сейчас грантодатели задают возрастной потолок молодых ученых в 35 лет, а у нас средний возраст основной массы работающих ученых 50-65 лет. Причем, как показывает практика, соотношение молодых и ученых старшего возраста 5 к 1, тогда как демографическая структура института науки (по разным отраслям) 3 к 1, и это в лучшем случае! Но и это еще не все: ставка сделана на естественные и технические науки. Тогда как в общественных науках, названное выше отношение должно быть, как минимум, 2 к 3 или даже 2 к 4.

Следующая проблема, которая требует повышенного внимания социологов и психологов: разрушение первичной экоструктуры индивида (Yanitsky, 1988, 2012). Значение этой структуры в том, что она дает индивиду необходимые знания и средства жизни и одновременно защищает его. Такая структура – это не просто семья, клан или местное сообщество. Первичная экоструктура есть среда жизни и воспроизводства ребенка и подростка в трех измерениях: прошлом, настоящем и будущем. В традиционном и индустриальном обществах соотношение этих параметров менялось, но сами эти три измерения сохранялись. Сегодня же произошел резкий сдвиг в сторону будущего, тогда как прошлое как человеческий и социальный капитал теряет свое значение. Причем этот сдвиг происходит во все более раннем возрасте. Ни семья, ни институты воспитания и образования не успевают за этими переменами, потому что

они не могут конкурировать с огромным, постоянно расширяющимся и изменяющимся «информационным облаком». Другая сторона той же проблемы – это неспособность ребенка и взрослого, отличить истинное знание от пропаганды и ложной информации. Третья сторона – это обычный или экзистенциальный страх постоянного пребывания «под колпаком» или под всевидящим оком Большого Брата. Если он все видит и контролирует, тогда какой смысл в низовой самоорганизации?

Но сказанное выше есть лишь краткая экспликация «нормального» процесса социального воспроизводства. Однако сегодня открыт «второй фронт» борьбы гигантов IT-индустрии за умы людей и их социальный капитал. Когда я говорю «умы людей», я имею в виду не столько людей творческих, сколько уже обработанную и кодифицированную массу населения. Речь идет о феномене *всеобщей информационной проницаемости человеческого сознания*, что является оборотной стороной естественного стремления индивида к овладению все новыми знаниями и навыками. Навыки информационного нападения и защиты переместились из фирм и кабинетов в сферу индивидуального бытия. *Мир сегодня находится в критической фазе информационного производства.* И этот мир может взорваться не от супербомбы, а от ошибки рядового IT-оператора или массированной информационной атаки.

Заключение (Conclusions). В эпоху НТР-4 возникает проблема институционализации и управления (регулирования) глобальной СБТ-системой. Фактически, речь идет о «смене лидера»: быстро развивающаяся сфера IT-производства не только расширяется во времени и пространстве, но и претендует на роль создателя новой институциональной системы. Однако ее реальное создание зависит от степени согласия глобальных игроков на мировом рынке, так и от «поведения» измененной человеком глобальной СБТ-системы. Оба этих условия невыполнимы в ближайшей перспективе.

В условиях глобального сообщества, основанного на цифровых системах и господстве масс-медиа, опросы общественного мнения становятся бесполезными, так как они воспроизводят лишь то, что было уже внедрено в сознание, как самих лидеров отдельных стран, так и массовое сознание, СМИ и социальными сетями. Чтобы выйти из этого замкнутого круга нужно интенсификация производства научного знания и его распространения и пропаганды. Соответственно, выстраивается обратный ход: *научное знание – его технологическая, социальная и экологическая интерпретация – просвещение и образование.* При этом желательно избегать механического переноса требований, предъявляемых к специалистам в области техники и естественных наук, на процессы производства и распространения гуманитарного знания.

Значит, вслед за этим глобальным сдвигом (или даже параллельно ему) должна развиваться индустрия перевода новых знаний в конкретные форматы: новых методик преподавания, стандартных учебных программ, курсов переподготовки и т.п. И все это должно технологически (инфраструктурно) обеспечиваться. В частности, давно назрела пора междисциплинарных программ и учебников для выработки алгоритмов перевода данных одной науки на язык другой.

Что касается отходов, то их сегодня, с моей точки зрения, следует анализировать не просто отходы как таковые, но как *процессы возрастания рисков и их элиминации*, в частности, как *процессы накопления и потери человеческого и социального каптала*. Со всеми вытекающими отсюда последствиями. Данная задача – это вызов, прежде всего, профессиональному сообществу и его способности популяризировать новые знания, открывать новые перспективы. Отходы – такая же комплексная междисциплинарная проблема, как и любой современный вид производства, их продуцирующий.

Общий вывод: пора переходить к институционализации междисциплинарных исследований. Этот процесс уже давно идет

в теории и на практике, но вся институциональная структура «наука—практика» дисциплинарно разобщенной, а отсюда и – система разделения финансовых потоков, системы подготовки кадров, отчетности и т.д. Я не призываю к каким-то радикальным переменам, но поддерживать, развивать, финансировать уже сложившиеся междисциплинарные коллективы и даже целые исследовательские направления необходимо уже сейчас.

Можно ли управлять глобальной СБТ-системой, после всего сказанного выше? На первый взгляд, ответ очевиден: нет. Но вот два утверждения, пришедшие с противоположных позиций: от биологов и военных специалистов. «Сумеет ли человек создать гармоничную социально-экологическую систему глобального масштаба – и научится ли поддерживать ее динамическое равновесие? Сможет ли изменить философию и образ жизни и избавиться от синдрома «покорителя природы»? С теоретической точки зрения это возможно. Но с социально-политической точки зрения, это маловероятно без какого-то катастрофического посыла, ведь до последнего времени узко понимаемые задачи обеспечения «национальной безопасности» всегда оказывались выше общечеловеческих <задач>» (Яблоков и др., 2017). И далее эти авторы выдвигают концепцию *кризисного управления биосферой*, которая, в свою очередь, позволяет сформулировать парадигму контролируемого развития биосферы как набор научных понятий и концепций. Этот набор позволит человечеству поддерживать базовые экологические цепи жизненного цикла (производитель – потребитель – редуцент) и постепенно восстановить баланс потоков вещества в биосфере (Yablokov et al., 2015: 93).

В принципе я согласен с необходимостью кризисного управления биосферой, только я сместил бы акценты. Речь должна идти об *управлении биосферой, находящейся в кризисном состоянии*. К сожалению, функционирование капиталистического производства (и накопления каптала), особенно в его нынешней глобальной фазе не предполагает их «замкнутого цикла». Напротив, отходы – его неизбежный «побочный продукт». Возникает вопрос: является ли то, что мы сегодня по привычке называем биосферой, действительно является ею? С моей точки зрения, нет, не является, потому что биологические «редуценты» не способны разрушать технологически созданные вещества и материалы, по крайней мере, на сегодня, например, в космосе. В «составе» СБТ-систем есть все больше неорганических веществ и структур, не поддающихся воздействию биологических редуцентов. Есть ли выход? Сегодня их два. Один заключается в создании нового класса редуцентов, способных к такой деструкции. Второй – в создании природоподобных веществ и материалов. Ознакомление с работами ведущих российских биологов показало, что они, систематически указывая на отдельные техногенные риски, никогда систематически не занимались взаимодействием трех сфер жизни человечества: биологической, технологической и социальной.

Но вот не менее знаменательное высказывание одного из ведущих российских военных теоретиков. В его статье речь идет о способах борьбы с астероидами, угрожающими уничтожить нашу планету. Уже подзаголовок статьи «Вся власть – ученому совету» многообещающий. Кто будет управлять системой борьбы с астероидами? «Совершенно очевидно, <что эта система> должна быть интернациональной, без привязки к какому-либо государству вне зависимости от его вклада в создание противоастероидного оружия. По этой причине в системе управления не может быть людей, которые связаны корыстными материальными интересами или узко-государственными приоритетами. То есть это не бизнесмены, не политики и не военные. Должны быть исключены представители любых транснациональных структур. В руководство системой войдут международно-признанные астрономы и астрофизики, которые будут осу-

ществлять управление системой наблюдения, решать вопросы классификации объекта как опасного и принимать решения на поражение…» (Сивков, 2018: 09).

И это – не единственное высказывание такого рода, принадлежащее военным теоретикам. Потому что стратегически путь создания все новых средств массового уничтожения – это тупиковый путь для человечества. Видимо, для разных наук настало время перейти Рубикон междисциплинарных размежеваний и начать совместными усилиями разрабатывать концепцию глобальной социобиотехнической системы, ее структурно-функциональной организации, возможных рисков и методов управления такими комплексными системами. Представляется, что есть два методических способа достижения междисциплинарного взаимопонимания и рабочего взаимодействия различных наук. Один – это сетевой анализ глобальной динамики, который уже в течение 10 лет ведется Международным экономическим сообществом. Другой, тесно связанный с первым, – это изучение метаболических процессов, которые порождает эта динамика.

В заключение замечу, что и социологи, и биологи, и военные прямо говорят, что социальный порядок, основанный на подавлении и насилии, неизбежно ведет к глобальной катастрофе. Значит, глобальному сообществу нужна иная этика и мораль, основанная на доверии и сотрудничестве. И еще: власть должна понимать, что научно-технический прогресс сначала порождает техническую интеллигенцию, которая позже неминуемо начинает воспроизводить интеллигенцию гуманитарную. Так было в XIX-XX веках, так будет и сегодня, и завтра.

Список литературы

1. Бражников Ю. Везувий снова грозит миру // Московский комсомолец. 2018. 1 марта.

2. Вернадский В. И. Избранные сочинения. М.: Наука, 1960. Т. V.

3. Покровский Н. Е. Тенденции клеточной глобализации в сельских сообществах современной России: теоретические и прикладные аспекты // В кн.: Современный российский север. От клеточной глобализации к очаговой социальной структуре. М.: Сообщество профессиональных социологов, 2005.

4. Покровский Н. Е. Глобализационные процессы и возможный сценарий их воздействия на российское общество // В кн.: Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта, 2005а.

5. Савченко А. Способ освоения пространства меняется // Коммерсант. 2018. 26 февраля. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3557906 (дата обращения: 15.05.2018).

6. Сивков К. Пятьдесят шесть армагеддонов // Военно-промышленный курьер. 2018. 20-26 февраля.

7. Яблоков А. В., Левченко В. Ф., Керженцев А. С. Очерки биосферологии. СПб.: «Свое издательство», 2017. 150 с.

8. Яницкий, О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3. С. 5-22.

9. Bauman Z. The Individualized Society, London: Polity, 2001.

10. Sassen S. Cities in a World Economy. Thousand Oaks: SAGE, CA, 4th ed, 2011.

11. Sassen S. Predatory Formations Dressed in Wall Street Suits and Algorithmic Math Science // Science, Technology and Society. 2017. 22 (1). Pp. 6-20.

12. Sassen S. When the Pursuit of National Security Produces Urban Insecurity // International Journal of Urban and Regional Research. 2017. 34. Pp. 15-24.

13. Schwab K. The Fourth Industrial Revolutio // World Economic Forum. Geneva. 2016.

14. The Global Risks Report 2018 // World Economic Forum. Geneva. available at: www.weforum.org/risks (15.05.2018).

15. Von Weizsäcker E.U., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism // Population, and the Destruction of the Planet. Springer. New York. 2018.

16. Yablokov A., Levchenko V., Kerzhentsev A. The Decision Exists: Transition to Controlled Evolution of the Biosphere // Philosophy and Cosmology. 2015. 14. Pp. 92-118.

17. Yanitsky O. Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City // Cities and Ecology. The International Expert Meeting. Souzdal. 1988. Pp. 54-57.

18. Yanitsky O. A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing // Social Analysis. 2012. 2 (2). Pp. 7-24.

19. Yanitsky O. Global Risks Networks: A New Field of Interdisciplinary Research // International Journal of Research in Sociology and Anthropology. 2018. 1 (1), Pp. 8-15, available at: http://www.researchgate.net/publication/323336737 (15.05.2018).

References

1. Brazhnikov, Ju. (2018), "Vesuvius threatens the world again", *Moskovskij komsomolets*, 01 March. *(In Russian).*

2. Vernadskij, V. I. (1960), *Izbrannye sochinenija* [Selected works], Nauka, Moscow, Russia. *(In Russian).*

3. Pokrovskij, N. E. (2005), "Tendencies of cellular globalization in rural communities of modern Russia: theoretical and applied aspects", in *Sovremennyj rossijskij sever. Ot kletochnoj globalizatsii k ochagovoj sotsial'noj structure* [The Modern Russian North. From cellular globalization to a focal social structure], Soobshhestvo professional'nyh sotsiologov, Moscow, Russia. *(In Russian).*

4. Pokrovskij, N. E. (2005a), "Globalization processes and a possible scenario of their impact on Russian society", in *Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyj analiz* [Social Transformations in Russia: Theories, Practices, Comparative Analysis], Flinta, Moscow, Russia. *(In Russian).*

5. Savchenko, A. (2018), "The way of mastering space changes", *Kommersant*, 26 February, available at: https://www.kommersant.ru/doc/3557906 (Accessed 15 May 2018). *(In Russian).*

6. Sivkov, K. (2018), "Fifty-six armageddons", *Voenno-promyshlennyj kur'er*, 20-26 February. *(In Russian).*

7. Yaablokov, A. V., Levchenko, V. F. and Kerzhentsev, A. S. (2017), *Ocherki biosferologii* [Essays on Biospherology], Svoe izdatel'stvo, St. Petersburg, Russia. *(In Russian).*

8. Yanitsky, O. N. (2016), "Sociobiotechnical systems: a new view on the interaction of man and nature", *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika*, 3, 5-22. *(In Russian).*

9. Bauman, Z. (2001), *The Individualized Society*, Polity, London, UK.

10. Sassen, S. (2011), *Cities in a World Economy. Thousand Oaks*, 4th ed., SAGE, CA.

11. Sassen, S. (2017), "Predatory Formations Dressed in Wall Street Suits and Algorithmic Math Science", *Science, Technology and Society*, 22 (1), 6-20.

12. Sassen, S. (2017a), "When the Pursuit of National Security Produces Urban Insecurity", *International Journal of Urban and Regional Research*, 34, 15-24.

13. Schwab, K. (2016), *The Fourth Industrial Revolution*, World Economic Forum, Geneva, Switzerland.

14. *The Global Risks Report 2018*, World Economic Forum, Geneva, Switzerland, available at: www.weforum.org/risks (Accessed 15 May 2018).

15. Von Weizsäcker, E.U. and Wijkman, A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population, and the Destruction of the Planet*, Springer, New York, U.S.A.

16. Yablokov, A., Levchenko, V. and Kerzhentsev, A. (2015), "The Decision Exists: Transition to Controlled Evolution of the Biosphere", *Philosophy and Cosmology*, 14, 92-118.

17. Yanitsky, O. (1988), "Towards Creating a Socio-Ecological Conception of a City", *Cities and Ecology. The International Expert Meeting*, Souzdal, Russia, 54-57.

18. Yanitsky, O. (2012), "A Primary Eco-Structure: The Concept and its Testing", *Social Analysis*, 2 (2), 7-24.

19. Yanitsky, O. (2018), "Global Risks Networks: A New Field of Interdisciplinary Research", *International Journal of Research in Sociology and Anthropology*, 1 (1), 8-15, available at: http://www.researchgate.net/publication/323336737 (Accessed 15 May 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Яницкий Олег Николаевич, доктор философских наук, профессор, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Oleg Yanitsky, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.7 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-5**

Ермолаева Ю.В.

МОБИЛЬНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ В УПРАВЛЕНИИ ОТХОДАМИ: ВСЕМИРНЫЕ И РОССИЙСКИЕ ТРЕНДЫ

Федеральный научно-исследовательский Социологический центр Российской академии наук,
сектор исследования профессий и профессиональных групп
ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, г. Москва, 117218, Россия
mistelfrayard@mail.ru

Статья поступила 29 апреля 2018 г.; Принята 1 июня 2018 г.; Опубликована 30 июня 2018 г.

Аннотация. Цифровые технологии могут разрешать множество социальных проблем, учитывая большой охват аудитории и малые затраты энергии на действия. Экологические вопросы регулирования природоохранной деятельности требуют быстрого реагирования и могут вовлекать самые различные категории граждан, чьи интересы учитываются. проблема образования отходов, их транспортировка, знание о приоритетных загрязнителях могут быть переведены на цифровой язык коммуникации и обеспечить множественную прибыль для всех участников процесса. В статье на основе контент анализа российских и зарубежных материалов рассматриваются основные тренды мобильных приложений в управлении отходами. Приведены экологические и социальные принципы, которыми руководствуются разработчики приложений, приложен краткий список приложений, рассмотрены наиболее успешные кейсы в практике их использования. Поскольку рост пользователей мобильного рынка растет, растет также и количество пользователей мобильных приложений. Активисткая, государственная и бизнес среда использует возможности мобильных приложений для того, чтобы контролировать процессы защиты окружающей среды. Появляется такое понятие как мобильное управление (M-Governance). В статье рассмотрены основные формы, функции, виды приложений, их использование для разных категорий населения. На основе анализа списка мировых приложений и российских было выявлено, что российские разработчики не уступают по важности и функционалу приложений мировым лидерам, имеют большой охват аудитории и функции воздействия на разные категории населения.

Ключевые слова: отходы; управление отходами; сетевая теория; глобализация; мобильное управление; экомодернизация.

Yulia Ermolaeva

MOBILE APPLICATIONS IN WASTE MANAGEMENT: GLOBAL AND RUSSIAN TRENDS

Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Department of Studying Professions and Professional Groups
24/35, bld. 5 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
mistelfrayard@mail.ru

Received 29 April 2018; Accepted 1 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. Digital technology can solve many social problems, given the large audience coverage and low energy costs for activities. Environmental issues of environmental management require a rapid response and can involve a wide variety of categories of citizens whose interests are taken into account. The problem of waste generation, its transportation, and the knowledge of main pollutants can be translated into the digital language of communication and ensure multiple profit for all participants in the process. In the article, based on the secondary content analysis of Russian and foreign materials, the main trends of mobile applications in waste management are considered. The ecological and social principles used by the application developers are given, a short list of applications is attached, the most successful cases are examined in practice. As the number of mobile users grows, the number of users of mobile applications is also increasinf. An active, state and business environment uses the capabilities of mobile applications to monitor environmental protection processes. There is such a thing as mobile management (M-Governance). The article considers the main forms, functions, types of applications, their use for different categories of the population. Based on the analysis of the list of global and Russian applications it was revealed that Russian developers can rival world leaders in the importance and functionality of applications, they have a large audience coverage and functions of impact on different categories of the population.
Keywords: waste; waste management; network theory; globalization; m-governance, ecomodernization.

Введение (Introduction). В период с 2000 по 2015 год количество пользователей интернета увеличилось почти в семь раз – с 6,5 до 43% мирового населения. Сегодня рынок мобильных приложений оценивается в среднем в 100 млрд. долл, и ожидается, что данная цифра будет продолжать расти с развитием отрасли. Доход разработчики получают с помощью внутренних покупок в приложении, рекламы внутри приложений, а также сбора больших данных (big data) (Mavropoulos, 2011). Самые многообещающие категории – это приложение для социальных сетей, анализа производительности, различные рекламные сервисы, прикладные приложения для разнообразных целей, а самые быстрорастущие рынки – Юго-Восточная Азия и Латинская Америка.

В течение примерно 10 последних лет мобильные технологии перешли от привилегированного положения (обладание мобильных малой частью населения), к мейнстримному пользованию. Рост мобильных технологий заметен в развивающихся странах, где мобильные телефоны заменили традиционные телефонные линии, и даже стационарный Интернет. Самые популярные приложения – игры, новости, карты, социальные сети и музыка смогли адапти-

роваться для решения различных социальных проблем, так сформировалась новая система управления поведением граждан.

Информационные технологии играют все большую роль в контексте экологической модернизации. Мобильные приложения вышли на новый уровень формирования социальных связей, послужив информационно- пространственной инновацией в создании эффективных коммуникаций (Castels, 2000). Сеть связей появляется как решение определенной проблемы, и структурируют взаимодействие благодаря программе приложений. Программы делают акторов в некоторой степени обезличенными, и ограничивают их действие теми функциями, которые заложены в приложении, тем самым опционально управляя ими.

Методология и методы (Methodology and methods). Мобильное управление (M-Governance) является термином, который охватывает ряд инициатив в решении проблем с использованием мобильных технологий при участии граждан, оно сводится к информированию общественности, управлению в чрезвычайных и критических ситуациях, обеспечивает предоставление государственных услуг, информации (Raj, Melhem, Cruse, Goldstein, Maher, 2011). M-management предоставляет множество возможностей для экономии средств как для правительства, так и для граждан, частного сектора (сбор данных, отправка письма-шаблона по цене одного SMS). Благодаря высокому доступу, охвату, внедрению технологий и совместному взаимодействию в реальном времени, даже в бедных регионах мира мобильные телефоны предлагают эффективные решения проблем коммуникации (Offenhuber, Senseable City Lab, 2010; Dovi, 2008; Manzini, 2002; Horst, Miller, 2002).

В мире, где экономика играет важную роль, постоянно растут и меняются потребительские желания, требования к современным средствам связи и услугам, мобильные телефоны обеспечивают быстрое и экономичное решение для людей во всем мире. Например, успешный пример использования приложений зафиксирован 12 января 2010 года, когда произошло землетрясение магнитудой 7,0 и более миллиона человек потерпели бедствие в Гаити. Через Facebook и Twitter началась он-лайн кампания «День действий», позволившая людям по номер мобильного устройства пожертвовать деньги Красному Кресту. Это мероприятие принесло более чем 3 миллиона долларов США всего за 48 часов и всего более 41 миллиона долларов за все время кампании (Sagl, Resch, Hawelka, 2012).

Так, возможности и эффективность использования мобильных приложений как социального регулятора, показаны разработчиками и исследователями. Открытым остается вопрос о выборе новых форм и функций средств коммуникаций, их улучшения применительно к той или иной проблеме. Цель данной статьи носит характер введения в проблему использования приложений и их систематического описания в контексте управления отходами.

Для решения задач исследования был проведен контент-анализ 50 зарубежных и отечественных материалов. Источники были классифицированы следующим образом: законодательные и подзаконные акты по обращению с отходами, программы управления и планы реализации в разных странах, государственные отчеты, научные статьи и отчеты по управлению обращения с отходами с помощью мобильных приложений. Ключевыми словами при поиске материалов были: отходы (waste), управление отходами (waste management), мобильные приложения (mobile application), переработка отходов (recycling), безотходное производство (zero waste). Структура содержательного анализа сводится к описанию видов, функций, задач мобильных приложений, далее приводятся основные функции акторов – участников процесса, описывается схема управления отрасли с помощью мобильных приложений, оценка их возможностей и эффективности, где под эффективностью подразумевается фактиче-

ская возможность способствовать снижению образования отходов или предупреждения их образования.

Научные результаты и дискуссия (Research results and discussion). Виды мобильных приложений в зависимости от ареала действия были классифицированы следующим образом:

- Глобальные приложения;
- Региональные приложения – направленные на решение национальных проблем.

Фактически, приложения ограничиваются только собственной целью или проблемой, от которой зависит географический ареал его действия. Также приложения могут быть ограничены видами операционных систем, для которых оно разрабатывалось. Наиболее распространены приложения для Android (Google) – 900 млн. человек пользователей (так как устройства с данным программным обеспечением финансово доступнее), на втором месте IPhone – 600 млн человек пользователей, реже всего встречается Microsoft – 12 млн. человек. Самое высокооплачиваемые места для разработчиков, и самые дорогостоящие приложения у Apple, однако самые загружаемые приложения у Microsoft (Mavropoulos, 2011; Five Star Equities, 2012).

Функции мобильных приложений:

- просвещение об экологических проблемах и влиянии отходов на здоровье человека и окружающую среду;
- консолидация гражданского и активистского сообщества;
- сбор информации с разных географических точек;
- содействие различным инстанциям в принятии решений по охране окружающей среды;
- статистическая модель позволяет отследить активность и корректировать функции приложения;
- планирование и организация бытового пространства.

Управление отходами состоит из технической составляющей (аппаратной) и программной (системы коммуникации). Система управления отходами, которая должна работать устойчивой в долгосрочной перспективе в соответствии с подходом ООН, технологически обязана обеспечивать:

1. **Общественное здоровье**: поддержание качества жизни в городах, состояния экологической среды.
2. **Комплекс мер по охране окружающей среды** на всем протяжении жизненного цикла образования отходов, от сбора до утилизации.
3. **Эффективное производственное управление ресурсами** на основе модели циклической или безотходной экономики, «замыкая круг» используемых веществ.

С программной точки зрения построения коммуникаций в управлении отходами состоит из стратегии, политики, правил для обеспечения хорошо функционирующей системы. Это означает, что приложения должны создать следующее:

- обеспечение открытых пространств для заинтересованных сторон пользователей, поставщиков и правительства;
- обеспечение устойчивости в финансовом отношении, экономическая эффективность и доступность;
- институциональное совместное развитие отрасли коммуникаций и технологий.

Социальный механизм действия может быть прямой (направленный на изменение конкретной социальной проблемы) и косвенный (как дополнительный элемент в цепи решений и взаимовлияния). В рамках системы коммуникации формируются следующие принципы:

1. Принцип обратной связи. Мобильные приложения ориентированы на консолидацию или корректировку социальных действий, посредством которых планируется изменение экологического состояния среды, так как развитие социальных систем связано с изменением природных систем.
2. Мобильные приложения ориентированы на развитие – социальные элементы следует рассматривать как катализатор развития общества и природы.

В экологии, в том числе и применительно к проблеме отходов, для пользователей можно обозначить три типа приложений: информационно-образовательные, интерактивные, функциональные (IDC, 2012). Ниже приводим их характеристики.

1. Информационные/образовательные – приложения, включающие в себя технические разъяснения, рекомендации, или инструменты расчета, которые нацелены на предоставление информации в расширенной сети пользователей мобильного Интернета. Данные об отходах сами по себе проходят долго через традиционный бюрократический аппарат, и взаимодействие между гражданами и органами управления отходами непрямое, а косвенное. Эти приложения преобразовывают информацию из «статичной» в динамическую (интерактивную) связь в реальном времени между заинтересованными сторонами. Такие практики могут быть реализованы:

- в рамках обеспечения *общей информации* об отходах для граждан (например, руководящие принципы домохозяйственных практик – компостирование, практика предотвращения образования отходов, правила раздельного сбора, определение типов отходов)

- в приложениях для частного сектора, где может встречаться *бизнесориентированная информация* (рыночные цены на вторсырье, новости, услуги, изменения платы за ту или иную опцию, графики и маршруты мероприятий по сбору отходов и т.д.). Актуальны и бытовые аварийные предупреждения (сообщения о погодных условиях, забастовки, неполадки на мусорных объектах) для принятия и корректировки управленческих решений

- в образовательных приложениях по охране труда и безопасности (методы охраны здоровья и безопасности как для формального, так и для неформального сектора и т. д.), программы для профессионалов и обучающихся

2. Интерактивная/Совместная работа – данные приложения предназначены для использования подходов «снизу вверх» и организации участия граждан в решении проблем. Через интерактивные приложения граждане могут в режиме реального времени отправлять информацию о проблемах, комментарии или запросы на обслуживание в органы управления отходами. Кроме того, граждане могут получить доступ к формам, другим приложениям и различным базам данных. Такие приложения помогают в создании «карт» по сбору отходов, очистке улиц города, участвуют в отдельных программах утилизации. Приложения удовлетворяют требования граждан и помогают в отчетности (например, незаконный демпинг, неправильные услуги по сбору / очистке отходов и т. Д.) Услуги по запросу (например, сбор по графику массовых отходов). Обеспечиваются функции обратной связи и информации в режиме реального времени (например, платежные операции между гражданами и органы управления отходами)

3. Функциональные приложения – эти приложения относятся к инструментам, которые предназначены для решения конкретных проблем управления отходами; для практических оперативных решений или оценок, они в основном предназначены для профессионалов и лиц, принимающих решения. Такое приложение может быть связано с балансировками, анализом затрат, определением размера очистных сооружений, расчетом данных по системе мониторинга, планом проектов по утилизации/профилактике отходов, определением маршрутов сбора.

Коммуникация цепь состоит из агентов (контролирующих инстанций по управлению отходами, технической поддержки приложения); граждан (или участников с программируемым набором ролей). Входной и выходной поток данных организуется как система решения той или проблемы – закладывается коммуникационная сеть и способ взаимодействия, подключаются дополнительные виды данных (географические карты, данные по мониторингу и пр.), в процессе сбора данных и осуществления коммуникации осуществляется обратная связь.

На основе анализа материалов мы также можем выделить наиболее часто встречающиеся социальные принципы, по которым осуществляются социальные действия и взаимодействия:

- принцип win-win – все вовлеченные в процесс стороны выигрывают. Формирование внешней (социальной, природной) выгоды и внутренней личной (получение дивидендов, баллов, форм альтернативного обмена или валюты);
- принцип оптимального сочетания централизации и децентрализации – т.е. включается и административный принцип, и принцип самоуправления, самоорганизации;
- горизонтальное взаимодействие в противовес иерархическому распределению ролей управления;
- формирование гражданского участия;
- положительные санкции (подкрепление экологически-ориентированного поведения);

Один из примеров вышеперечисленных принципов сочетает приложение «Recyclebank» – реализация природоохранных мер и получения прибыли для участников процесса. В бизнес-модели проекта выигрывают все агенты: власти экономят на отрасли переработки отходов, жители получают вознаграждения за экологически-ориентированные действия, спонсоры реализуют программу социальной ответственности. Материальное поощрение участников проекта за совершаемые действия – экономии домашнего электричества в Квт/ч, сокращение потребление воды, вознаграждается очками, которые пользователи зарабатывают за простые бытовые действия, могут быть конвертированы в купоны на скидки в местных торговых точках или обменены на призы. Компания сотрудничает более чем с 3000 локальными производителями и с сотней ведущих национальных брендов, таких как Kashi, Dove, Whole Foods Market The Coca-Cola Company, Nestle.

В работе приложений участвует несколько сторон.

1. Государственный и муниципальный сектор. Мобильные телефоны могут синхронизировать проекты по утилизации отходов государственных органов с интересами местными жителями, предоставляя таким образом ценный инструмент для кампаний по переработке. Для эффективной переработки отходов требуется обратная связь от основных агентов, потенциально задействованных на разных стадиях жизненного цикла образования отходов. Здесь нужно учитывать следующее:

- определить, какие инстанции в приложении задействованы в области переработки отходов, их юридическую и экономическую роль;
- удостовериться в наличии добросовестной мотивации и изначального уровня знаний, а также лицензий, сертификатов у компаний, с которой сотрудничает приложение;
- разработать информационный аппарат, обеспечить получение лицензий, проработку операций по удалению и транспортировке отходов (например, какой материал следует перерабатывать, как отделять материалы в зависимости от их типа, как создавать пространство в доме для хранения материалов, когда и где перерабатывать, и где следует получать материалы для последующих этапов рециклинга). Необходимо обеспечить подачу вспомогательных инструментов (отдельных бункеров, мешков, специальных мусорных корзин).

2. Граждане и неформальный сектор. Особая роль выделяется для неформального сектора, где технологии по утилизации отходов еще не налажены, т. е. в первую очередь, в развивающихся странах. В случае Бразилии предпринимались попытки сопоставить внутреннюю структуру специальной организации сбора отходов для сборщиков из теневого сектора, и были разработаны программные инструменты (интерактивные карты) для координации сборщиков, их клиентов и актуальных про-

ектов, где они могли принять участие. Благодаря GPS навигации, веб-картографированию происходит организация деятельности и постепенный переход к новой, более экологически ответственной системе утилизации. Теневой сектор в Бразилии один из самых больших в мире (500 кооперативов общей численностью 60 000 человек), где они являются основной живой «инфраструктурой» переработки в стране. В 2010 году федеральное правительство приняло национальный закон по управлению отходами, где впервые на официальном уровне была признана эффективная работа сборщиков отходов (OECD International Telecommunication Union, 2011; Crocker, 2012). Более того, правительство обязало частные компании сотрудничать со сборщиками, поскольку для теневого сектора необходимо было найти возможность интегрироваться в формальную систему и улучшить их социальный и финансовый статус. Данную технологию осуществления коммуникаций сегодня можно назвать всемирным трендом, она постепенно станет распространенной системой организации теневого сектора. Так решается целый список задач и дивидендов, которые обеспечиваются теневым сектором:

- улучшение показателей сбора отходов для теневого сектора;
- создание инфраструктуры переработки в регионах, где она еще не распространена;
- сделать теневой рынок и сообщество сборщиков мусора публичными, видимыми как в плане эффективности их действий, так и одновременного их контроля в плане качества предоставления услуг;
- консолидировать сообщество сборщиков мусора, повысить их групповой социальной статус как ремесла;
- теневой сектор помогает партнерам частного и государственного сектора получить недостающую информацию;
- формируется сеть горизонтального обмена услугами и знаниями: неформальный и формальный сектор может взаимодействовать, дополняя друг друга в случае необходимости.

3. Частный сектор и НКО. Следует отметить, что мобильные решения могут существенного помочь предприятиям сократить образование отходов, устраняя потери при транспортировке и потреблении энергии, обеспечивая эффективное «трудосберегающее» дистанционное управление, экономящее время и ресурсы. Nestlé Singapore и Nanyang Polytechnic School of Information Technology разработали бесплатное мобильное приложение, помогая людям в Сингапуре следовать правилам эффективного сбора (Kinkade & Verclas, 2008). Приложение поддерживается Национальным агентством по окружающей среде и Советом по окружающей среде Сингапура и может использоваться как с продуктами Nestlé, так и с другими товарами. Пользователи приложения могут сканировать штрих-код продукта, следуя четким инструкциям по утилизации или переработке различных частей упаковки. Для продуктов Nestlé приложение дает точные инструкции о том, как перерабатывать каждую часть упаковки. Для остальных товаров предлагаются общие инструкции. Обсуждается вторая версия, которая будет включать интерактивную карту точек переработки.

Еще одной областью частного сектора, в которую смартфоны и планшеты могли бы внести важный вклад, является использование мобильных приложений для он-лайн торговли отходами в Интернете. В настоящее время есть несколько подобных проектов (например, http://www.retrader.org.uk/).

Мировой опыт использования приложений. На основе вторичного анализа приложенной библиографии были выделены самые передовые приложения и составлено их описание.

Loss of the Night: − краудсорсинговый научный проект, который оценивает видимость звезд и загрязнение верхних

слоев атмосферы, тем самым оценивает газообразные отходы, которые проникают в атмосферу.

Litterbase – интерактивная онлайн-база данных в виде карты, вобравшей в себя все, что известно о загрязнении пластиковым мусором мирового океана. Проект подготовлен Alfred Wegener Institute Helmholtz Centre for Polar and Marine Research на основе данных более чем тысячи научных исследований

D-Waste Atlas – это карта с открытым исходным кодом для данных по муниципальному управлению твердыми отходами по всему миру для целей сравнения. Атлас D-Waste производится с участием ученых из разных стран.

Калькулятор LandVol (Landfill Volume & Area) – инструмент, разработанный D-Waste, для поддержки менеджеров, оценивает объем полигона и возможность утилизировать отходы на данной территории, учитывая влияние различных эксплуатационных характеристик в расчетных параметрах.

Европейский каталог отходов позволяет пользователям в Европейском союзе классифицировать типы отходов. Также доступно остальным государствам-членам сообщать о своей статистике отходов. База данных приложения основана на Решении 2000/532 / ЕС Европейской комиссии и его поправках.

Hazardous Waste Chemical Compatibility. Оценка опасности и химическая взаимодействие различных видов отходов. Это приложение, которое позволяет пользователям просто определять возможные опасности, которые можно ожидать при хранении опасных отходов, на основе химических веществ, которые они содержат. Это приложение играет ключевую роль в оценке потенциальных химических реакций, предвидении побочных реакций, а затем позволяет проводить процедуры обработки опасных отходов без риска неожиданной химической реакции. Приложение основано на Таблице химической совместимости EPA (EPA-600 / 2-80-076 April 1980).

EPA Iwarm. Приложение было создано USA EPA, и оно помогает пользователю рассчитать экономию энергии от переработки разных продуктов, которые он сдает. Пользователь выбирает тип материалов, пригодных для вторичной переработки (банки, бутылки, журналы и пр.), а также их количество может загрузить изображение материала, о котором необходимо узнать больше, далее приложение рассчитывает пользователю экономию энергии в кВт/ч и в минутах или часах работы конкретных бытовых приборов.

My waste – приложение по управлению бытовыми отходами в общинах. Приложение предоставляет жителям графики сбора, адаптированные для каждого домашнего хозяйства, и позволяет им создавать собственные напоминания для регулярных, праздничных и специальных сборах отходов. Кроме того, в нем содержится информация о надлежащих процедурах рециркуляции/удаления для множества разных материалов, а также о местоположении и часах работы для инстанций по вывозу. Наконец, пользователь может сообщить о любой проблеме, прикрепив фото, зарегистрировать точное ее местоположение с помощью GPS и отправить отчет по электронной почте непосредственно в отдел, который может решить данную проблему.

COLIBA пилотная программа управления отходами с помощью веб- и мобильных приложений в пяти школах Ганы, с целью помочь пользователям монетизировать свои отходы и удовлетворить спрос перерабатывающих компаний. Как сообщает новостной портал www.proplast.ru, COLIBA запущен в феврале в Гане и рассчитывает распространить приложение на своем внутреннем рынке – Кот-д'Ивуаре – позже в этом году.

Recycle for Greater Manchester. Это приложение создано для граждан Манчестера, основано на принципе 3R – Сокращение, повторное использование и переработку. Предланаются карты и маршруты местных центров переработки, список того, что можно перерабатывать.

IAverda – приложение для iPad и iPhone, которое позволяет сообществам Абу-Даби предпринимать действия по очистке окружающей среды, сообщая об инциденте непосредственно в Averda. Оно позволяет отправлять запросы, осуществлять обратную связь и запросы на услуги и информацию.

IScrap App – онлайн-инструмент, созданный для переработчиков металлолома. Приложение iScrap предлагает каталог складов отходов, к которым можно получить доступ в любое время и в любом месте через любое подключенное к Интернету устройство. Приложение автоматически обнаруживает места склада в пределах 100 миль или выполняет поиск в любом месте в США и Канаде.

Urban Spectra – приложение позволяет напрямую регистрировать проблемы, с которыми сталкиваются муниципалитеты, и информирует службы в режиме реального времени.

Когда пользователь идентифицирует проблему муниципальной ответственности, он активирует заявку, фотографирует и отправляет ее через это заявление в компетентный орган. Фотография отправляется вместе с данными (координатами, ключевыми и текстом) в предопределенный центр с контролируемым доступом. Данные передаются в режиме реального времени (2-10 секунд) и хранятся в базе данных, специально разработанной для приложения. Затем администратор составляет решения проблемы, выбирая одну из двух альтернативных форм визуализации данных, между: a) категоризированным списком с временной линией входящих данных и b) визуализацией карты с исключительной пространственной точностью в подходящем сопоставлении с задачей.

Российские приложения. Опыт России не менее разнообразен в использовании и создании приложений, чем мировой. Иностранные операционные системы и программы как составляющее технической части с 1 января 2016 года находятся под запретом на территории Российской Федерации. Существует множество программных обеспечений по мониторингу окружающей среды, для регулирования потока отходов существуют программные реестры. Российские приложения также можно подразделить по масштабу влияния: государственного (федерального) направления, универсальные приложения, приложения локального действия.

Функции, принципы и модель действия приложений аналогична иностранным, что в перспективе может сделать опыт их применения универсальным. Ниже приводим характеристику наиболее популярных приложений с описанием схемы действия.

«Наша природа» − информирование о нарушении природоохранных законов. Приложение принадлежит Министерству природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Жители городов могут информировать органы власти о нарушениях законов, сделав заявку, снабженную GPS координатами, прикрепив к ней описание, фото или видео.

ЭкоКарта.ру – экологическая карта России. Онлайн-сервис отображает актуальную информацию об уровне загрязнения и является методом общественного мониторинга состояния окружающей среды в городах России с помощью меток на карте. На карту любой зарегистрированный пользователь может добавить свой объект, заранее сфотографировав его или сняв видео. Данные с сайта передаются в Росприроднадзор. ЭкоКарта.ру поддерживает Google-карты, Яндекс-карты и 2ГИС, а также имеет три слоя: «Карта нарушений», «Карта пунктов приема вторсырья» и «Посади свое дерево».

TrashOut – интерактивная карта несанкционированных свалок которая дает пользователям возможность отмечать на карте места скопления мусора. Инициатива сообщества «Изумрудная планета».

«Ecofront.ru» − приложение, нацеленное на общественную борьбу с мусором,

ставит задачу ликвидации локальных скоплений мусора силами неравнодушных граждан. Сервис предоставляет в распоряжение пользователей набор опций, предназначенных для фиксации очагов загрязнения, кооперации участников для совместного устранения свалок и контакта с местными властями, ответственными за состояние окружающей среды. Пользователь может выступить в роли наблюдателя, помощника или организатора, распределены обязательства и компетенции.

СПАСИ ДЕРЕВО! – Проект помогает наладить сбор макулатуры и организовать ее вывоз для вторичной переработки.

ЭКОМОБИЛЬ-ИНФОРМАТОР – информирование о местах и времени стоянок экомобиля по приему опасных отходов.

Greenhunter – «зеленый» навигатор по Москве и области улучшению персональной экологичекой логистики, выбора зеленых товаров.

Фудшеринг – приложение, снижающее количество пищевых отходов (Татарстан).

My Recycle List – программа позволяет пользователю вычислять местонахождение самого ближнего пункта приема вторсырья: резины, стекла, бумаги, металла и т.д. Пользователь вводит почтовый индекс места, где он находится, и выбирает вид вторсырья из списка. Ему приходит сообщение, в котором указаны адреса ближайших пунктов приема, а также ссылка на Google.Maps.

Интерактивная карта Recyclemap – краудсорсинговый проект, показывает пункты приема вторсырья недалеко от пользователя. Есть система отзывов, интегрированная в сервис, которая помогает сделать рейтинг пунктов и выявить лучшие по организации работы.

«ЭкоЛайн» − вывозящая компания разработала мобильное приложение для смартфонов на платформе iOS, Android и Windows Phone. Сервис рассчитан на то, что горожане смогут оперативно сообщить о переполненных мусорных баках и других проблемах на контейнерной площадке, при этом дополнительно узнать адреса ближайших пунктов сбора вторичного сырья.

Разработана балловая система для получения бонусов для пользователей.

Сдать-батарейки.рф – сообщество, которое меняет батарейки на цветы, билеты в кино, кофе и другие бонусы. Цель– мотивировать людей утилизировать элементы питания правильно с помощью дополнительных бонусов.

На основании описания отечественных и мировых разработок мы можем сделать вывод, что в России мобильные приложения в управлении отходами, также, как и в природоохранной среде может быть перспективным направлением для формирования гражданского участия.

Заключение (Conclusions). Мобильные телефоны постепенно становятся техническим средством усовершенствования качества жизни, что помогает людям планировать свою жизнь в городской среде. Данные технологии дополняют и даже в некоторых случаях «заменяют» социальную физическую активность, переходят к новому пониманию формы традиционного коллективного действия. Активность граждан отражает их деятельность, пожелания, опасения, помогает сформировать привычки, убеждения, закрепить действия. Через мобильные телефоны и социальные сети исследователи могут получать интересующие данные и составлять реальные крупномасштабные модели поведения человека. В сочетании с геоинформационными методами можно добиться лучшего понимания и функционирования городских систем, их социальную динамику в отношении активности и мобильности граждан. Мобильные приложения хорошо интегрируются в концепцию устойчивого развития, решая сразу несколько задач – в разрешении проблем управления отходами, создании справедливой и доступной городской социальной среды.

В настоящее время выборка исследования все еще неоднородна, так как использование смартфонов и интернета ограни-

чено в некоторых регионах с низкой покупательной способностью и это является существенным ограничением мобильных технологий. Также эффективность приложений ограничена заложенной в них функциональностью решаемой проблемы, поэтому необходимо в дальнейшем проработать интегральную оценку экологических, экономических и социальных возможностей приложений.

Список литературы

1. Теплица социальных технологий. URL: https://te-st.ru/ (дата обращения: 29.03.2018)
2. Mavropoulos A. Globalization, Megacities and Waste Management. Daegu: ISWA conference, 2011.
3. Offenhuber D. Senseable City Lab. Putting the Informal on the Map – Tools for Participatory Waste Management, 2010. URL: http://senseable.mit.edu/foragetracking/PDCpaper_final.pdf (дата обращения: 29.03.2018)
4. D-Waste. The Planning Challenge: A Road Map for Waste Management Planners, 2012. URL: http://www.d-waste.com/reports.html (дата обращения: 29.03.2018)
5. Dovi E. Boosting Domestic Savings in Africa // Africa Renewal. 2008. Vol. 22, № 3. URL: www.un.org (дата обращения: 29.03.2018)
6. Manzini E. Context-based well being and the concept of the regenerative solution: a conceptual framework for scenario building and sustainable solutions development // The journal of Sustainable Product design. 2002. Vol. 2. Pp. 141-148.
7. Five Star Equities. Number of Smartphones Around the World Top 1 Billion – Projected to Double by 2015: Five Star Equities Provides Stock Research on Microsoft and Nokia press release, 2012. URL: http://finance.yahoo.com/news/number-smartphones-around-world-top-122000896.html (дата обращения: 29.03.2018)
8. Slade G. Made to Break: Technology and Obsolescence in America. Cambridge: Harvard UP, 2006.
9. Sagl G., Resch B., Hawelka B. From social sensor data to collective human behavior patterns: Analysing and visualizing spatio-temporal dynamics in urban environments, 2012. URL: http://gispoint.de/index.php?id=5&tx_browser_pi1[newsUid]=682&cHash=208290d911 (дата обращения: 29.03.2018)
10. Horst H. A. & Miller D. The cell phone: An Anthropology of Communication. Oxford: Berg, 2006.
11. Lee H., Baniqued P. L., Cosman J., Mullen J., McAley E., Severson J., & Kramer A. F. Examining cognitive function across the lifespan using a mobile application // Computers in Human Behavior. 2012. vol 28, №5. Pp. 1934-1946.
12. IDC. Press Release “Media Tablet Shipments Outpace Fourth Quarter Targets; Strong Demand for New iPad and Other Forthcoming Products Leads to Increase in 2012 Forecast, According to IDC, 2012. URL: http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS23371312 (дата обращения: 29.03.2018)
13. Urry J. Mobilities. Cambridge: Polity Press, 2007.
14. Castells M., Fernandez-Ardevol M., Sey A. The Mobile Communication Society: A cross-cultural analysis of available evidence on the social uses of wireless communication technology, 2004. URL: http://hack.tion.free.fr/textes/MobileCommunicationSociety.pdf (дата обращения: 29.03.2018)
15. Castells M. The rise of the Networked society. 2nd ed. Oxford: Blackwell, 2000.
16. OECD International Telecommunication Union 2011, “M-Government: Mobile Technologies for Responsive Governments and Connected Societies”, OECD Publishing. URL: http://dx.doi.org/10.1787/9789264118706-en & ITU Bookshop at www.itu.int/pub/D-STR/m-gov (дата обращения: 29.03.2018)
17. Crocker R. Getting closer to zero waste in the new mobile communications paradigm. A social and cultural perspective. Cambridge: Polity Press, 2012.
18. Kinkade S. & Verclas K. Wireless Technology for Social Change. Washington, DC and Berkshire, UK: UN Foundation–Vodafone Group Foundation Partnership, 2008. URL: http://mobileactive.org/files/MobilizingSocialChange_full.pdf (дата обращения: 29.03.2018)
19. Raj S., Melhem S., Cruse M., Goldstein J., Maher K. Making Government Mobile, 2011. URL: http://siteresources.worldbank.org/EXTINFORMATIONANDCOMMUNICATIONANDTECHNOLOGIES/Resources/IC4D-2012-Chapter-6.pdf (дата обращения: 29.03.2018)

References

1. *Teplitsa socialnykh tekhonology* [Greenhouse of social technologies], available at: https://test.ru/, (Accessed 29 March 2018). *(In Russian).*

2. Mavropoulos, A. (2011), *Globalization, Megacities and Waste Management*, ISWA conference, Daegu, Republic of Korea.

3. Offenhuber, D. (2010), Senseable City Lab. Putting the Informal on the Map – Tools for Participatory Waste Management, available at: http://senseable.mit.edu/foragetracking/PDCpaper_final.pdf, (Accessed 29 March 2018).

4. D-Waste. The Planning Challenge: A Road Map for Waste Management Planners (2012), available at: http://www.d-waste.com/reports.html, (Accessed 29 March 2018).

5. Dovi, E. (2008), "Boosting Domestic Savings in Africa", *Africa Renewal*, Vol. 22, no 3, available at: www.un.org, (Accessed 29 March 2018).

6. Manzini, E. (2002), "Context-based well being and the concept of the regenerative solution: a conceptual framework for scenario building and sustainable solutions development", *The journal of Sustainable Product design*, 2, 141-148.

7. Five Star Equities. Number of Smartphones Around the World Top 1 Billion – Projected to Double by 2015: Five Star Equities Provides Stock Research on Microsoft and Nokia press release (2012), available at: http://finance.yahoo.com/news/number-smartphones-around-world-top-122000896.html, (Accessed 29 March 2018).

8. Slade, G. (2006), *Made to Break: Technology and Obsolescence in America*, Harvard UP, Cambridge, MA, USA.

9. Sagl, G., Resch, B. and Hawelka, B. (2012), From social sensor data to collective human behavior patterns: analysing and visualizing spatio-temporal dynamics in urban environments, available at: http://gispoint.de/index.php?id=5&tx_browser_pi1[newsUid]=682&cHash=208290d911, (Accessed 29 March 2018).

10. Horst, H. A. and Miller, D. (2006), *The cell phone: An Anthropology of Communication*, Berg, Oxford, UK.

11. Lee H., Baniqued P. L., Cosman J., Mullen J., McAley E., Severson J., and Kramer A. F. (2012), "Examining cognitive function across the lifespan using a mobile application", *Computers in Human Behavior*, vol 28, no. 5, 1934-1946.

12. IDC. Press Release "Media Tablet Shipments Outpace Fourth Quarter Targets; Strong Demand for New iPad and Other Forthcoming Products Leads to Increase in 2012 Forecast, According to IDC (2012), available at: http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS23371312, (Accessed 29 March 2018).

13. Urry, J. (2007), *Mobilities*, Polity Press, Cambridge, UK.

14. Castells, M., Fernandez-Ardevol, M. and Sey, A. (2004), The Mobile Communication Society: A cross-cultural analysis of available evidence on the social uses of wireless communication technology, available at: http://hack.tion.free.fr/textes/MobileCommunicationSociety.pdf, (Accessed 29 March 2018).

15. Castells, M. (2000), *The rise of the Networked society*, 2nd ed. Blackwell, Oxford, UK.

16. OECD International Telecommunication Union 2011, "M-Government: Mobile Technologies for Responsive Governments and Connected Societies", OECD Publishing, available at: http://dx.doi.org/10.1787/9789264118706-en & ITU Bookshop at www.itu.int/pub/D-STR/m-gov, (Accessed 29 March 2018).

17. Crocker, R. (2012), *Getting closer to zero waste in the new mobile communications paradigm. A social and cultural perspective*, Polity Press, Cambridge, UK.

18. Kinkade, S. and Verclas, K. (2008), Wireless Technology for Social Change. Washington, DC and Berkshire, UK: UN Foundation–Vodafone Group Foundation Partnership, available at: http://mobileactive.org/files/MobilizingSocialChange_full.pdf, (Accessed 29 March 2018).

19. Raj, S., Melhem, S., Cruse, M., Goldstein, J. and Maher, K. (2011), Making Government Mobile, available at: http://siteresources.worldbank.org/EXTINFORMATIONANDCOMMUNICATIONANDTECHNOLOGIES/Resources/IC4D-2012-Chapter-6.pdf, (Accessed 29 March 2018).

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Ермолаева Юлия Вячеславовна, научный сотрудник Федерального научно-исследовательского Социологического центра Российской академии наук, сектор исследования профессий и профессиональных групп

Yulia Vyacheslavovna Ermolaeva, Research Fellow, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Department of Studying Professions and Professional Groups

УДК 355.01 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-6**

Максименко А.А.[1]
Шаповалова И.С.[2]

МОЛОДЕЖЬ И РОССИЙСКАЯ АРМИЯ: БУДЕТ ЛИ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ВЕКТОР ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ?

[1)] Костромской государственный университет
ул. Дзержинского, 17, г. Кострома, 156005, Россия
maximenko.al@gmail.com

[2)] Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Россия
shapovalova@bsu.edu.ru

Статья поступила 1 апреля 2018 г.; Принята 1 июня 2018 г.; Опубликована 30 июня 2018 г.

Аннотация. Престиж военной службы напрямую связан с доверим граждан этому институту, с готовностью проходить военную службу, и, как следствие, встать на защиту своей Родины. В статье обобщены результаты социологического исследования отношения молодых костромичей к российской армии, представлены данные экспертных интервью Белгородской области. В ходе интерпретации полученных результатов исследования выявлено отношение различных целевых аудиторий (юношей и девушек) к прохождению военной службы в российской армии. 13,22% дали оценку «отлично» современной российской армии, 46,38% – «хорошо», 33,67% дали оценку «удовлетворительно», и всего 6,73% – «не удовлетворительно». 38,4 % уклонились бы от службы в армии, будь у них такая возможность, и потратили бы это время на работу или учёбу. Две трети респондентов (66,83%) основной причиной уклонения от службы в российской армии назвали «дедовщину», и 70% опрошенных имеют в своем окружении лиц, уклоняющихся от службы в армии. Наметившаяся положительная динамика в общественном мнении молодежи относительно службы в армии крайне неустойчиво, на данный момент рано говорить об изменении имиджа военной службы. Мнение экспертов подтвердило полученные данные, подчеркнув наличие субъект-объектного подхода к призывникам, нежелание приступить к планомерному решению проблемы имиджа российской армии.

Ключевые слова: отношение к армии; уровень доверия вооруженным силам РФ; оптимальный срок службы; причины нежелания проходить военную службу.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-411-310009 «Оценка социализационных траекторий молодежи региона России в рискологической парадигме».

Aleksandr Maksimenko[1]
Inna Shapovalova[2]

YOUTH AND THE RUSSIAN ARMY: WILL THERE BE A POSITIVE VECTOR IN INTERACTION?

[1)] Kostroma State University
17, Dzerzhinskogo str., Kostroma, 156005, Russia
maximenko.al@gmail.com

[2)] Belgorod State National Research University
85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia
shapovalova@bsu.edu.ru

Received 1 April 2018; Accepted 1 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. Prestige of military service is directly connected with the trust of citizens to this institution, willingly pass military service, and, as a result, stand up for the defense of their homeland. The article summarizes the results of a sociological study of the attitude of young Kostroma to the Russian army, presents data from expert interviews in the Belgorod region. In the course of interpreting the obtained research results, the ratio of different target audiences (boys and girls) to military service in the Russian army was revealed. 13.22% rated "excellent" the modern Russian army, 46.38% "good", 33.67% rated "satisfactory", and only 6.73% - "not satisfactory". 38.4% would have evaded military service, if they had such an opportunity, and would have spent that time on work or study. Two-thirds of the respondents (66.83%) called the main reason for evading military service in the Russian army "hazing", and 70% of those surveyed have surrounded by people who evade military service. The emerging positive dynamics in the public opinion of young people about the service in the army is extremely unstable, it is too early to talk about changing the image of military service. The opinion of the experts confirmed the findings, highlighting the existence of a subject-object approach to conscripts, the reluctance to proceed to a systematic resolution of the problem of the image of the Russian army.
Key words: attitude towards the army; the level of confidence in the armed forces of the Russian Federation; the optimal service life; the reasons for reluctance to perform military service.
Acknowledgments: The research was carried out with the support of the RFBR grant, project № 18-411-310009 "Evaluation of socializing trajectories of youth in the Russian region in the risky paradigm".

Введение (Introduction). Социальные изменения последних лет, происходящие в российском обществе, политика 90-х годов XX века, во многом способствующая снижению авторитета и престижа Вооруженных Сил РФ, непредсказуемо меняют характер отношений между обществом и армией. Проблему усугубляет постоянно происходящее реформирование армии, как социального института, что негативно отражается на имидже, образе и статусе военнослужащих. При этом отношение к армии является неотъемлемой частью престижа государства.

Между тем, психологами и социологами данная проблема масштабно и детально не исследуется. Всероссийский центр изучения общественного мнения проводит периодически общероссийские замеры (рис. 1).

В ходе опросов отношения к российской армии, фиксируется также и готовность их родственников служить в армии (рис. 2).

Рис. 1. Как Вы думаете, существует ли сейчас реальная угроза России со стороны других стран?
Fig. 1. Do you think there is a real threat to Russia now from other countries?

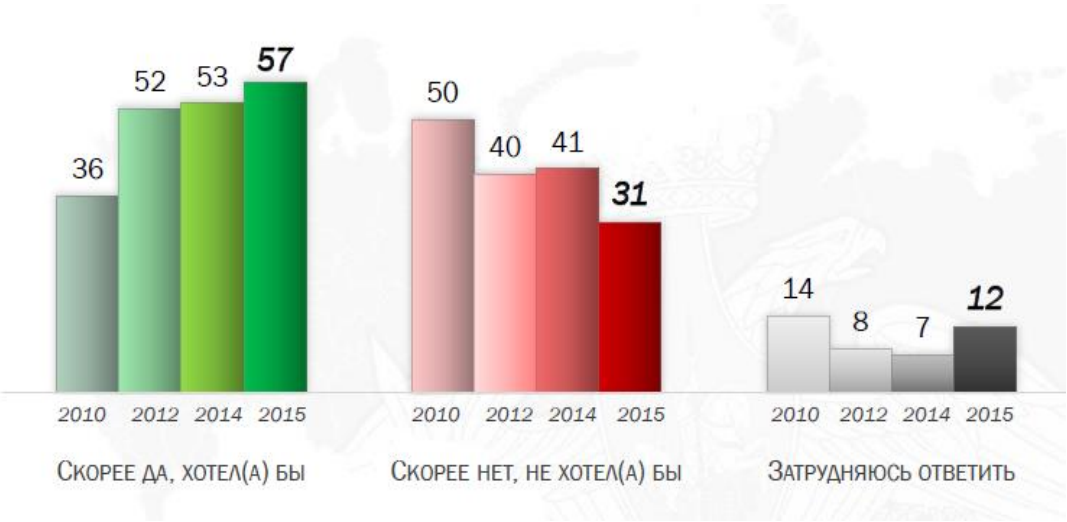


Рис. 2. Хотели бы Вы, чтобы Ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил в армии?
Fig. 2. Would you like your son, brother, husband or another close relative served in the army?

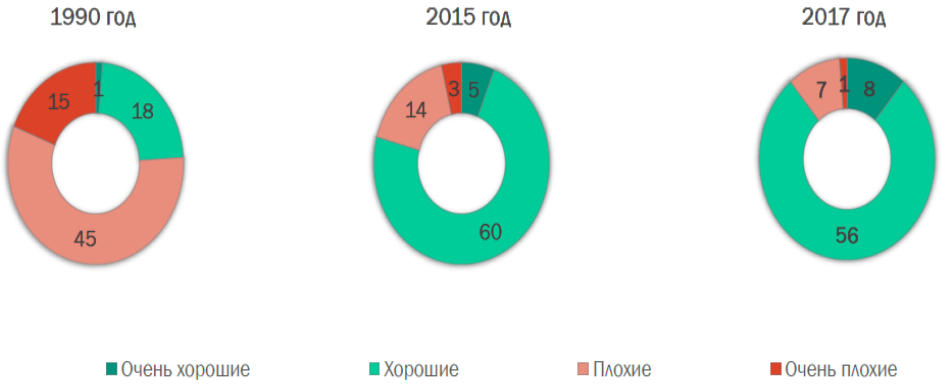


Рис. 3. Каковы, по Вашему мнению, условия быта рядового состава российской армии?
Fig. 3. What, in your opinion, is the living conditions of the ranks of the Russian army?

Рис. 4. Если говорить в целом, знаете ли Вы или не знаете о ситуации, положении дел в вооруженных силах РФ, о проблемах армии?
Fig. 4. In general terms, do you know or do not know about the situation, the situation in the armed forces of the Russian Federation, about the problems of the army?

Методология и методы (Methodology and methods). Рассмотрение теоретических аспектов изученности темы исследования, представленного в статье и опыта исследовательской практики в этой области, приводит к выделению четырех основных направлений в работах российских и зарубежных авторов.

Первое направление отражает в себе научный, социологический подход к изучению и исследованию проблем молодежи призывного возраста, как специфической группе общества. Данное направление получило отражение в работах многих отечественных социологов. Среди них можно назвать научные труды: А. Арбатова (Арбатов, 2013: 39), О.М. Алексеенко (Алексеенко, 2015), В.В. Алешина (Алешин, 2011), М.В. Ахвелидиани (Ахвелидиани, 2012), И.Н. Ашихмин (Ашихмин, 2013), В.А. Беловодский (Беловодский, 2013) и других.

Работы второго направления посвящены изучению формирования духовного мира молодых людей призывного возраста и динамике моральных ценностей во всем обществе в связи с процессами смены поколений. В отечественной науке детальный и в то же время всесторонний анализ этого явления у современной молодежи дан в работах В.И. Чупрова (Чупров, 1994: 45-53), А.Ф. Ноздрачева (Ноздрачев, 2011), А.А. Иудин, З.Х.М. Саралиева и Я.М. Ушакова (Иудин, 2013: 54-63). В работах названных авторов отражены пути отечественной молодежи в поисках духовной опоры и социальных ориентиров в современном мире.

Третье направление составляют труды ученых, в которых исследуются аспекты взаимоотношений армии с различными общественными институтами. Например, армии и общества, армии и политики, армии и демографическими данными общества. Характеристика и содержание компромиссов с этой точки зрения, способы их разрешения, которые затрагивают общественное мнение, ценность военной службы – все это ключевые исследовательские аспекты данного направления. Данному направлению большое внимание уделяли следующие ученые: И.И. Грунтовский (грунтовский, 2012: 27-35), Д.В. Зернов (Зернов, 2016), В.К. Новик (Новик, 2006: 101-107), В.А. Петрикас (Петрикас, 2013), В.Т. Лисовский (Лисовский, 2015).

Последнее четвертое направление представлено работами ученых и практиков, связанными с проблематикой ценностей в военной службе. Трансформации изучаемых ценностей в условиях меняющегося современного мира, а также восприятия этих ценностей молодыми людьми призывного возраста, традиционные мотивационно-смысловые ориентации военной службы – это основные факторы четвертого направления. Эту проблему рассматривали В.А. Беловедский (Беловедский, 2013), Р.П. Климентьев (Климентьев, 2010), И.А. Климов (Климов, 2012: 45-46), А.В. Кудашкин (Кудашкин, 2013).

Целью исследования, послужившего основой данной статьи, стало выявление отношения региональной (костромской) молодежи к современной армии и службе в ее рядах. Методом исследования стал онлайн-опрос по формализованной анкете посредством поиска респондентов в социальной сети «ВКонтакте» (респонденты Костромской области). Объем выборки составил 409 человек. Характеристики выборки: молодежь города Костромы и Костромской области, в возрасте от 14 лет. Выборка репрезентативна по полу и возрасту, благодаря процедуре перевзвешивания данных (при незначительном отклонении фактически собранных квот от заявленных). Анкета размещена в Сети Интернет по адресу: http://webanketa.com/forms/68skad1s60qp8sb6ccsk2sb1/.

В ходе исследования было опрошено 54,1% женщин и 45,9% мужчин. Распределения респондентов по полу и возрасту показано на рисунке 5 и вполне сопоставимо с данными генеральной совокупности.

Уровень образования респондентов проиллюстрирован на рисунке 6.

Дополнительным методом выступили экспертные интервью, проведенные в Белгородской области с заместителем военной комендатуры Гарнизона третьего разряда города Белгорода, Председателем Белгородского регионального отделения «Комитет солдатских матерей России» и преподавателем ОБЖ муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 2» г. Белгорода, ответственным за военные сборы учащихся 10-х классов.

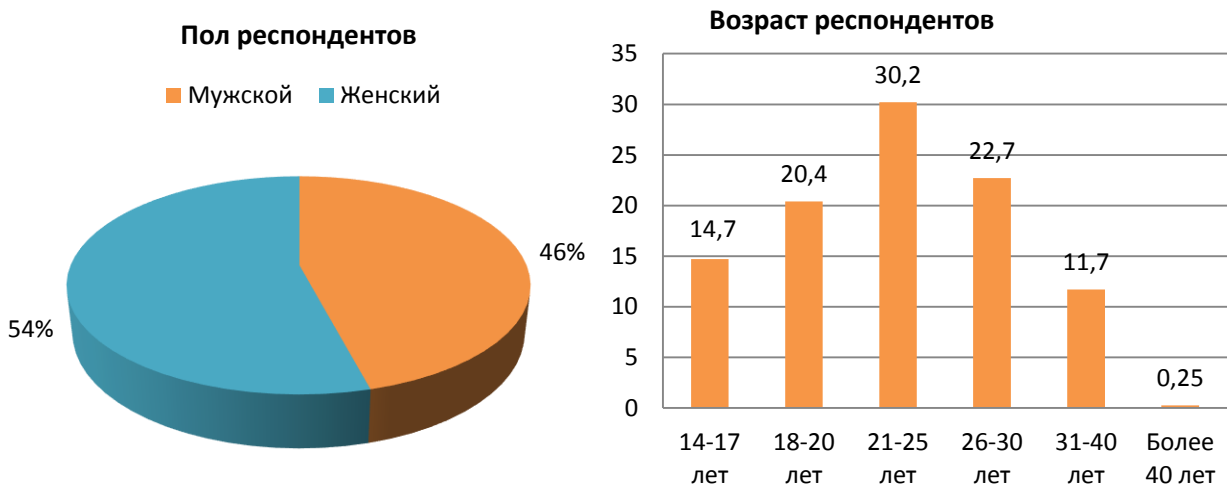


Рис. 5. Распределение респондентов по возрасту и возрасту
Fig. 5. Distribution of respondents by age and age

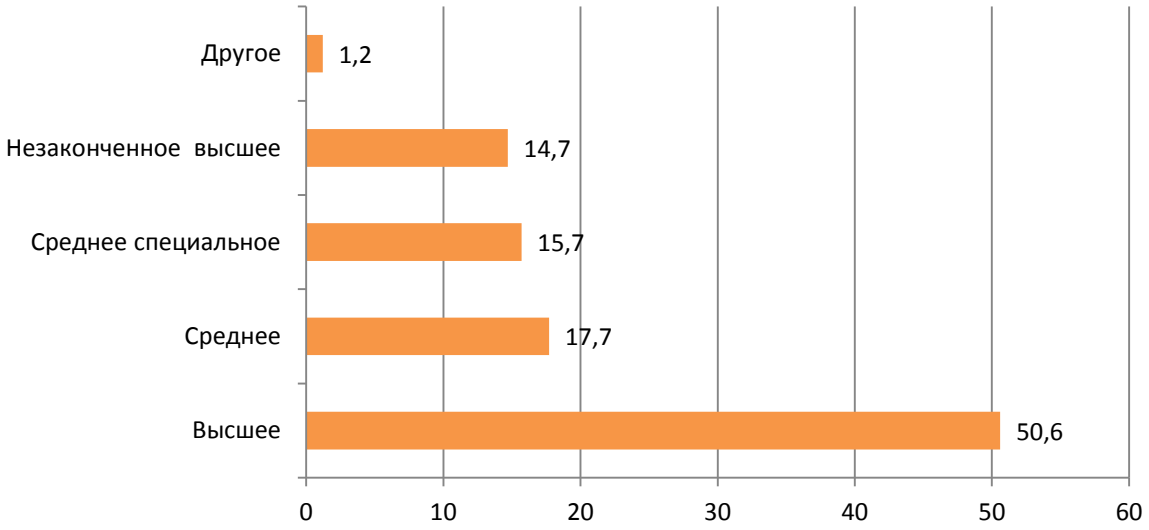


Рис. 6. Уровень образования респондентов
Fig. 6. Level of education of respondents

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Среди опрошенных мужчин лишь четверть отслужили в армии (25,3%). На вопрос «Хотели бы вы служить в армии?» – больше половины респондентов ответили отрицательно (62,8%), и всего 37,2% сказали, что хотели бы. При этом нет разницы в ответах на этот вопрос среди ответов мужчин и женщин: и те, и другие склонны к отрицательному ответу. Дальнейший анализ показал, что образование влияет на мнение и желание молодежи проходить военную службу (табл.).

Таблица

Различия в ответах респондентов на вопрос «Хотели бы вы служить в армии?» в зависимости от пола и образования, %

Table

Differences in respondents' answers to the question "Would you like to serve in the army?" And depending on gender and education, %

Хотели бы вы служить в армии?	В среднем по выборке (%)	Пол		Образование			
		Муж.	Жен.	Высшее	Среднее	Среднее специальное	Незаконченное
Да	**37,16**	42,9	32,3	29	47,9	55,6	32
Нет	**62,84**	57,1	67,7	71	52,1	44,4	68
Итого	**100,0**	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Мы видим, что люди с высшим образованием наименее склонны к прохождению воинской службы. Скорее всего, это связанно с их профессиональными амбициями и они расценивают это время как «упущенное» для возможности сделать карьеру или самореализовать себя.

Если при этом рассматривать ответы на вопрос: «Хотели бы Вы служить в армии?», то чуть больше половины среди лиц до 18 лет ответили положительно (59,3%) и только 40,7% сказали, что не хотели бы. Данные результаты совпадают с исследованием подобной тематики Всероссийского центр исследования общественного мнения (ВЦИОМ) в 2016 году[1]. Согласно этим данным, две трети опрошенных (71%) в группе допризывной молодежи планируют пройти службу в армии. При этом целенаправленно готовятся немного: только 19% сообщили, что прикладывают усилия для поддержания спортивной формы и интересуется военной темой (прохождения службы).

На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии?» ответы мужчин и женщин оказались различными – 43,8% женщин ответили, что хотели бы, и только 37% мужчин высказались в пользу такого варианта событий (рис. 7).

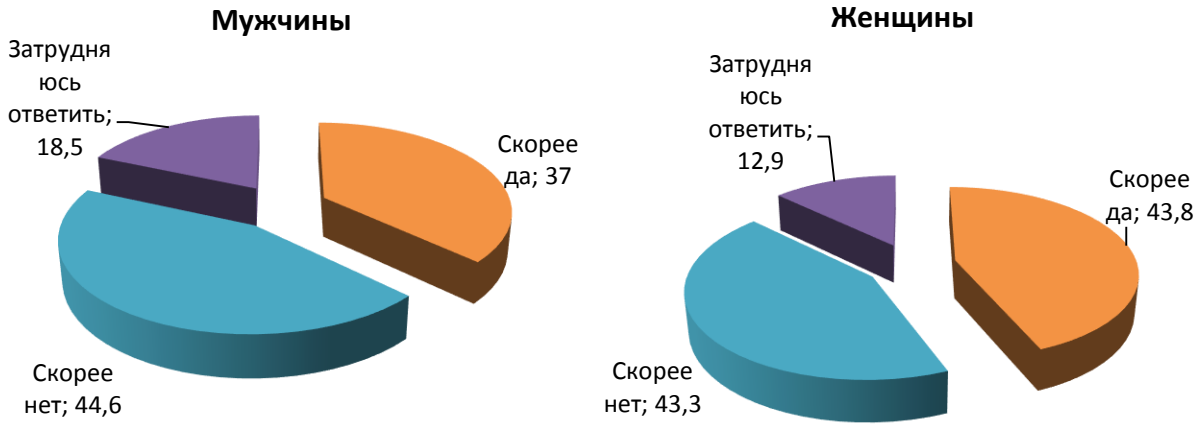


Рис. 7. Ответы мужчин и женщин на вопрос «Хотели бы вы, чтобы ваш сын, брат, муж или другой близкий родственник служил сейчас в армии?»
Fig. 7. Answers of men and women to the question "Would you like your son, brother, husband or other close relative to serve in the army now?"

Если говорить в среднем по выборке, то почти 44% респондентов Костромы и Костромской области ответили, что скорее не хотели бы, чтобы их близкие служили в армии; 40,65% – хотели бы, и 15,46% – затруднились ответить. Выявленные нами данные разняться с информацией, полученной по средствам проведенного ВЦИОМ исследования в феврале 2016 года о доверии россиян к Вооруженным Силам РФ. По данным всероссийского исследования, служба в армии становится социально одобряемым действием: 57% молодых россиян хотели, чтобы их родственники прошли военную службу (при 36% желающих в 2014 г.)[2].

При этом, к службе по контракту, более половины респондентов (60,85%) относятся положительно. Можно предположить, что одна из основных причин негативного отношения к армии является её обязательный (призывной) характер.

[1]Всероссийский центр изучения общественного мнения. Результаты исследования: «Доверие россиян вооруженным силам РФ, как гаранту стабильности российского государства и общества, 2016 год». URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586.

[2]Всероссийский центр изучения общественного мнения. Результаты исследования: «Доверие россиян вооруженным силам РФ, как гаранту стабильности российского государства и общества, 2016 год». URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586.

В анкете был вопрос на наличие среди знакомых респондентов тех, кто уклонился от прохождения военной службы. В ходе исследования стало понятно, что лишь у четверти опрошенных таких знакомых нет, при этом у остальных респондентов нашелся хотя бы один такой знакомый (рис. 8).

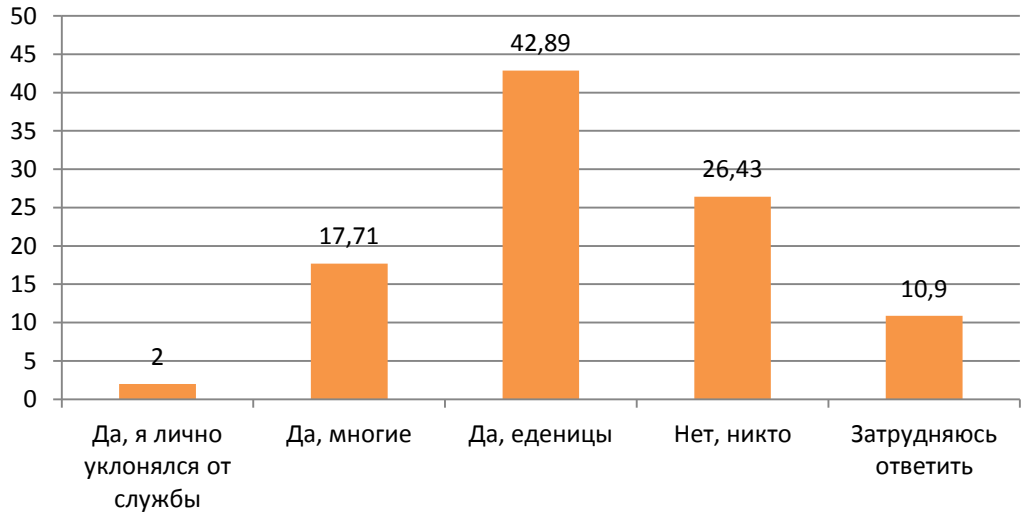


Рис. 8. Распределение ответов на вопрос:
«Уклонялись ли Вы или ваши знакомые от службы в армии?»
Fig. 8. Distribution of answers to the question:
"Did you or your friends evade service in the army?"

На вопрос: «Если бы у Вас была возможность уклониться от службы в армии, вы бы использовали ее?» – 61,6% дали отрицательный ответ (при этом нужно понимать высокую долю социально желаемых ответов). В этом случае интересно посмотреть причины, по которым молодежь уклоняются от прохождения военной службы, и решить их.

Самыми распространенными причинами, из-за которых, по мнению молодежи, не стоит идти в армию, являются: 66,8% наличие неуставных отношений («дедовщины»); 52,6% потеря времени для учебы, работы, возможности карьерного роста; 40,6% боязнь тягот армейской службы; 38,4% тяжелые бытовые условия, плохое питание; 33,2% оторванность от дома, от друзей и близких (рис. 9). Ответы мужчинам и женщин в процентных соотношениях почти равны.

Полученные данные говорят о том, что среди молодежи существуют самые различные опасения: это и страх неуставных взаимоотношений, недостаточная социальная защищенность солдат, и страх навредить своему здоровью. Возможно, некоторые из этих опасений связаны с отсутствием информации о реальном положении дел в армии. В ходе опроса был затронут вопрос осведомленности респондентов о ситуации в Вооруженных силах Российской Федерации и проблемах армии в целом. Проанализировав его, стало понятно, что большинство ответивших (55,1%) считают, что они неплохо представляют ситуацию в Вооруженных силах, 33,2 % отметили, что ситуацию в Вооруженных силах представляют скорее плохо; 11,7% – затруднились ответить. При этом мужчины считают себя более осведомленными в этом вопросе. Наибольший уровень осведомленности

показала молодежь в возрасте 18-25 лет (57,9%). По данным ВЦИОМ за 2016 год уровень информированности населения в России о положении дел в армии довольно средний: 51% опрошенных заявили, что знают о текущей ситуации и проблемах, 48% – нет[1].

Рис. 9. Основные причины нежелания молодых людей служить в армии
Fig. 9. The main reasons for the reluctance of young people to serve in the army

Так же большое количество респондентов не видит смысла в прохождении службы, не понимает, зачем это ей нужно. К тому же многие молодые люди считают, что за время прохождения службы они могут потерять хорошую работу и профессиональные умения.

Несмотря на ряд перечисленных недостатков, большинство как мужчин, так и женщин считают, что армия дает человеку новые возможности для того, чтобы найти себя, состояться в жизни (45,2% женщины, 38,6% мужчины). 32,42% склонны к мнению, что армия не оказывает существенного влияния на дальнейшую жизнь молодого человека, это всего лишь небольшой этап в его жизни; 15,2% считают, что служба в армии скорее негативно влияет на жизнь человека, она мешает реализоваться некоторым планам; и 5,5% опрошенных – затрудняются ответить. Также большая

[1]Всероссийский центр изучения общественного мнения. Результаты исследования: «Доверие россиян вооруженным силам РФ, как гаранту стабильности российского государства и общества, 2016 год». URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586.

часть опрошенных считают, что ни физическое, ни психологическое состояние не ухудшаются после прохождения службы в армии (38,4%) и больше половины респондентов (52,87%) дали отрицательный ответ на вопрос «Выпадает ли человек из социальной жизни, отслужив в армии?». По всероссийским данным ВЦИОМ, армия сегодня воспринимается как социальный институт, предоставляющий возможности роста: 67% россиян полагают, что армия дает человеку новые возможности. Среди молодежи этот показатель составляет 53%. О негативном влиянии армии на жизнь человека сказали лишь 10% респондентов, и 18% полагают, что она не играет значимой роли в судьбах людей[1].

Было важно понять, какие, по мнению респондентов, качества воспитывает армия в молодых людях. Исследование показало, что большинство респондентов считает, что у молодых людей формируется: самостоятельность (62,8%), хорошая физическая форма (51,37%), мужественность (30,92%), собранность (19,45%), аккуратность (7,48%), более устойчивые взгляды на жизнь (7,23%). Но, несмотря на все перечисленные плюсы армии, 67,83 % опрошенных считают, что фактор прохождения военной службы никак не влияет на выбор девушек мужчины в качестве брачного (сексуального) партнера.

Также мы задали респондентам вопросы касательно оптимального возраста для призыва в армию и оптимального срока срочной службы. Полученные данные представлены на рисунках 10 и 11.

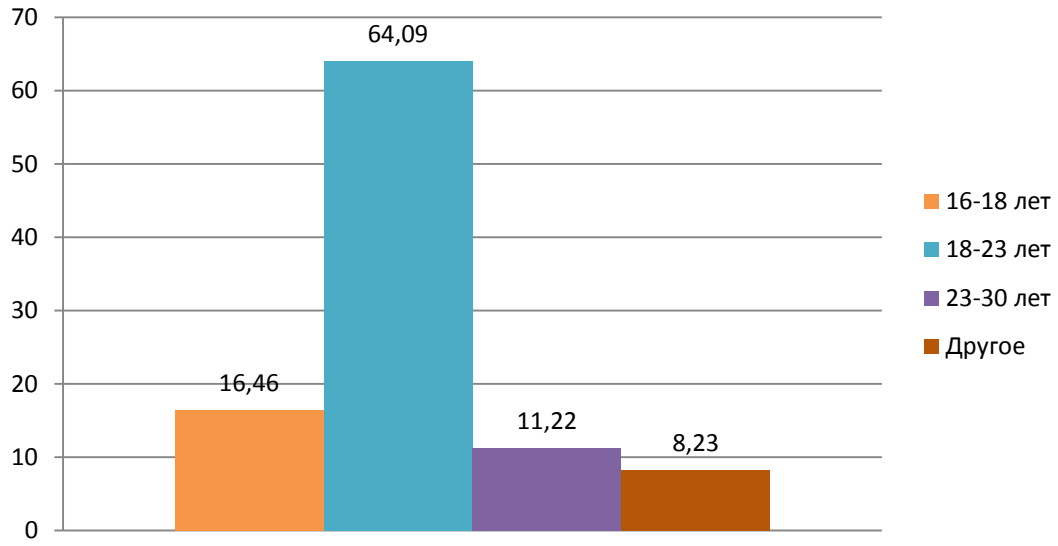


Рис. 10. Оптимальный возраст для призыва к прохождению срочной службы, по мнению респондентов

Fig. 10. Optimal age for recruitment for emergency service, according to respondents

[1]Всероссийский центр изучения общественного мнения. Результаты исследования: «Доверие россиян вооруженным силам РФ, как гаранту стабильности российского государства и общества, 2016 год». URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586.

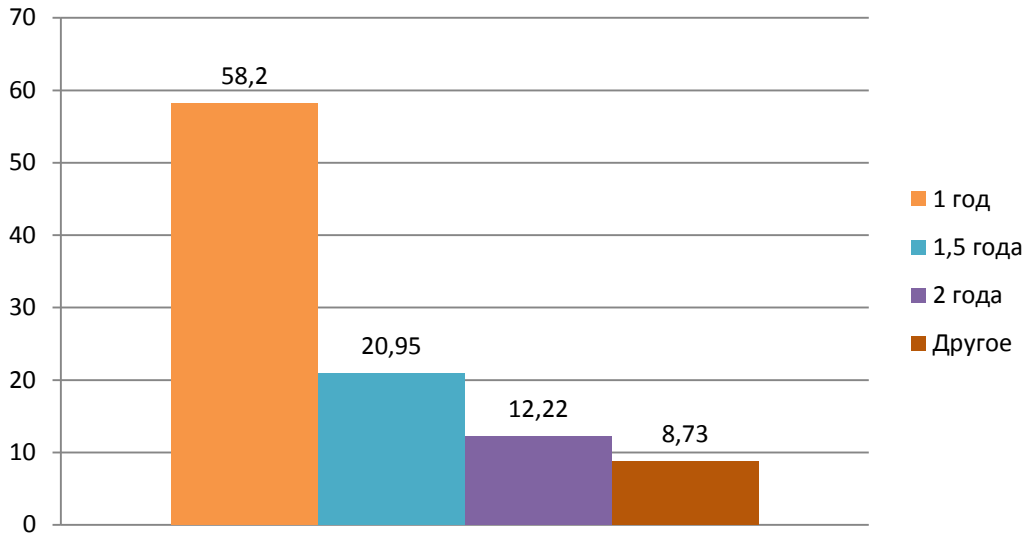


Рис. 11. Оптимальный срок прохождения срочной службы, по мнению респондентов
Fig. 11. The optimal period for the passage of military service, according to respondents

На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы в армии служили девушки?» более половины респондентов (58,1%) ответили отрицательно. Из них 43,3 % – мужчины, 56,7 % – девушки.

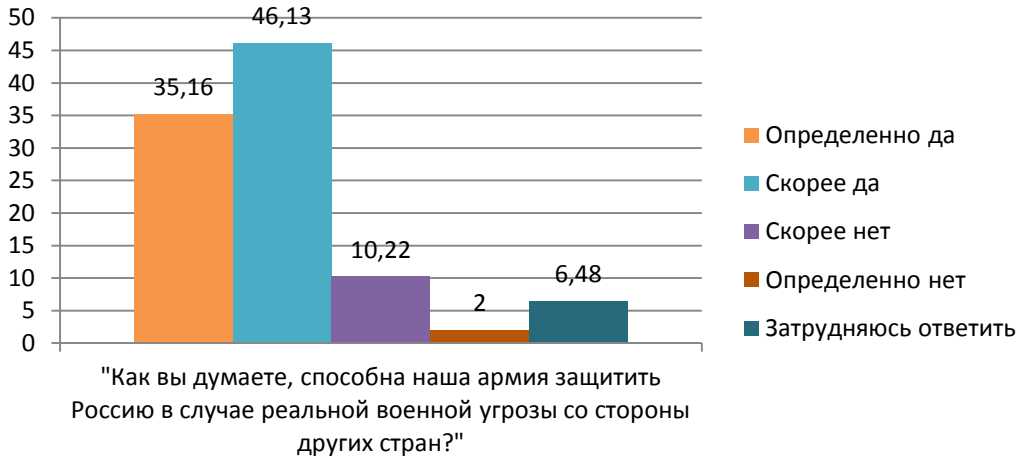
Следующий блок вопросов был посвящен отношению современной молодежи к существующей армии в Российской Федерации, к министру обороны РФ Сергея Шойгу и степени доверия к ним.

Стоит отметить, что в целом отношение к российской армии и степень доверия к ней оказались положительными и высокими. Данные исследования по блоку этих вопросов представлены на рисунке 12.

Отношение к Министру обороны Российской Федерации Сергею Шойгу тоже в целом оказалось положительным (рис. 13).

Полученные нами результаты практически идентичны с результатами, полученными Всероссийским центром исследования общественного мнение (ВЦИОМ). По данным их исследования, динамику одобрения деятельности российской армии в последние десять лет можно охарактеризовать как устойчиво положительную. К октябрю 2015 г. доля тех, кто положительно оценивает работу Вооруженных Сил достигла 82% (максимум за предыдущие годы – 83%). Оценки боеспособности Вооруженных Сил РФ сегодня близки к абсолютным: 89% россиян (максимум за 15 лет) считают, что в случае возникновения реальной угрозы со стороны других стран, армия сможет нас защитить. Среди 18-24-летних эта доля также превышает 80%. Одобрение деятельности Министра обороны РФ С. Шойгу и доверие ему крайне высоки (84% и 88%, соответственно). Запрос на сильную армию бесспорен: 88% наших сограждан считают, что она является приоритетом для государства. Среди молодежи эта доля ниже, однако также таких большинство (78%). Почти каждый второй (45 %) выступает за усиление влияния армии на общество. Обратного мнения придерживаются лишь 5%[1].

[1] Всероссийский центр изучения общественного мнения. Результаты исследования: «Доверие россиян вооруженным силам РФ, как гаранту стабильности российского государства и общества, 2016 год». URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115586.



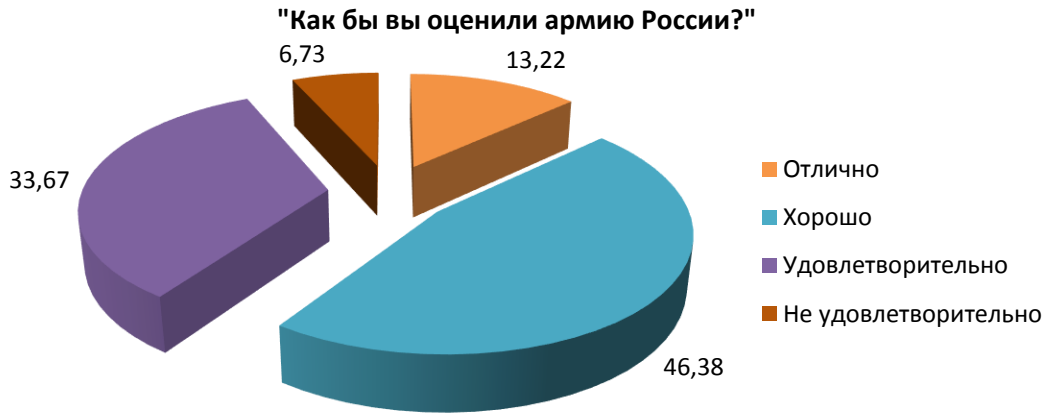
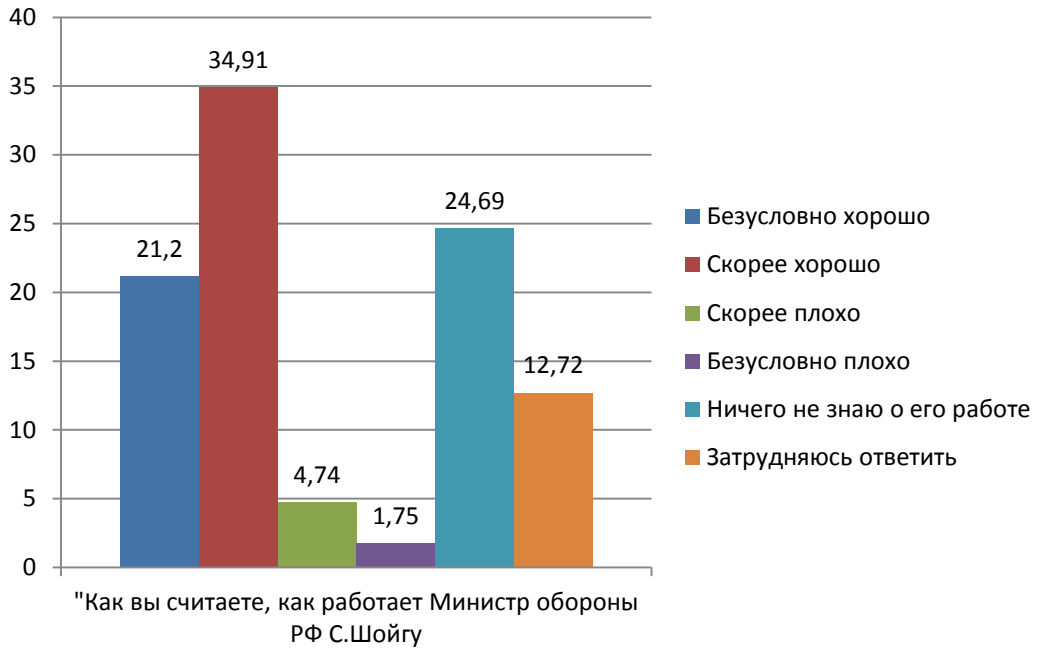


Рис. 12. Общее отношение респондентов в существующей Российской армии
Fig. 12. General attitude of respondents in the existing Russian army



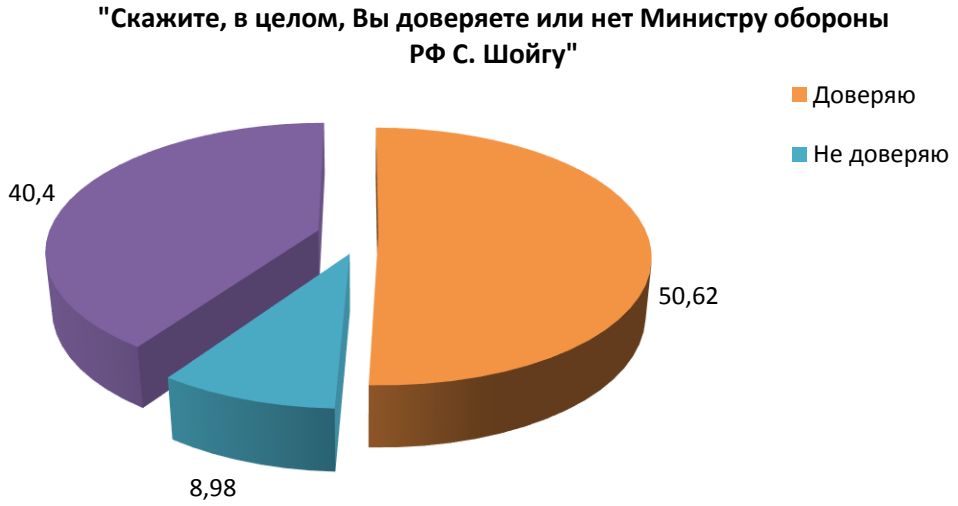


Рис. 13. Отношение респондентов к Министру обороны РФ С. Шойгу
Fig. 13. The attitude of respondents to the Minister of Defense of the Russian Federation S. Shoigu

Результаты социологического исследования показали, что в рейтинге проблем, которые, по мнению молодёжи, наиболее актуальны для сегодняшней армии, а значит, должны быть устранены в ближайшее время, значатся следующие: улучшение бытовых условий (71,3%); повышение престижа армии в целом в обществе (55,9%); усиление дисциплины (и вероятно снижение дедовщины) – 47,6%. 14,9% респондентов указали другие недостатки, а именно: адекватное командование – 2,5%, обучение и подготовка – 1,5%, добровольное прохождение службы (контрактная основа) – 1,2%, увеличение жалования – 0,7%, проведение антикоррупционных мероприятий – 0,5%.

Все вышеперечисленные недостатки, по мнению опрашиваемых, являются существенными проблемами, которые нельзя оставить без внимания. Уточнением ситуации стали результаты экспертного опроса. Проведенный экспертный опрос отразил

профессиональную точку зрения в отношении исследуемой темы и позволил проанализировать установки молодых людей призывного возраста на военную службу.

Вопросы были заданы А.В. Дегтяреву – заместителю военной комендатуры Гарнизона третьего разряда города Белгорода; Р.А. Якуниной – Председателю Белгородского регионального отделения «Комитет солдатских матерей России» и С.Н. Безрукавникову – преподавателю ОБЖ муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 2» г. Белгорода, ответственного за военные сборы учащихся 10-х классов.

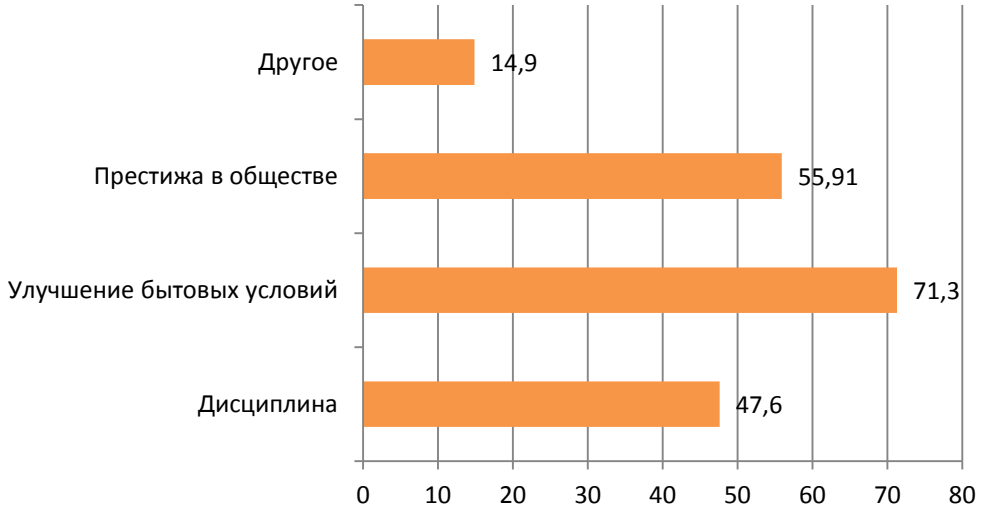


Рис. 14. Чего, по мнению респондентов, не хватает в армии
Fig. 14. What, in the respondents' opinion, is not enough in the army

Опрос определил важную тенденцию: чем ближе эксперт к государственным и военизированным структурам, тем жестче его мнение относительно службы в армии и критичнее взгляд на молодежь, и напротив: чем ближе эксперт к общественности, тем больше его точка зрения совпадает с результатами анкетирования молодого поколения. Но в многом эксперты нашли согласие друг с другом. Так, на вопрос «С какими настроениями современные молодые люди идет в армию?» эксперты ответили, что большая часть призывников настроена на военную службу крайне отрицательно. Тот факт, что служба в армии считается ненужной, подтверждает и то, что очень низкий процент молодых людей призывного возраста переходит на контрактную военную службу после окончания срочной службы. Кроме того, у молодых людей призывного возраста уже изначально сформирована плохая установка того, что их ожидает во время прохождения службы в армии. Эти опасения направляют их мысли на поиски всевозможных способов избегания военной службы.

Вопрос о том, как сильно отличаются установки молодых людей призывного возраста на военную службу на данный момент по сравнению с показателями прошлых лет, показал, что мнение экспертов также были идентичными. Заместитель военной комендатуры Гарнизона третьего разряда города Белгорода ответил, что если брать во внимание двадцатилетнюю разницу, то отличия существенны, а в сравнении с десятилетней давностью – отличия несущественны. Данное явление говорит о том, что в продолжении последнего времени «наблюдаются тенденции к отрицательному восприятию армии, утрате моральных мотивов военной службы, отзывы о ней как о повинности, а не как о священном долге гражданина».

Также вниманию экспертов была

представлена на рассмотрение такая актуальная тема как уклонение от службы в армии и причины такого поведения. В этом вопросе ответы представителей экспертной комиссии были различны. Якунина Розалия Аршалусовна – Председатель Белгородского регионального отделения «Комитет солдатских матерей России» считает, что «проблема заключается в самой армии, и во многочисленных недочетах данного института государства (дедовщина, плохие условия жизни), а также в нарушениях работы военкоматов, медкомиссий, которые заключаются в коррупции, и кроме того в безразличном отношении власти к проблемам призывников».

Заместитель военной комендатуры Гарнизона третьего разряда города Белгорода ответил, что «среди причин уклонения от военной службы в первую очередь можно назвать распущенность и непатриотичность современной молодежи призывного возраста, которая не желает отдать долг Родине». Также им была названа такая причина, как не слишком жесткие меры по борьбе с уклонистами.

Эксперты указали на то, что в сравнении с другими областями России, Белгород и Белгородская область отличаются неплохим качеством призыва, что дает возможность говорить о высоком уровне работы военкома.

При рассмотрении вопроса о том, кто же в значительной степени несет ответственность за создание установок для молодежи на службу в армии, было отмечено, что эксперты разделили мнение молодежи призывного возраста, принявшей участие в анкетировании. Было отмечено, что большую информационную нагрузка на молодежь по вопросу службы в армии оказывают средства массовой информации (СМИ) и социальное окружение (рис. 15).

Рис. 15. Факторы влияния информационной нагрузки на призывника
Fig. 15. Factors influencing the information load on the recruit

Экспертам были заданы вопросы, посвященные и работе с молодежью г. Белгорода в виде популяризации службы в армии и повышения знания молодежи об этапах принятия на государственную службу (см. рис. 11). С.Н. Безрукавников – преподаватель ОБЖ муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Гимназия № 2» г. Белгорода, ответственный за военные сборы учащихся 10-х классов отметил, что военные сборы в десятых классах, цель которых «призвать молодых людей к службе в армии и настроить на нее, зачастую наоборот вызывают не хорошие эмоции у призывников и обратный эффект».

Многие учащиеся настроены против сборов, оправдывая это тем, что не хотят служить в армии и тем, что им это для дальнейшей жизни не нужно.

Заключение (Conclusions). Таким образом, вышеприведенные результаты можно подытожить следующим образом: 36% опрошенных не служили в армии, 62,84% не хотят служить в армии. 13,22% дали оценку «отлично» современной российской армии, 46,38% – «хорошо», 33,67% дали оценку «удовлетворительно», и всего 6,73% – «не удовлетворительно». 50,62% респондентов полностью доверяют Министру обороны РФ С. Шойгу, 8,98% – не доверяют, остальные затруднились ответить. 60,85% опрошенных положительно относятся к службе по контракту, что говорит о предпочтении прохождения военной службы по желанию, а не в обязательном порядке. Большинство респондентов (64,1%) высказали своё мнение, что призывать к службе необходимо с 18 до 23 лет. 16,46% – считают, что с 16-до 18 лет, 11,22% – с 23 до 30 лет, и ещё 8,23% затруднились ответить. Однако большинство ответивших (58,1%) считают наиболее оптимальным срок службы в течение 1 года.

Большинство респондентов считают, что на службе не ухудшается психическое и физическое здоровье человека, и также больше половины (52,87 %) считают, что человек не выпадает из социальной жизни, отслужив в армии. 38,4 % уклонились бы от службы в армии, будь у них такая возможность, и потратили бы это время на работу или учёбу.

Две трети респондентов (66,83%) основной причиной уклонения от службы в российской армии назвали «дедовщину». А 52,62% ответили, что призывники просто не хотят отдавать армии год своей жизни.

У 70% опрошенных многие знакомые уклонялись от службы в армии, тем самым вызывая желание у них уклониться тоже. 70% респондентов считают, что современной российской армии не хватает финансирования (улучшения бытовых условий) и дисциплины. Большинство ответивших (58,1%) не пожелали, чтобы к службе в армии призывались девушки.

Несмотря на неоднозначность полученных ответов на сегодняшний день мы можем говорить о том, что престиж военной службы не имеет пока устойчивой положительной динамики не только в глазах населения, но и среди военных. В формировании военно-патриотической мотивации у призывников и солдат-срочников, офицеры сталкиваются с противоречивыми процессами, в основе которой лежат не только объективные причины. С одной стороны, под влиянием воспитательной работы, вся структура военной жизни, во время службы в целом растет понимание необходимости защиты Отечества. С другой стороны, наличие контр-культурных традиций уклонения от службы, проблемы финансирования армии, неизменное мнение «потерянности» лет службы – все это, а также долгие годы и поводы говорить о жестокости обращения, надолго отвернули нашу молодежь от положительного восприятия возможности служить в военных силах России.

Список литературы

1. Алексеенко О. М. Ценности военной службы и проблемы повышения ее престижности в Вооруженных Силах Российской Федерации: дис. … канд. филос. наук. М., 2015.
2. Алешин В. В. Социально-психологические аспекты формирования военно-профессиональной ориентированности учащихся: дис. … канд. психол. наук. М., 2011.
3. Арбатов А. Военная реформа России: Состояние и перспективы // Московский Центр Карнеги. 2013. № 9. С. 39.
4. Ахвелидиани М. В. Телевидение в системе военно-патриотического воспитания: дис. … канд. филол. наук. М., 2012.
5. Ашихмин И. Н. К вопросу об отношении студенческой молодежи к службе в армии // Сборник «Патриотическое воспитание молодёжи: проблемы и перспективы». Орёл: ОрёлГТУ, 2013. С. 135.
6. Беловодский В. А. Уклонение от военной службы как социально-психологическое явление: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2013.
7. Глазунов А. М. Российская армия как институт общества в современных условиях. Будущее России: стратегии развития. М., 2015.

8. Грунтовский И. И. Мнение молодежи о престиже военной службы в Вооруженных силах России // Сервис plus. 2012. № 2. С. 27-35.

9. Зернов Д. В. Армия в структуре жизненных интересов старшеклассников // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1(33).

10. Иудин А. А., Саралиева З. Х. М., Ушакова Я. М. Социологический портрет призывника // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 54-63.

11. Климентьев Р. П. Призыв на военную службу // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 72-76.

12. Климов И. А. Патриотические основания российской идентичности. М.: Отечественные записки. 2012. № 3. С.45-46.

13. Кудашкин А. В. К вопросу о сущности военной службы и ее месте в системе государственной службы. М., 2013.

14. Лисовский В. Т. Социология молодежи. СПб.: Нева, 2015. 367 с.

15. Новик В. К., Передня Д. Г. Имидж современной российской армии глазами молодежи // Социологические исследования. 2006. № 11. С. 101-107.

16. Ноздрачев А. Ф. Государственная служба. М.: ЮНИТИ-ПРЕСС, 2011. 353 с.

17. Петрикас В. А. Социальная ценность воинской службы для современной российской молодежи: дис. … канд. социол. наук. М., 2013. 180 с.

18. Чупров В. И. Отношение призывников к службе в армии по контракту: социальный аспект // Социологические исследования. 1994. № 3. С. 45-53.

References

1. Alekseenko, O. M. (2015), “Values of military service and the problem of increasing its prestige in the Armed Forces of the Russian Federation”, Ph.D. Thesis, Philos. Sc., Moscow, Russia. *(In Russian).*

2. Aleshin, V. V. (2011), “Socio-psychological aspects of the formation of military-professional orientation of students”, Ph.D. Thesis, Psychol. Sc. Moscow, Russia. *(In Russian).*

3. Arbatov, A. (2013), “Military reform of Russia: State and prospects”, *Moskovskij TSentr Karnegi*, (9), 39. *(In Russian).*

4. Akhvelidiani, M. V. (2012), “Television in the system of military-patriotic education: dissertations”, Ph.D. Thesis, Philol. Sc., Moscow, Russia. *(In Russian).*

5. Ashikhmin, I. N. (2013), “To the question of the attitude of student youth to military service”, *Patrioticheskoe vospitanie molodyozhi: problemy i perspektivy* [The collection "Patriotic education of youth: problems and perspectives"], Orel State Technical University, 135, Orel, Russia. *(In Russian).*

6. Belovodsky, V. A. (2013), “Evasion from military service as a socio-psychological phenomenon”, Abstract of Ph.D. dissertation, Psychol. Sc., Moscow, Russia. *(In Russian).*

7. Glazunov, A. M. (2015), “Russian army as an institution of society in modern conditions”, *Budushhee Rossii: strategii razvitiya* [The future of Russia: development strategies], Moscow, Russia. *(In Russian).*

8. Gruntovsky, I. (2012), “Youth's opinion on the prestige of military service in the Armed Forces of Russia”, *Service plus*, (2), 27-35. *(In Russian).*

9. Zernov, D. V. (2016), “Army in the structure of vital interests of senior pupils”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, (33). *(In Russian).*

10. Iudin, A. A., Saralieva, Z. Kh. M. and Ushakova, Ya. M. (2013), “Sociological portrait of the draftee”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 54-63. *(In Russian).*

11. Klimentyev, R. P. (2010), “The call to military service”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (10), 72-76. *(In Russian).*

12. Klimov, I. A. (2012), *Patrioticheskie osnovaniya rossijskoj identichnosti* [Patriotic Foundations of Russian Identity], Otechestvennye zapiski, Moscow, Russia, (3), 45-46. *(In Russian).*

13. Kudashkin, A. V. (2013), *K voprosu o sushhnosti voennoj sluzhby i ee meste v sisteme gosudarstvennoj sluzhby* [On the issue of the essence of military service and its place in the system of public service], Moscow, Russia *(In Russian).*

14. Lisovskiy, V. T. (2015), *Sotsiologiya molodezhi* [Sociology of Youth], Neva, St. Petersburg, Russia. *(In Russian).*

15. Novik, V. K. and Prednia, D. G. (2006), “Image of the modern Russian army through the eyes of youth”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (11), 101-107. *(In Russian).*

16. Nozdrachev, A. F. (2011), *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public service], UNITY-PRESS, Moscow, Russia. *(In Russian).*

17. Petrikas, V. A. (2013), “Social Value of Military Service for Contemporary Russian Youth”, Ph.D. Thesis, Sociol. Sc., Moscow, Russia. *(In Russian).*

18. Chuprov, V. I. (1994), "Attitude of conscripts to military service under contract: the social aspect", *Sotsiologicheskie issledovaniya, (*3), 45-53. *(In Russian).*

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: The authors have no conflict of interest to declare.

Максименко Александр Александрович, кандидат психологических наук, доцент кафедры маркетинга и менеджмента Костромского государственного университета, заместитель председателя комиссии по молодежной политики и спорту Общественной палаты Костромской области.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Aleksandr Maksimenko, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of Marketing and Management, Kostroma State University, Deputy Chairman of the Committee for Youth Policy and Sports of the Public Chamber of the Kostroma Region.

Inna Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University.

УДК 316 **DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-7**

Vesna Trifunovic

THE HARMONIZATION AND EDUCATION: SOME TENDENCIES OF THE EDUCATIONAL REFORM IN THE REPUBLIC OF SERBIA*

University of Kragujevac, Faculty of Education in Jagodina, Department of Humanities
14, M. Mijalković, Jagodina, 35000, Republic of Serbia
dimitrije95@ptt.rs

Received 25 April 2018; Accepted 1 June 2018; Published 30 June 2018

Abstract. The Serbian society, as well as the majority of the societies in transition, show complete "openness" for globalizing influences, which, at a practical level, is realized by the implementation of the harmonization with the so-called European space. Therefore, the total developmental policy is perceived as exclusively the process of accelerated adjustment to international standards. The educational policies are just a part of the total developmental policy and follow the same developmental logic: they accept trans-national standards. The educational policies, however, even in the context of harmonization may establish the balance between the growing external requests and own educational tradition if they use the harmonization as an incentive for the actual modernization of education. The paper presents individual tendencies of the reform of education in the Republic of Serbia after 2000. The descriptive-analytical method was used in the paper.
Key words: harmonization; education; reform; educational policies; Republic of Serbia.

Трифунович В.С.

СОГЛАСОВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕФОРМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБИЯ

Факультет педагогических наук, Университет г. Крагуевац
М. Мијалковича, 14, г. Ягодина, 35000, Республика Сербия
dimitrije95@ptt.rs

Аннотация. Сербское общество, как и большинство переходных обществ, демонстрирует полную «открытость» для глобализирующих влияний, что на практическом уровне демонстрируется реализацией согласования с так называемым «Европейским пространством». Поэтому общая политика развития воспринимается исключительно как процесс ускоренной адаптации к международным стандартам. Политика в области образования является лишь частью общей политики

* Prepared as a part of the project *Sustainability of the Identity of Serbs and National Minorities in the Border Municipalities of Eastern and Southeastern Serbia* (179013), conducted at the University of Niš – Faculty of Mechanical Engineering, and supported by the Ministry of Science and Technological Development of the Republic of Serbia.

развития и придерживается той же логики развития: принятие транснациональных стандартов. Однако политика в области образования, даже в контексте согласования, может установить и баланс между растущими внешними требованиями и собственной образовательной традицией, если они используют согласование в качестве стимула для реальной модернизации образования.
В статье представлены некоторые тенденции реформы образования в Республике Сербия после 2000 года. В работе были использованы описательно-аналитические методы.
Ключевые слова: согласование; образование; реформа; политика в области образования; Республика Сербия.

Introduction. The establishment of the so-called global society which differs at local levels only in the level of dedication to specific practices of the imposition of established values and the implementation of the adopted ideological concept, resulted in the collapse of a whole series of orders, which from the aspect of humanity, sustainability, and righteousness represented a higher level of the reached quality of life from the civilizational aspect.

Economic principles were transmitted to the sphere of education and *profitability* becomes the basic criterion of the "successful" functioning of the educational system. The economistic postulates are declared as universal values which, according to the new-age ideologists enable the survival of the humanity. But what kind of humanity?

The fundament of the global order is based on the making of profit: the humanity is fit into criteria emerging from the economic sphere. Under the influence of super-national power centers, which use as instruments for governing of the mankind the states in the political and military sphere and in the economic sphere international corporations –"the fundamental goal of the existence" is to increase the profit. Humanistic ideas and goals whose realization would result in the transformation of the existing dominant socioeconomic order which self-reproduces an entire range of inequalities a) are limited by a whole range of regulations which establish the existing order and b) are expelled from the public discourse as unacceptable relicts of the past. The provision of the realization of the interests which are in function of the general wellbeing is in so-called contemporary societies by the powerful corporative world delegitimized as "unprofitable action", since their only concern is – the concern how to make profit.

The sector of education is nowadays observed as the space which should be taken from the state since it provides the opportunity of profit-making and the opportunity of the spreading of the ideological narrative which suits the interests of the capital. The entrance into the institutionalized education enables the participants of the educational process the preparation for life and work, however, in a less visible, the educational institutions participate in the realization of primary goals of so-called power centers: (a) the reproduction of the ruling ideology, (b) self-reproduction of the governing structures, (c) profit.

The old notion of education as the manner of knowing the world and of the preparation for its progressive change apparently belongs to the forgotten ideas of Enlightenment. Nowadays it is replaced by the postmodern representation of education as the manner of training for the performance of certain tasks which provide the opportunity to the individual to participate in the competition at the labor market.

Research results and discussion.

The European integrations and educational reform. The nineties of the twentieth century represented a challenge for societies with far better orders than the former Yugoslav society, which went through the experience of war, collapse of the unique state space and the creation of isolated post-socialist entities which tended to establish the new system based on neoliberalism via long-term transition. The transition, which was the name of the

transitional period from the socialist into capitalist system, went from the late eighties until today through various stages which completely changed its economy, politics and culture, mostly by devastating the resource which were at the disposal of the society (Mitrovic, 2009: 263). For the reasons of the introduction of the system with multiple parties or, as this process was popularly called, *the import of democracy* and "the installation" of the free market as the highest regulatory system, the Serbian society went through privatization of the economic complexes, deindustrialization, liberalization and monetization, whose ultimate outcome was the reduction of the social product, which was close to the level of 70 percent of the social product before 1989, huge percentage of the unemployed population and among them the group of age between 18 and 35 as the most unemployed, dramatic increase of the percentage of the population living below the so-called poverty line or at the very lower limit, restrictive social politics which reduced the grants to socially endangered categories of the population and continual reduction of the public consumption which pushed beyond all endurance the health, educational and other great systems. In the social structure there was regrouping of the population in two great groups or classes, one small group of the newly rich and enormous group of the impoverished population, since the transitional changes "melted down" the middle class. There is, of course, the so-called political class, which owing to the positioning within the structures which make decisions and participate in the creation of developmental policies under the patronage of external factors such as the International Monetary Fund, the World Bank, the European Union and other, provide themselves with the beneficial position of the transitional winners and privilege users. It is exactly the members of the political class who are engaged in the redesign of the old structures and subsystems, including education, with the aim of their harmonization with the desired super-national structures. In the field of education in the Serbian society since 2000 there are reform processes with the purpose of the harmonization of the Serbian educational space with so-called European educational space: at all levels of education the complex changes are undertaken and they fundamentally changed the spirit of the former education, its goals, effects, strategy, etc. The initiated processes represent multidimensional and deep processes whose effects have not reached the awareness of the public exhausted by the long-term transition and there is no serious intention to critically estimate the results of the reform of the education so far and insisting on its European dimension, whatever it represents for the political class. On the other hand, the tendencies representing the discontinuities in the development of the Serbian education are noticeable. There are many of them, but in this paper the emphasis is placed on: 1) fundamental tendencies at the level of primary and secondary education; 2) fundamental tendencies at the level of higher education; 3) alterations referring to the status of employees in the institutionalized education.

Add.1 Correlation between the European integrations and educational reforms in the Republic of Serbia. The educational policies in the European Union (EU) influence the educational policies of the national educational systems of the countries with the aim of accession to it (Pak, 2011: 198). The pre-accession processes for each country wanting to become a part of this integration represent a great challenge because it is necessary to implement many legal norms, binding for the EU, into the national legal systems. The procedure of the accession due to its duration may cause a certain *fatigue* so the Board for education and culture of the European Parliament implemented the idea to open educational programs of the EU for the third countries with the perspective of the accession so as to make them closer in the field of education to the EU. Education obtained the role of *the integration contribution within the process of accession to the EU* (Pak, 2011: 198). The creation of new educational policies and educational programs in these countries is financially supported by the EU. Therefore, the educational reforms in the member states of the EU and the states with the intention of accession to this integration are the

expression of the political will of the ruling groups of the neoliberal orientation.

Add.2 Results of the educational reform after 2000. The most visible alterations of so-called educational reforms with the European course in the Republic of Serbia are: the implementation of the preparatory preschool program for all children old enough to be included in the primary education; inclusive education of primarily children with special needs and children members of the Romani ethnicity (which has all the features of positive discrimination, i.e. affirmation in comparison to majority and other groups of population); introduction of final exams (testing) after the eighth grade which selects the primary school students in the entrance to high school; the application of the declaration of Bologna in the higher education, as well as the series of alterations referring to new roles of the educational participants (teachers, students, university students), organization of education, educational programs, social position of the employees in this sector, etc. The educational reform is implemented as a part of "the package" of the overall social changes and the changes are implemented "from above" as an expression of the political will. The legal changes in the sphere of education were proposed and created from the top political state structures, whose fundamental feature in the primary and secondary education was "to increase the efficiency of education" (Jerkovic, 2011: 182), which resulted in the emergence of the need for the critical evaluation of the educational concept in Serbia (Avramovic, 2003: 254).

By signing of the Declaration of Bologna (2006) the Republic of Serbia initiated the reform of the higher education. The fundamental reform principles are: mobility of students and teachers, efficiency of the studies, permanent evaluation, provision of the higher education quality, the university autonomy. The formal adjustment of the national higher education institution legal regulation with the European (establishment of the comparable academic titles and the implementation of the diploma supplements, the adoption of the three-level system of studies, the acceptance of the comparable point system, adjustment of the national quality standards with the European), however, did not provide the success of the initiated reform. The Law on the higher education (2005) brought the university into a new market position (apart from the state faculties there are also private faculties), enabled significant autonomy of the higher-education institutions and the freedom in the creation of the programs of study, the Law prevented the separation into fractions of the university and its integrative functions were established (determination of unique standards of operation of all services and units, quality assurance, passing of programs of study, etc.). Institutional efforts were made to establish the so-called quality culture (The Law on higher education, 2005), (The Law on the amendments to the Law on higher education, 2010) – the National council for higher education, the Commission for accreditation and quality control, the Conference of the universities of Serbia were established. The application of the process of Bologna accomplished some positive changes (Djukic, 2006; Jerkovic, 2011). However, there are also some critical evaluations of the range of so-called Bologna heading toward the narrowing of the theoretical knowledge: "Observed from one world-historical or civilizational level, Bologna represents two steps back in comparison to the university education of the university is the community of research work and education, all with the aim of increasing the knowledge" (Markovic, 2004: 86).

Add.3 The alterations referring to the status of employees in the institutionalized education. It is noticed that in this sector the number of employees on a temporary basis is growing. The noticed tendency of the increase of the number of employees for definite period of time in education emphasizes the basic direction of the transition of the society in neoliberalism, which, as it proved globally, is deeply unjust and inhumane: it grants the legitimism to the socially created inequalities and stark polarized differentiation among the population into a small group of "winners" and vast majority of "losers". According to the data of the

Republic Statistical Office (2011) in the Republic of Serbia during the 2011/12 school year, when it comes to the teaching staff, there were over 100,000 teachers employed in the primary, secondary and higher education. About 54 percent of all employed teachers work in the primary, approximately 31 percent in the secondary and about 15 percent in the higher education. Out of all teachers employed in the primary education, 60 percent work full working hours. In the secondary education 56 percent of teachers work full working hours and in the higher education this percentage amounts to 89 percent of teachers and associates (Statistical Yearbook of the Republic of Serbia, 2012: 77-89). Teachers with different positions in education, since they are related to the collective identity "are encouraged to behave in a structural manner which leads to the cohesion within the group and the manner of establishment of the relation with others" (Nojman, 2011: 11), which results also in their mutual competition. In the sector of education the same relation is developed between employers and employees as in production: on the one hand of the barrier, there is so-called private capital (and less the state) with its needs, interest and real power to impose the corresponding education organization and on the other, the employees, who are divided into permanently employed and ever increasing group of temporarily employed (employees for a definite period of time) whose interests do not match. From this fact of the conflict of interests of two groups of employees, who are also the bearers of different identities, the creators of educational policies draw the support for "their" reforms.

The educational reform and the Finnish experience. The story about the reform of the national education in the Republic of Serbia in one part always touches upon the experience of Finland which is known as the role model in the sphere of the institutionalized education in the European Union. It is believed that Finland managed by its unique educational policy to transform itself from the country of average academic results into a country of *outstanding* educational results. The interest of the educational experts and creators of educational policies in the Republic of Serbia for *the Finnish lessons* in the sphere of educational reforms indicate that the borrowing of someone else's experience does not always lead to the accomplishment of the same effects. P. Sahlberg (2013) emphasizes that the success of the Finnish system of education is based on: (a) *the construction of the quality primary school*for all children financed by the public funds and it is within the competence of the local authority; (b) *the manner in which Finland received advice from the outside* with regards to its legacy in the sphere of education, which is reflected in the preservation of the good tradition, best practice and their connection with new ideas taken from others; (c) *systemic development of appropriate and incentive work conditions for teachers and directors* of the Finnish schools. What makes the key difference between the experience of Finland and other countries, as emphasized by Sahlberg, are not the programs of the teaching education of the world quality and good salary of teachers (many others have that, too), but "the fact that teachers in Finland may apply freely and without limitations their professional knowledge and judgment in their work, they have supervision over the curriculum, student knowledge assessment, teaching improvement and connection to the community" (Sahlberg, 2013: 28-29). The educational reform in the Republic of Serbia did not reach in any of the stated segments the so-called Finnish role model, on the contrary, it shows the tendency of the rejection of its own educational tradition and uncritical adoption of foreign ideas in the educational sector.

The successful Finnish educational reforms indicate the shortcomings of the reforms whose basic criteria are the market, competition, standardization, testing, more unique and faster entrance into the teaching profession, closing of schools with less success, layoff of teachers and directors without results, etc. (Hargreaves, 2013). The countries of so-called Western cultural scope implement reforms of education moving toward centralization in education creating the context in which the man-

agement structures (representatives of authorities) decide what and how will be learned and what should be taught at schools. Standardized reforms of education in the function of the market emphasize the need for reaching the same goals regardless of the culture and society in which they are implemented and they are directed primarily to the "raising of the threshold and reduction of the differences in success so as to enhance the test results in literacy and mathematics" and secondarily to the development of abilities which "do not refer to helping people reach their own goal but preparing for the realization of goals of the educational policy" (Hargreaves, 2013: 12). The Finnish educational reform on the contrary is, according to the estimation provided by Hargreaves (2013), based on the following premises: (a) Finland has its own view of the change of the education and society, it did not "borrow" the standardized vision adopted somewhere else; (b) it relies on the qualities of teachers with excellent university qualifications who are attracted by this occupation for the purposes of the social mission; (c) it has the strategy of education of students with special educational needs which is inclusive and via which almost half of the students in the country receives special help in learning at the level of the primary education; (d) it develops the awareness of teachers about the collective responsibility and common planning of the curriculum and not about the application of the prescribed curricula and the preparation of students for standardized tests prepared by the central authority; (e) it creates the connection between the educational reform, economic competition and social development – the development of the *inclusivity* (inclusion of an individual and groups into the main streams of the social life – V. T.) and *commonality*. It may be concluded that the orientation toward such educational reform is a strong support to the formation and preservation of the identity of all the participants in education. As it may also be concluded, many societies in transition, like the Serbian society, miss the opportunity to transform the harmonization of education into its actual modernization.

Conclusions. The efficient transfer of the economic logic to the area of education and acceptance of ready reform solutions characteristic for Anglo-Saxon educational policies, to be more specific, their "copying" are the landmarks which create the educational reform in the Republic of Serbia. The reform introduced many changes at different levels of education, especially in higher education, however, the quality assessment of those changes and their ultimate effects requires a more detailed continual analysis. The real estimation of the reform range requires: (a) understanding of the connection between the social context and actual educational reform; (b) critical review of the predominant orientation toward the establishment of the market regulation of education which creates the normative frame in which the *education* as a *common good* boils down to *educational policies*, i.e. the political will of the interested groups with the power to impose their personal or partial interests as general; (c) the establishment of *the conflict practice* of the characteristics of transnational educational strategies and the characteristics of the national educational strategies so as to crate qualitatively *new* strategy of education – turned to a man and creation of a good spot for his life.

The idea of the common European education has fundamentally declarative request for the respect for diversity of the European societies and cultures including the specific features of their education. In the realization of this idea, the EU, however, creates the outlines of the transnational education which, by harmonization and strict regulation of educational processes relativizes the respect for diversity. If they were to "defend" the authentic European request for the respect for diversity, the reformers of the education in Serbia would have to keep the specific good characteristics of the national education emerged as the expression of a specific historical experience and educational tradition and to look for the European community on these grounds.

(In Serbian).

References

1. Mitrovic, Lj. (2009), *Transition in the peripheral capitalism: experiments from sociology of global and regional changes*, The Institute for Political Studies, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

2. Pak, D. (2011), "Foreword: On the relation of the educational policy and European integration", in Domovic, V. et al. (eds.), *The European education – concepts and perspectives from five countries*, Skolska knjiga, Zagreb, Croatia.

3. Jerkovic, I. (2011), "Higher education in Serbia: the experience with reforms and perspectives", in Domovic, V. et al. (eds.), *The European education – concepts and perspectives from five countries*, Skolska knjiga, Zagreb, Croatia, 179-195.

4. Avramovic, Z. (2003), *The state and education: the critical evaluation of the education conceptions in Serbia*, The Institute for Pedagogical Research, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

5. The Government of the Republic of Serbia and the Ministry of Education, Science and Technological Development (2005), *The Law on higher education*, no. 76/05, Sluzbeni glasnik of RS, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

6. The Government of the Republic of Serbia and the Ministry of Education, Science and Technological Development (2010), *The Law on the amendments to the Law on higher education*, no. 44/10, Sluzbeni glasnik of RS, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

7. Djukic, M. (2006), "The principles of the Bologna declaration and the reform of the higher education", in Kamenov, E. et al. (eds.), *The reform of the educational system in the Republic of Serbia*, The Faculty of Philosophy, Novi Sad, Serbia, 317-328. *(In Serbian).*

8. Markovic, D. Z. (2004), "Dilemmas about the reform of education in transition", in Mitrovic, Lj. et al. (eds.), *Civil society and multiculturalism at the Balkan*, The Faculty of Philosophy, The Institute for Sociology, Nis, Serbia, 84-89.

9. *Statistical Yearbook of the Republic of Serbia*, (2012), Chapter no. 5, Education, Statistical office of the Republic of Serbia, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

10. Nojman, B. Iver. (2011), *The use of other: „East" in the formation of the European identity*, Sluzbeni glasnik, Belgrade center for safety politics, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

11. Sahlberg, P. (2013), *The Finnish lessons: what the world can learn from the educational reforms in Finland*?, Novoli, Belgrade, Serbia. *(In Serbian).*

12. Hargreaves, E. (2013), "Foreword", in Sahlberg, P., *The Finnish lessons: what the world can learn from the educational reforms in Finland*, Novoli, Belgrade, Serbia, 9-16. *(In Serbian).*

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Vesna S. Trifunovic, Doctor of sociological sciences, associate professor, University of Kragujevac.

Трифунович Весна Светислава, доктор социологических наук доцент факультета педагогических наук Университета г. Крагуевац.